

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК 2011 № 4

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК 2011 № 4

ЗАСНАВАЛЬНІК – НАЦЫЯНАЛЬНАЯ АКАДЭМІЯ НАВУК БЕЛАРУСІ

Часопіс выдаецца са студзеня 1956 г.

Выходзіць чатыры разы ў год

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Демиров В. В. Проблема сознания сквозь призму построения моделей искусственного интеллекта.....	4
Смирнова Р. А. Управленческие кадры АПК как лидеры развития аграрной сферы Беларуси.....	11
Кузьменка Т. В. Асноўныя напрамкі павышэння эфектыўнасці выкарыстання працоўных рэсурсаў у сельскай мясцовасці.....	16

ПРАВА

Сівец С. М. Забеспячэнне правоў грамадзян як асноўны вектар рэалізацыі сацыяльнай палітыкі Рэспублікі Беларусь.....	24
Ладутько В. К. Объективные признаки административных правонарушений в сфере налогообложения.....	29
Абламейко М. С., Марушко Д. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при формировании информационного общества в Республике Беларусь.....	39

ЭКАНОМІКА

Корап В. У. Манетарны індыкатар стану беларускай эканомікі	46
Сабден Оразалы, Арменский А. Е. Обеспеченность национальных валют и переход к равноправной торговле	51

ГІСТОРЫЯ

Витязь С. П., Кулаков В. И. «Каменные» городища раннего средневековья.....	57
Грыгор'еў У. У. Уплыў гунаў на эвалюцыю этнічных супольнасцей у познаантычнай і раннесярэдневяковай Еўропе	69
Дмитриева О. П. Этнические меньшинства Беларуси в годы Первой мировой войны в отечественной историографии 90-х гг. XX – начала XXI в.	74

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Савіцкая А. А. Сучасная праблематыка ў рэпертуары дзіцячага тэатра (практыка Беларускага тэатра юнага гледача).....	83
Мурина Н. В. Аутентичность художественного образа современной архитектуры Беларуси	90
Рэмішэўскі К. І. Максім Багдановіч і эвалюцыя мемарыяльнай парадзгмы ў экраннай культуры Беларусі...	95

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Ткачова П. П. Маска ў сатырыка-гумарыстычнай літаратуры: трансфармацыі вобраза аўтара ў мастацкім творы	106
--	-----

МОВАЗНАЎСТВА

Маракуліна Т. М. Загалоўкі публіцыстычных тэкстаў газеты «Наша Ніва»: функцыянальны і структурны аспекты даследавання	117
--	-----

РЭЦЭНЗІІ

Медведев В. Ф. Туристическая мозаика Беларуси	124
--	-----

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ 2011 № 4

Серия гуманитарных наук

на русском и белорусском языках

Тэхнічны рэдактар М. В. Савіцкая

Камп'ютарная вёрстка Ю. А. Агейчык

Здадзена ў набор 12.09.2011. Падпісана ў друк 03.10.2011. Выхад у свет 17.10.2011. Фармат 60×84¹/₈. Папера афсетная.
Ум. друк. арк. 14,88. Ул.-выд. арк. 16,4. Тыраж 164 экз. Заказ 236.
Кошт нумару: індывідуальная падпіска – 19380 руб.; ведамасная падпіска – 49174 руб.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства «Выдавецкі дом «Беларуская навука». ЛІ № 02330/0494405 ад 27.03.2009.
Вул. Ф. Скарыны, 40, 220141, Мінск. Пасведчанне аб рэгістрацыі № 394 ад 18.05.2009.

Надрукавана ў РУП «Выдавецкі дом «Беларуская навука».

© Выдавецкі дом «Беларуская навука»
Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2011

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES 2011 N 4

FOUNDER IS THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

The Journal has been published since January 1956

Issued four times a year

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Demirov V. V. Problem of consciousness through a prism of artificial intellect models.....	4
Smirnova R. A. Agrarian administrative staff machinery as leaders of the agrarian sector development	11
Kuzmenko T. V. Main directions to improve the efficiency of labor resources utilization in rural areas	16

LAW

Sivets S. M. Guaranteeing of the social rights of citizens as a main factor of social policy implementation in the Republic of Belarus	24
Laduts'ka V. K. Objective features of administrative infringements in the field of tax legislation.....	29
Ablameiko M. S., Marushko D. A. Legislative maintenance of information security in the process of informational society formation in the Republic of Belarus	39

ECONOMICS

Korap V. U. Monetary indicator of the Belarusian economy status.....	46
Sabden Orazaly, Armenskiy A. E. National currency reserves and transition to equal rights in the trade.....	51

HISTORY

Vitsiaz U. U., Kulakov V. I. «Stone» sites of ancient settlements of the early middle ages.....	57
Grigoryev U. U. Hunnish influence on evolution of the ethnical communities in the late antique and early medieval Europe ..	69
Dmitrieva O. P. Ethnical minorities of Belarus in the First World War in national historiographic works of the 90-ies of XX – the beginning of XXI century.....	74

ARTS, ETHNOGRAPHY AND FOLKLORE

Savitskaya A. A. Modern problems in the repertoire of the children's theatre (practices of the Belarusian theatre of the young spectator)	83
Murina I. V. Authenticity of the artistic image of the modern architecture of Belarus	90
Remishevsky K. I. Maxim Bagdanovich and evolution of the memorial paradigm in the Belarusian screen culture.....	95

LITERATURE STUDIES

Tkachova P. P. Mask in satire and humor literature: transformations of the author's image in the work of art.....	106
--	-----

LINGUISTICS

Marakulina T. M. Headlines of thy «NAŠA NIVA» newspaper texts: functional and structural aspects of researches	117
---	-----

REVIEWS

Medvedev V. F. Touristic mosaic of Belarus.....	124
--	-----

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 165.12:004.81

В. В. ДЕМИРОВ

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Институт философии НАН Беларуси

(Поступила в редакцию 19.04.2011)

Введение. Актуальность данного исследования имеет отношение к философским аспектам исследований, которые проводятся в связи с построением моделей искусственного интеллекта, логико-семантическим исследованиям репрезентации смысла в естественных языках и формах его образования в реальном человеческом сознании, что в свою очередь имеет значение для создания систем смысловой, автоматизированной обработки информации.

Цель данной статьи заключается в выявлении фундаментального статуса проблемы объективности смысла и онтологической референции в рамках реализации моделей искусственного интеллекта и экспликации механизмов представления содержания информации.

В соответствии с поставленной целью в статье реализуются следующие задачи:

раскрыть онтологические основы единства проблем сознания и языка, а также рассмотреть тематизацию предметного поля онтологии как предпосылку мышления на стыке базовых формулировок, определений и категорий, разработанных в рамках философии сознания и философии языка;

рассмотреть специфику обработки информации (в аспекте фиксации ее смыслового содержания) естественным человеческим интеллектом и сравнить ее с механизмами обработки информации, представленными в моделях искусственного интеллекта.

В рамках этих исследовательских стратегий проблема смысла является краеугольной. Более того, сегодня все более четко осознается невозможность введения новых «смысловых единиц» кодирования информации, базируясь исключительно на логико-математических исследованиях. От последних всегда ускользает дологоическая, осуществляемая в форме темпоральных синтезов структура порождения смысла. И это не случайно, т. к. и логика, и математика оперируют вневременными идеализированными сущностями, которые согласно идее Тьюринга являются вычислимыми алгоритмическим устройством только посредством операции перехода между дискретными состояниями «вкл./выкл.». При этом очевидно, что понимание реальных механизмов мышления должно происходить сквозь призму идей длительности, непрерывности и овременности процессов смыслопорождения. Именно в таком ракурсе их рассматривал Гуссерль. В аналоговых вычислительных устройствах (их пытаются предложить в альтернативу цифровым) вычисления осуществляются с помощью непрерывного изменения того или иного физического параметра (таких, как время, масса или электрический потенциал), а не смены дискретных состояний. Но на данный момент эти устройства еще не снабжены достаточным комплексом идей, которые позволили бы им приблизиться по точности к цифровым. Поскольку любая программа является принципиально формальной синтаксической системой и осуществляет манипулирование символами с помощью рекурсивно применяемых правил, без какой бы то ни было отсылки к смыслу этих символов, то очевидно, что главным вектором поисков должно быть обнаружение

специфических механизмов, при помощи которых наш разум оказывается способным манипулировать именно смысловым содержанием.

Освещение данных вопросов должно привести к осмыслению отличия между такими понятиями, как смысл и информация, а также тех принципиальных барьеров, препятствующих тому, чтобы информация была смысловой. На философском и логическом уровне этот барьер осмысливается как граница между синтаксисом и семантикой. Поскольку любая компьютерная программа сегодня является формальной синтаксической системой, манипулирующей символами за счет рекурсивно применяемых правил, способ, посредством которого человеческий мозг на самом деле порождает ментальные явления, не может сводиться лишь к выполнению компьютерной программы.

Мета-программный уровень как способ интеллектуализации алгоритмического вычислителя. Известно, что на развитие когнитивной психологии и нейрокогнитивистики оказала огромное влияние специальная отрасль компьютерных наук, именуемая «искусственный интеллект» (ИИ), нацеленная на моделирование познавательных процессов человека, особенно с тех пор, как для компьютерных программ искусственного интеллекта потребовались знания о том, как мы обрабатываем информацию.

Самая актуальная в этом смысле проблема репрезентации знаний (как говорят некоторые когнитивные психологи, «внутренних репрезентаций» или «кодов») породила одни и те же фундаментальные вопросы на протяжении столетий: каким образом приобретаются, хранятся, передаются и используются знания? Что такое сознание и откуда происходят осознанные мысли? Какова природа восприятия и памяти? Что есть мысль? Идентичны ли внутренние репрезентации мира его физическим свойствам? Существует все больше свидетельств того, что многие внутренние репрезентации реальности – это не то же самое, что сама внешняя реальность, т. е. они не изоморфны. Кроме того, исследования нервной системы ясно показывают, что мы получаем и храним информацию, приходящую из внешнего мира, с помощью нейрохимического кода.

Еще Паскаль, Декарт, Лейбниц и другие мыслители мечтали о вычислительных машинах, они были изобретены лишь около 60 лет назад после появления быстродействующих цифровых компьютеров. Любопытно, что компьютеры стали важным инструментом ученых, изучающих познание; они повлияли на то, как люди рассматривают собственную психику.

Первоначально такие устройства предназначались для быстрого выполнения множества сложных математических операций. Однако вскоре обнаружилось, что они могли выполнять функции, напоминающие решение проблем человеком.

Однако успехи, достигнутые в области ИИ, не снимают с повестки дня другой вопрос, который в несколько грубой форме может быть сформулирован так: насколько адекватно с помощью искусственного интеллекта удастся смоделировать существенные особенности работы естественного интеллекта, работу человеческого сознания? Для того чтобы снять некоторую некорректность поставленного вопроса, необходимо учесть то, что любой продукт ИИ – не что иное, как реализация некоторой модели интеллектуальных процессов, но не искусственное воспроизведение всего сознания в его целостности. Здесь необходимо чисто методологически отличать моделирование того или иного процесса от его воспроизведения. Мы можем создать абсолютно точную модель пищеварительного процесса, но это еще не значит воспроизвести этот процесс, т. к. эта модель, сколь бы точна она не была, ничего не сможет переварить. Поэтому на данный момент преждевременно говорить о том, что мы способны воспроизвести на ЭВМ особенности человеческого сознания.

Более того, следует отметить важное различие в принципах осуществления когнитивных операций между искусственным и естественным интеллектом.

Работа современных ЭВМ организована как работа алгоритмического вычислителя. Это в свою очередь означает, что программа представляет собой ряд локальных операций, каждая из которых осуществляется последовательно, друг за другом. Безошибочность работы компьютера гарантируется как корректностью каждого отдельного перехода (операции), так и хорошей совместимостью операций друг с другом (правильность программы в целом). Благодаря такой организации работа компьютера в принципе безошибочна, причем принципиальная корректность связана,

прежде всего, с *локальным* характером работы программы. Принципиальная корректность работы компьютера означает невозможность порождения ошибочных гипотез, а указание на локальный характер работы ЭВМ – отсутствие как такового механизма выдвижения гипотез, поскольку для выдвижения гипотез необходима другая, отличная от алгоритмического вычислителя, программа, способная «помнить» результаты своих прошлых вычислений и анализировать их. По существу, речь в данном случае идет уже о программе следующего иерархического уровня (метапрограмме), которая работает не непосредственно с «входными данными», а с результатами работы программы первого уровня – с результатами работы алгоритмического вычислителя. Отмеченная выше локальность работы алгоритмического вычислителя существенным образом связана с отсутствием у него долгосрочной «памяти», поскольку для выполнения следующего шага достаточно «помнить» лишь результат предшествующего вычисления.

«Механизмы» работы естественного интеллекта (сознания) существенно другие. В первую очередь это проявляется в том, что вместо решения конкретной задачи и ответа на поставленный вопрос о выводимости конкретной формулы человек перед этим всегда пытается ответить на более глобальный вопрос об общей структуре выводимых формул. Именно это стремление к постановке более общей проблемы (вместо вопроса о выводимости конкретной формулы ставится вопрос о структуре выводимых формул определенного класса) и попытка последующего ее решения привели к появлению принципиально нового способа решения задач, который может быть назван механизмом «порождения гипотез» (эвристика). В отличие от безошибочного локального поиска, который по существу является методом «полного перебора», использование гипотез (эвристик) позволяет существенно сократить время поиска. Возможно, гипотеза оказалась ошибочной или, говоря другими словами, применение эвристики «пропустило» некоторое решение и тем самым привело к неверному (отрицательному) ответу на поставленный вопрос. Однако, несмотря на возможность ошибки, такое поведение имеет ряд прагматических преимуществ, главное из которых (подчеркнем это еще раз) – возможность быстрого принятия какого-то решения и ответного действия в условиях нехватки времени, что, видимо, способствовало биологическому выживанию особей (человека), обладающих таким (сознательным) механизмом принятия решений.

Таким образом, зафиксируем следующую дихотомию: глобальность работы сознания – локальность работы ИИ. Указание на способность сознания к «глобальной обработке информации» (за счет использования механизма «порождения гипотез») – важный результат, полученный на стыке логики и психологии. Однако выражения «способность к глобальной обработке информации», «механизм порождения гипотез» (как и метафора «правого – левого полушария») скорее являются яркими метафорами, которые должны получить более конструктивную проработку. Для этого необходимо ответить на более фундаментальный вопрос о том, какие «механизмы» сознания лежат в основе способности сознания к «глобальной обработке информации».

Декларативный и процедурный уровни как формы обработки информации в естественном и искусственном интеллектах. В качестве предварительного подхода к решению этого вопроса воспользуюсь интересным примером А. Тейза, который хорошо проясняет специфику сознательной обработки информации: «Предположим, что нам надо построить два дома. С этой целью мы нанимаем две группы рабочих по тринадцать человек в каждой. Одного из рабочих первой группы мы назначаем руководителем и даем ему книгу, в которой содержатся все планы дома со стандартными схемами расположения стен, водопроводных труб, электрических проводов, окон и т. д., а, кроме того, несколько изображений дома в перспективе. Рабочие изучают эти планы и по указаниям руководителя строят дом, непрерывно приближаясь к конечному состоянию, которое определено описанием. Во второй группе руководителя мы не назначаем, а расставляем рабочих, определяя для каждого исходное положение на рабочем участке, и даем каждому из них одинаковую книгу, в которой содержатся указания относительно ближайшего пространства вокруг него. В этих указаниях нет таких слов, как дом, трубы, окна, в них нет также ни планов, ни чертежей дома, который предстоит построить. Эти указания (процедурная инструкция), касаются только того, что рабочий должен делать, находясь в различных положениях и в различных отношениях, в которых он оказывается по мере того, как его положение и отношения изменяются. Хотя все книги одинаковы, рабочие вычитывают из них и применяют различные указания по-

тому, что они начинают свою работу, находясь в разных положениях, и движутся после этого по разным траекториям изменения. Конечный результат в обоих случаях будет один и тот же, а именно – построенный дом. Способ кодирования в этих двух случаях, очевидно, разный. В первом случае кодирование изоморфно описанию дома, выполненному наблюдателем, и образует собой фактически репрезентацию последнего. Во втором случае это не так. Первый случай типичен для способа, посредством которого наблюдатель кодирует создаваемые им системы. Вторым присущ способу, посредством которого геном и нервная система образуют собой коды для организма и нервной системы соответственно» [11, с. 136–137].

Очевидно, что именно первый способ деятельности и представляет деятельность естественного интеллекта (сознания) человека, тогда как второй характерен не только для механизма наследственности и механизма нервной системы, например, в случае рефлекторного поведения, но и для работы современных систем ИИ.

Таким образом, отметим различие, которое дополняет и уточняет ранее введенную дихотомию глобальность – локальность. Это различие касается декларативности естественного интеллекта и процедурности ИИ. Поскольку глобальная обработка информации невозможна без декларативности, т. е. одним из условий (трансцендентальным условием) способности сознания к «глобальной обработке информации» является декларативность: без *описания* (схем, планов, рисунков) никакие механизмы глобальной обработки информации невозможны. Поэтому, если всерьез говорить о моделировании сознания в рамках исследований ИИ, то необходимо каким-то образом сочетать процедурный и декларативный подходы. Без декларативного подхода никакое полноценное моделирование сознания невозможно!

Причем более внимательный анализ приведенного отрывка о двух способах строительства дома позволяет говорить, что чисто процедурный подход, соотносимый с работой генома и нервной системой, невозможен. Даже на этом уровне необходим декларативный подход (использование описаний). Основу любой процедуры составляют какие-то неразложимые на данном уровне деятельности (анализа) элементы, на которых и базируется данная процедура (в частности, любая процедура предполагает некоторый процедурный «язык», состоящий из алфавита и слов). Эти процедурные элементы – «целостности» являются не чем иным, как описанием, хотя и описанием другого, более низкого уровня. В примере со строительством дома процедурный подход к строительству дома должен опираться, например, на понятия «кирпич», «цементный раствор», «мастерок», хотя и не предполагает использование понятий более «высокого» уровня как «дом», «стена», «крыша». Поэтому, возвращаясь к приведенному выше тезису о необходимости сочетания процедурного и декларативного подхода, уточним его следующим образом: *специфика человеческого сознания проявляется не просто в использовании декларативного подхода (описаний одного уровня), а в способности использовать в своей деятельности, по крайней мере, двухуровневую систему описаний.*

Однако наш анализ был бы неполон, если бы мы не указали на одну важную особенность естественного интеллекта. В каком-то смысле она играет роль еще более глубинного трансцендентального условия по отношению к уже выявленной в ходе нашего анализа способности сознания к использованию двухуровневой системы описаний. Наличие описания является необходимым, но недостаточным условием работы сознания, поскольку помимо самих описаний необходимо постулировать особый тип **наблюдателя**, а именно наблюдателя, способного воспринимать или даже **конституировать такие целостности**. Следовательно, сознание (человек) является таким наблюдателем, который способен к «схватыванию идеи» (Платон), к «синтетической деятельности» (Кант), «восприятию общего» или акту идеации (Гуссерль). М. Мамардашвили, анализируя феномен восприятия дома, замечает, что на уровне физиологического восприятия «дом» как целостный феномен (а именно на такую целостность указывает фраза «Я вижу дом») не дан. Для того чтобы воспринимать дом в качестве дома, недостаточно указание на важность соответствующих декларативных (выразительных) средств, а необходимо постулирование особой способности, которая, говоря платоновским языком, есть способность человеческого сознания к «схватыванию идей»; для этого необходимо постулировать способность сознания к восприятию «идей-целостностей» или конституированию феномена как трансцендентального условия воз-

возможности восприятия реальных явлений. Таким образом, *существенной особенностью деятельности сознания является способность к «схватыванию идей», синтезированию «целостностей».* Именно это позволяет работать с двухуровневой системой описания.

Выявленная особенность человеческого сознания к «схватыванию идей» и составляет сердцевину механизма работы сознания, что является одним из важных итогов философского исследования природы (сущности) сознания. Моделирование этой способности человеческого мышления позволит перейти на качественно новую ступень развития ИИ, позволяющую говорить о моделировании сознания как такового. Для того чтобы это стало возможно, мы должны преодолеть наивно-реалистическую точку зрения (естественную установку), согласно которой есть предметы объективной действительности сами по себе и есть их ментальное отражение. Согласно Гуссерлю чистый акт предметного представления – априорное условие чистой предметности, определяющей возможности того, как разные значения разных выражений могут отсылать (выполнять референцию) к одному и тому же предмету.

Таким образом, говорить о референции мы можем не постольку, поскольку имеем некоторый «действительный предмет» по отношению к определенному ментальному содержанию, а поскольку только чистый смыслодающий акт (интенция) обуславливает-конституирует наличие предмета для сознания. Природа этой конститутивности, по Гуссерлю заключена в том, что прежде восприятия единичного предмета пассивно-рецептивными компонентами сознания, выраженными в форме ощущений, должно быть возможно специфическое интуитивно-эйдетическое восприятие общего (как конкретной целостности единичных элементов), которое является представлением того, что в ощущениях репрезентирующих внешний предмет актуально не представляется. Иначе говоря, интенциональное сознание активно уже на уровне восприятия (действительного или вспоминаемого и воображаемого). Его активность в форме смыслопорождающей динамики эйдетической очевидности есть источник референции предмета и его ментального содержания. Для специалистов в области ИИ будет чрезвычайно важным исследовать механизмы этой смыслопорождающей динамики.

Подобную смыслополагающую активность сознания, конституирующую специфические целостности как «точки сборки» сенсорного опыта, отмечают и специалисты по нейрокогнитивистике. Известно, что уже на стадии восприятия информации имеет место осуществление сложного процесса **«наложения»** на рассматриваемые объекты создаваемых в мозгу человека целостных образов (фреймов). Проследите, например, за тем, как вы ориентируетесь, входя в новое помещение. Вы не воспринимаете и не производите дальнейшего преобразования всех поступающих из внешнего мира сигналов. Это попросту невозможно. Вы сразу опознаете характер помещения: магазин, зал кино, школа, жилой дом и затем, помимо вашего сознания, ваш мозг «задает» объекту восприятия последовательность «вопросов». Если это магазин, то где продавец? **Мозг воспринимает только те сигналы, которые связаны с ответами на эти вопросы.** Имеет место последовательная смена воспринимаемых сигналов, и в результате вы получите представление об объекте, которое полностью соответствует целям вашей деятельности и интересам.

В основе этого явления, очевидно, должны лежать какие-то в достаточной степени совершенные и сложные механизмы. Даже в том случае, если вы воспринимаете речь собеседника или слушаете радио, ваш мозг также не воспринимает всех сигналов, соответствующих словам и тем более буквам текста. Уже на первых стадиях независимо от вашего сознания осуществляется смысловое прогнозирование последующего текста, и в дальнейшем имеет место только сопоставление отдельных компонентов прогноза с элементами поступающего извне информационного потока. В этом легко убедиться, попробовав понять и запомнить быстро произносимые слова, не связанные между собой смысловым содержанием. Но возникает вопрос: каков тот комплекс специфических правил, который определяет постоянство порождаемой мозгом «модели реальности», раз уж мы выяснили, что ощущений в чистом виде и целостно репрезентирующих объект не существует. Очевидно, что они должны представлять собой алгоритм или систему алгоритмов (систему последовательных правил переработки информации, приводящую к решению любых задач определенного класса), т. е. если не использовать алгоритмы, то каждый раз приходится выдумывать новый способ решения задач.

Можно предположить, что на самом деле при работе нервных клеток и нервных центров многообразие форм поведения не фиксируется и головной мозг реализует только работу алго-

ритмов. А последние в процессе своей деятельности, в условиях, когда организм сталкивается с разными конкретными ситуациями, продуцируют (воспроизводят) различные формы поведения. И если в случае с вычислительной машиной оказывается не важным, на какой архитектуре (параллельной или последовательной) реализуется алгоритм, то в случае с человеческим мозгом мы сталкиваемся с тем, что необходимо выявлять как закономерности работы алгоритмов, так и принципы организации субстрата, реализующего их деятельность.

Но в рамках нашей темы необходимо отметить то, что алгоритмы работы ЭВМ никогда не способны приводить к изменению аппаратной части, на которой они реализованы, да и сам алгоритм реализован в виде жесткой последовательности команд, не способных изменять себя согласно требованиям условий, меняющих параметры взаимодействия среды и машины. Следовательно, здесь речь идет о линейной, замкнутой системе, подчиняющейся детерминистическим законам.

В случае человеческого мозга мы сталкиваемся с качественно другими явлениями. Здесь средства выражения каких-либо ментальных состояний могут со временем оказывать определенное воздействие на нейрофизиологический субстрат их реализации. Причем оказывать это воздействие так, чтобы система приобрела новые, эффективные механизмы обработки информации и взаимодействия со средой.

А. Н. Леонтьев в своих исследованиях, посвященных соотношению психики и нервной системы, отмечал, что высшие формы сознательной деятельности человека всегда опираются на внешние, объективированные средства (примером могут служить узелок на платке, который мы завязываем, чтобы запомнить нужное содержание, сочетания букв, которые мы записываем для того, чтобы не забыть какую-нибудь мысль, таблица умножения, которой мы пользуемся для выполнения счетных операций, и т. п.). «Эти исторически сформированные средства оказываются существенными факторами установления функциональной связи между отдельными участками мозга – с их помощью те участки мозга, которые раньше работали самостоятельно, становятся звеньями единой функциональной системы» [7, с. 89–90].

Образно выражаясь, можно сказать, что исторически сформировавшиеся средства организации поведения человека завязывают *новые «узлы» в его мозговой деятельности, и именно наличие таких функциональных «узлов»* или, как некоторые называют их, «новых функциональных органов», является важнейшей чертой, отличающей функциональную организацию мозга человека от мозга животного. Другой отличительной чертой высших психических процессов человека является тот факт, что локализация их в мозговой коре не является устойчивой, постоянной, она меняется как в процессе развития ребенка, так и на последовательных этапах упражнения. Следует пояснить это положение. Известно, что каждая сложная сознательная деятельность сначала носит развернутый характер и опирается на ряд внешних опорных средств и только затем постепенно сокращается и превращается в автоматизированный двигательный навык. Так, если на первых этапах письмо опирается на припоминание графического образа каждой буквы и осуществляется цепью изолированных двигательных импульсов, каждый из которых обеспечивает выполнение лишь одного элемента графической структуры, то впоследствии в результате упражнения такая структура процесса коренным образом меняется и письмо превращается в единую «кинетическую мелодию», не требующую специального припоминания зрительного образа изолированной буквы или отдельных двигательных импульсов для выполнения каждого штриха. Аналогичным образом развиваются и другие высшие психологические процессы.

Естественно, что в процессе такого развития *меняется не только функциональная структура процесса, но и его мозговая локализация*: участие слуховых и зрительных зон коры, обязательное на ранних этапах формирования некоторой деятельности, перестает быть необходимым на его поздних этапах, и та же деятельность начинает опираться на иную систему совместно работающих зон. Это очевидным образом репрезентирует мозг как динамическую саморазвивающуюся систему, в основе функционирования которой лежит не реализация алгоритмической процедуры, а процесс самообучения, являющийся гибким мета-алгоритмическим основанием перестройки жесткой алгоритмической базы в процессе взаимодействия с внешней средой.

Очевидно, что философское осмысление механизмов темпорального синтеза и интуитивно-эйдетических форм «восприятия общего», «схватывания смысла» должно внести важный вклад

в понимание сущностных факторов, посредством которых сознание способно работать не только на локально-процедурном, формально-синтаксическом уровне, но и на уровне представления и обработки смыслового содержания информации.

Заключение. В заключение необходимо отметить, что проблема представления знаний в компьютерных системах является, пожалуй, самой важнейшей в области моделирования на ЭВМ функций человеческого мышления.

Накапливая знания о внешнем мире, фиксируя данные, осмысливая их, человек создает сложную систему представлений – некую концептуальную модель, которая в конечном итоге фиксируется естественным языком. Модель внешнего мира у человека слабо типизирована и слабо формализована, такая модель предполагает оперирование образами, и в ней можно выделить синтаксический, семантический и прагматический уровни. Однако необходимо помнить, что это модель.

В ЭВМ также может быть создана модель внешнего мира, однако принципы функционирования компьютера таковы, что эта модель должна быть строго формализована.

Сегодняшний опыт заставляет сделать вывод, что такая формализованная модель описывает реальный мир очень неточно. Для адекватного отображения внешнего мира компьютерные модели должны обладать гибкостью, многоплановостью и т. д., но необходимость формализации накладывает существенные ограничения при отображении реально существующих объектов и связей между ними.

Выявленная особенность человеческого сознания к «схватыванию идей», «восприятию общего» составляет сердцевину механизма работы сознания. Эта идея – важный итог философского исследования природы (сущности) сознания. Моделирование этой способности человеческого мышления позволит перейти на качественно новую ступень развития ИИ, позволяющую говорить о моделировании сознания как такового.

В данной статье лишь обозначены сложные вопросы, стоящие на пути моделирования на ЭВМ основных функций человеческого мышления, которые требуют более детального и комплексного философского, методологического анализа.

Литература

1. Девятков, В. В. Системы искусственного интеллекта / В. В. Девятков. – М.: Изд-во МГТУ им. Баумана, 2001.
2. Гаврилова, Т. А., Хорошевский, В. Ф. Базы знаний интеллектуальных систем / Т. А. Гаврилова, В. Ф. Хорошевский. – СПб.: Питер, 2000.
3. Горбань, А. Н. Обучение нейронных сетей / А. Н. Горбань. – М.: СП Параграф, 1990.
4. Заде, Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л. Заде. – М.: Мир, 1976.
5. Искусственный интеллект / под ред. Д. А. Поспелова. – М.: Радио и связь, 1990.
6. Ковальски, Р. Логика в решении проблем / Р. Ковальски. – М.: Наука, 1990.
7. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – М., 1959.
8. Мински, М. Фреймы для представления знаний / М. Мински. – М.: Энергия, 1979.
9. Нейман, Дж. Теория самовоспроизводящихся автоматов / Дж. Нейман. – М.: Мир, 1971.
10. Шенк, Р. Обработка концептуальной информации / Р. Шенк. – М.: Энергия, 1980.
11. Тейз, А., Грибомон, П., Луи, Ж. Логический подход к искусственному интеллекту: От классической логики к логическому программированию / А. Тейз [и др.]. – М.: Мир, 1990.
12. Трахтенгерц, Э. А. Компьютерная поддержка принятия решений / Э. А. Трахтенгерц. – М.: СИНТЕГ, 1998.

V. V. DEMIROV

PROBLEM OF CONSCIOUSNESS THROUGH A PRISM OF ARTIFICIAL INTELLECT MODELS

Summary

In the article specific global-declarative forms of the information processing that is specific to human consciousness have been shown. Dynamically non-equilibrium and self-organized nature of neurophysiologic substratum (brain) realizing these forms have been revealed, too.

In the case of computer always there is a linear, closed system which submitting to deterministic laws. According to this position it has been noticed in the article that algorithms of computer work are never capable to cause to hardware change on which they realized. The algorithm has been realized in the form of rigid sequence of commands that is not capable to change itself according to requirements of conditions changing parameters of interaction between environment and machine.

Accurate differences of the brain and consciousness functioning from specified above principles have been explicated. Here objectivistic methods of the any mental conditions expression could exert with time the certain influence on neurophysiologic substratum of their realization.

УДК 316.334.55-057.32(476)

Р. А. СМІРНОВА

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ КАДРЫ АПК КАК ЛИДЕРЫ РАЗВИТИЯ АГРАРНОЙ СФЕРЫ БЕЛАРУСИ

Институт социологии НАН Беларуси

(Поступила в редакцию 25.01.2011)

Опыт рыночных реформ АПК других постсоветских стран, особенно России, показал, что от того, как воспринимают и в какой степени включаются руководство и специалисты агропредприятий в процесс рыночного реформирования, зависит успех возрождения и развития села. Принято считать, что если аграрный истеблишмент не поддерживает основные положения концепции рыночного реформирования, если не верит в его успех, то реализовать те цели, которые поставило перед аграриями правительство страны, будет крайне сложно. В этом плане изучение уровня развития рыночного мышления руководства агросферы, направлений его формирования, темпы изменения рыночной активности, а также факторы ее стимулирования являются необходимым не только в плане теории, но и практики реформирования АПК.

В литературе директорский корпус и специалистов высшего звена в АПК часто называют аграрным истеблишментом, или аграрной элитой. Элиту, как правило, определяют как социальную группу, составляющую меньшинство общества, являющуюся субъектом принятия стратегически важных решений и обладающую для этого необходимым как статусным, так и личностно-профессиональным потенциалом. Кроме того, подчеркивается также такое качество, как гомогенность элиты, определяемая личными связями, общностью стиля жизни, одинаковой системой ценностей, усваиваемых в семье и учебных заведениях. Основной социальной функцией элиты называется способность к инновационному прорыву [1].

В данной статье на основе результатов социологического опроса рассматривается потенциал руководителей и специалистов АПК выступать в качестве лидеров развития агросферы Беларуси. На наш взгляд, непосредственная включенность в производственные процессы, способность действовать активно в сфере своей профессиональной компетенции, а также распространенность их как социального слоя позволяют называть директорский корпус не столько элитой, сколько лидером развития АПК. Лидеры развития в агросфере – это те верхние социальные группы сельского сообщества, которые исполняют наиболее актуальные и востребованные общественные задачи, а именно решают проблему продовольственной безопасности страны и способствуют материальному и социально-психологическому благополучию сельских жителей. Для того чтобы определить, является ли действительно директорский (включая специалистов) корпус лидером развития, в 2005 и 2009 гг. были проведены социологические исследования по целевой выборке (в 2005 г. опрошено 100 человек, в 2009 – 92 человека). Целевую аудиторию опроса составили директора СПК и специалисты высшего звена сельхозпредприятий, являющиеся субъектами принятия стратегически важных для развития СПК решений и обладающие для этого необходимым как статусным, так и профессиональным потенциалом. Исследование лидеров развития аграрной сферы позволило определить гомогенность этого социального слоя не столько по стилю жизни, личным связям и системе ценностей, сколько по деятельностным признакам их функции: ответственности за взятое дело, способности к принятию решений, восприимчивости к новому, готовности к решительным действиям в инновационных преобразованиях. Анализ данных социологического исследования показал, что в сфере ценностных установок, стиля жизни, социальных

связей, потребительских, трудовых, экономических предпочтений директора и специалисты СПК не отличаются от остальных тружеников аграрной сферы – рабочих, механизаторов, животноводов, специалистов низшего и среднего звена. В белорусском селе гомогенность, напротив, наблюдается не как отличительная особенность отдельного слоя, а как свойство, присущее всему сельскому населению по вышеуказанным показателям, что не дает оснований относить данный критерий (гомогенность) исключительно к элите и говорить о нем как о факторе, определяющем способность быть лидером развития.

Так, по такому показателю, как активность в решении материальных проблем, руководители и специалисты почти не отличаются от простых рабочих: жить богаче других является мотивом активности всего для 2,2% респондентов; в основном (66,3%) они хотят жить «как все», не хуже других. Источником их доходов преимущественно является работа на сельхозпредприятии; лишь пятая часть респондентов продают продукты из своего подворья, а для 39,1% из числа опрошенных руководителей и специалистов потребление из своего хозяйства является главным дополнительным источником доходов. При нехватке денег данная категория сельскохозяйственных работников, как правило, терпеливо ждут зарплаты (44,0%), берут займы (23,1%), продают сельхозпродукты из своего подворья или просят аванс на предприятии. И хотя большинство респондентов относятся к рыночным отношениям позитивно, занимаются бизнесом лишь 1,1% (собираются 3,3% и присматриваются 19,6%). Таким образом, реально включено в рыночные отношения незначительное количество людей. Мешает более активному поведению, так же как и простым рабочим, боязнь нового, перемен в устоявшейся жизни (12,7%), боязнь экономической нестабильности в стране (16,2%), желание работать в коллективе, а не в одиночку (11,2%).

Особенности экономического поведения руководства СПК просматриваются в степени трудовой мобильности, желании интенсифицировать свой труд для повышения доходов. Это существенный показатель рыночной ориентации сознания руководителей и специалистов. Так, согласны ради повышения материального достатка на переобучение и дополнительное обучение 57,6% респондентов, в то же время среди рабочих такого же мнения придерживаются 35,8%. Больше число респондентов-специалистов (65,2%) согласны ради этого работать более интенсивно, иногда сверхурочно (рабочие – 50,6%); готовы на усиление трудовой дисциплины на предприятии (соответственно 68,4 и 45,6%); увеличение личной ответственности за результаты труда (73,9 и 55,6%). Данные различия в мотивациях и средствах целедостижения обусловлены включенностью в управленческий процесс, который уже функционирует по рыночным правилам, а также высоким уровнем образования, информированностью о рынке и другими когнитивными факторами.

По нашему мнению, только деятельностный критерий позволяет определить то общее, что присуще всем, кто работает на земле, и то особенное, что делает директорский корпус основным ядром социальной базы инновационно-устойчивого развития села, лидером развития в агросфере.

В связи с этим в исследовании была рассмотрена специфика экономического сознания и поведения директорского корпуса как системы представлений, установок, ожиданий и поступков, отражающих определенную конфигурацию ориентаций субъектов или социальной группы в окружающем мире, а именно то в их сознании, что составляет операционный код принятия не только экономических и социально значимых решений в СПК, но также вопросов государственно-политической важности. В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что одной из наиболее характерных черт сознания директорского корпуса, определяющей качество лидера развития, выступает проекция текущей ситуации на будущее через опережающее по сравнению с массовым сознанием осмысление новых вызовов внешней среды (политических, социальных, глобальных, экологических, природных и др.). В связи с этим в качестве основных показателей способности аграрного истеблишмента быть лидером развития в исследовании выступили: 1) оценка значимости государственной политики в аграрной сфере и своей роли в ее реализации; 2) мнение о высокой степени влияния реформирования АПК и собственных решений в сфере управления СПК; 3) ощущение причастности к процессу реализации управленческих задач высокого уровня; 4) соображения о профессионализме в процессе осуществления конкретных задач, кадровая стратегия; 5) способность к проекции текущей ситуации на будущее (по сравнению с массовым сознанием). Предполагалось, что выявление и анализ данных опросов общественного мнения

руководителей и специалистов по указанным показателям дадут возможность определить степень их включенности в инновационные процессы, а также способность быть ядром социальной базы инновационно-устойчивого развития белорусского села.

Данные исследования показали, что руководству и специалистам агропредприятий присущи неоднозначность и противоречивость в отношении к рыночным преобразованиям. Так, 64,1% опрошенных руководителей и специалистов поддерживают реформы в АПК, а 93,5% четко высказались за будущее агросферы, поддержав следующее суждение: «перед Беларусью один путь – формирование конкурентоспособной рыночной экономики и интеграции в мировое хозяйство». Более того, 30,4% респондентов отметили, что они поддерживают частную собственность на землю. Однако представления о рынке у них крайне противоречиво. В частности, под рынком в агросфере респонденты (руководители и специалисты) понимают преимущественно организационно-управленческие изменения: 37% – самостоятельность в сфере производства, переработки и ценообразования; 38,6 – конкурентоспособность на рынке сбыта продукции и 12% – появление фермерства и крестьянских хозяйств.

В вопросах приватизации, частной собственности на землю и ресурсы современные руководители и специалисты проявляют сдержанность. Так, лишь 5% утверждают, что СПК должны быть приватизированы. Из их числа только 2,2% считают необходимым осуществлять приватизацию через аукцион; 1,1 – повторить российский опыт «ваучеризации» с последующей скупкой ваучеров; 9,8% респондентов допускают целенаправленную передачу в собственность наиболее деловым и перспективным руководителям и специалистам. Таким образом, по существу за приватизацию собственности СПК выступило ничтожно малое число опрошенных. Этот вывод подтверждают ответы на вопрос о мерах, необходимых для улучшения АПК: только 7,6% респондентов считают, что приватизация и персонификация государственной и колхозно-кооперативной собственности повысят эффективность АПК.

Сравнительный анализ данных за 2004 и 2009 гг. показывает, что рыночные изменения экономического сознания и поведения специалистов и руководителей находятся в зачаточном состоянии (так же, как и простых рабочих), поскольку даже на уровне мнения и знания четко просматриваются их противоречивость и непоследовательность. Кроме того, отношение директорского корпуса к рынку с 2005 г. почти не изменилось, но зато уменьшилось количество его противников. На вопрос: «Поддерживаете Вы рыночные реформы в АПК?» ответили: в 2005 г. «да» – 32,0%; «нет» – 57,6; «затрудняются ответить» – 29,0%; в 2009 г. «да» – 30,4%; «нет» – 33,7; «затрудняются ответить» – 34,8%.

Среди руководителей уменьшилось число согласных с произошедшей в АПК реорганизацией колхозов и совхозов в агропредприятия: в 2005 г. согласных было 73,3%, в 2009 г. – 64%.

Оценка руководителями аграрной политики в стране оказалась невысокой. Так, текущую аграрную политику в стране в 2005 г. оценили на 1 балл – 1,0%; 2 – 7,8; 3 – 44,6; 4 – 3,6; на 5 баллов – 5,9%. В 2009 г. 1 балл поставили 5,4% респондентов, 2 – 7,6, 3 – 48,9; 4 – 29,3; 5 баллов – 2,2%, при этом заметно увеличилось число оценивших аграрную политику на 4 балла. Несмотря на то что две трети опрошенных руководителей и специалистов согласны с реорганизацией колхозов и совхозов в СПК, общая оценка результатов этой реорганизации довольно низкая – 3 балла. В частности, оценка изменений в сфере производства – 3,5 балла; деятельности посреднических структур – 3,5; аграрной науки – 3; системы сельскохозяйственного образования – 4; системы кооперации – 3; системы налогообложения – 3,5; материально-технического снабжения – 3; рыночной информации – 2,8 балла. Довольно высоко оценили эксперты систему кредитования и социального страхования – на 4 балла. Невысокие оценки свидетельствуют не столько о несогласии с принципами реформирования, сколько о продуманном подходе к его отдельным направлениям. По мнению большинства директоров и специалистов (71,4%), мешают развитию АПК в основном диспаритет цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, а также слабый платежеспособный спрос населения (36,3%). Другая группа причин, мешающих, по мнению респондентов, развитию АПК, хотя и имеет меньшее значение, однако также замедляет темпы развития – низкий научно-технологический уровень (22%), необходимость СПК решать социальные проблемы (23%), отсутствие необходимой рыночной среды (15,4%), а также, по мнению 14,3%, медлительность и фрагментарность аграрных реформ. Особую значимость для

развития АПК имеет, по мнению 40,7% респондентов, низкая мотивация труда его работников. Подчеркивается также недостаточный уровень образования специалистов – выпускников аграрных вузов (15,4%).

Большинство представителей директорского корпуса (79,3%) считают, что с развитием крупного, среднего и малого предпринимательства мелкое (ЛПХ) бесперспективное производство будет исчезать и объективно исчезнет при укреплении экономики страны, как это произошло в ряде европейских стран. Поэтому, по их мнению, вкладывать государственные средства в поддержку ЛПХ не целесообразно. Однако это суждение входит в противоречие с реальным положением: 68,5% опрошенных директоров и специалистов имеют личное подсобное хозяйство, а 89,3% считают, что каждый работник сельхозпредприятия должен иметь личное подсобное хозяйство, трудиться на своем подворье.

О том, что мнения аграрного истеблишмента противоречивы и неоднозначны, свидетельствует также оценка реального положения дел в своем СПК по результатам реформирования. С одной стороны, почти 40% респондентов заявили, что в их селе и СПК ничего не изменилось, с другой – когда вопрос коснулся влияния реформ АПК на уровень жизни сельского населения в целом по стране, то оценки были даны намного выше: о том, что уровень жизни улучшился, заявили уже 76% руководителей и специалистов, а то, что отношение работников агросферы к труду изменилось, отметили 30,4%. Такая дистанция между оценками реального положения дел в их СПК и в агросфере страны в целом свидетельствует о раздвоении мнения и знания. Общественное мнение экспертов формируется под воздействием позитивных успехов в АПК в целом, подчеркиваемых в идеологических и директивных документах, СМИ, отчетных цифрах, определяемых рамками уже заданных категорий и смыслов. А конкретные знания о состоянии дел в СПК формируются в непосредственной хозяйственно-управленческой практике и воспринимаются как естественно текущая повседневность, где успехи и достижения не артикулируются, соответственно кажутся незаметными.

В вопросах перспектив развития АПК респонденты проявляют взвешенность и продуманность ответов. Это касается, в частности, проблемы будущего АПК и возможности таких организационно-управленческих структур, как кооперативно-интеграционные объединения в агросфере (концерны, холдинги и др.). Директора и специалисты понимают, что введение данных структур имеет не только положительные последствия (устранение необоснованной конкуренции между производителями и поставщиками однотипной продукции – 74,9%; возможность проводить единую ценовую политику – 76,1; пространственно оптимально распределять рынки сбыта конечной продукции – 77,2; осуществлять совместную реализацию маркетинговых возможностей в условиях жесткого соперничества поставщиков – 77,2%), но и негативные. Так, большинство опрошенных обращают внимание на возможность усиления монополизма на рынке однотипной продукции – 72,8%; сужение возможности для самостоятельности среднего и мелкого предпринимательства в агросфере; появление возможности жесткой манипуляции потребительским спросом населения – 68,5; перестройки всего сельхозпроизводства под требования накопления капитала агробизнесгруппами – 76,1; появление излишков человеческих ресурсов за счет интенсификации труда – 63,1%, неиспользованных земельных ресурсов, поскольку в обороте останутся только высокоплодородные земли (59,7%). Постоянное взвешивание всех «за» и «против», колебание вектора мнений, а также осторожность при необходимости что-то радикально менять сказались, по всей вероятности, на нежелании большинства директоров объединяться в кооперативно-интеграционные структуры на деле, в реальной практике. Таких структур в стране крайне мало и не все они доказали свою эффективность. Эта раздвоенность мнения выразилась в том, что только 12% опрошенных отнесли перевод сельского хозяйства страны на кооперативно-интеграционные начала к первоочередным мерам улучшения работы АПК. Для директорского корпуса этот перевод – дело будущего, а в данный момент он придерживается традиционных взглядов, выраженных в признании, с одной стороны, необходимости финансовой поддержки предприятий (притом высокоэффективных), с другой – либерализации (свободы) хозяйственно-финансовой деятельности (45,7% респондентов). При этом почти половина опрошенных считают, что первоочередной мерой для развития АПК является осуществление ценообразования на продукцию АПК на основе фактических затрат. Приоритеты индивидуального и группового успеха особенно ярко выразились в таком параметре, как личное материальное

благополучие. Поэтому треть опрошенных директоров и специалистов считают в качестве первоочередной меры, способствующей повышению эффективности сельского хозяйства, перевод их на новую систему стимулирования труда, предполагающую не только традиционную систему оплаты, но и участие в прибылях, персонализацию собственности (долей, паев) с начислением дивидендов, процентов на капитал и т. п. Нужно подчеркнуть, что речь идет именно об индивидуальных и групповых ожиданиях, так как в этом вопросе также наблюдается рассогласованность индивидуального (группового) и общественного сознания. В ответах выявилось абсолютное неприятие процедуры приватизации и персонализации государственной и колхозно-кооперативной собственности. Всего 2,2% респондентов считают ее необходимой и только 1,1% – приемлемой. В контрольном вопросе: «Считаете ли Вы, что СПК должны быть приватизированы?» только 6,5% респондентов ответили положительно.

Таким образом, можно сделать вывод, что аграрный истеблишмент не стал лидером развития в рыночном понимании этого слова, придерживается осторожных традиционных взглядов к радикальному реформированию, а в силу необходимости приспосабливается к институциональным инновациям характеризуется противоречивыми представлениями, рассогласованностью знаний и мнений, слабо развитым рыночным мышлением. Полученные данные свидетельствуют о том, что взгляды, представления, способы экономического поведения, особенно в организационно-управленческой сфере, присущие руководству аграрных предприятий, не соответствуют в полной мере рыночным, но не в смысле отсталости и неразвитости, а в связи с тем, что отражают, на наш взгляд, иные способы сознания и деятельности, которые современные ученые называют редистрибутивными. Последним свойственны не индивидуалистические, как в рынке, а коммунитарно-распределительные экономические отношения с соответствующими хозяйственными практиками потребления, производства и распределения. Разрабатываемая такими известными экономистами, как К. Поланьи и Д. Норт, а в постсоветской литературе О. Бессоновой и С. Кирдиной, теория институциональных матриц показала, что институциональные матрицы (рыночные или редистрибутивные) лежат в основе меняющихся эмпирических состояний конкретного общества и, несмотря на реформы и даже революции, постоянно воспроизводятся. Если в западных странах с рыночной институциональной матрицей преобладают институты рыночной экономики, идея личностных ценностей, приоритет Я над Мы, принцип субсидиарности, то в странах с редистрибутивной институциональной матрицей доминируют обязательное опосредование Центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию – доминирование коллективных, надличностных ценностей, приоритет Мы над Я, т. е. коммунитарности [2–5].

Как показал анализ, директорский корпус белорусского АПК (так же, как все сельские жители) воспроизводит в своей деятельности и сознании, в основном, принципы редистрибутивной (раздаточной, планово-централизованной) институциональной матрицы, исторически сформировавшейся и устойчиво реализующейся на постсоветском пространстве.

Литература

1. Г а м а н - Г о л у т в и н о в а, О. В. Политическая элита – определение основных понятий / О. В. Гаман-Голутвинова // Полис. – 2000. – № 3. – С. 97–103.
2. П о л а н ь и, К. Два значения термина «экономический», «неформальная экономика» / К. Поланьи. – М.: Логос, 1999.
3. Н о р т, Д. Институциональные изменения : рамки анализа / Д. Норт // Вопросы экономики. – 1997. – № 3.
4. Б е с с о н о в а, О. О. Раздаточная экономика как российская традиция / О. О. Бессонова // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3.
5. К и р д и н а, С. Теория институциональных матриц и развитие России / С. Кирдина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Ин-т экономики и ОПП СО РАН, 2001.

R. A. SMIRNOVA

AGRARIAN ADMINISTRATIVE STAFF MACHINERY AS LEADERS OF THE AGRARIAN SECTOR DEVELOPMENT

Summary

This article is dedicated to analysis of innovative potential of the agrarian administrative staff machinery such as directors and other top managers of the agrarian sector. Author considers that specificity of their economic behavior as well as their consciousness has been determined by transition of the agrarian sector from distributional economy to the market one. That is shown in the article, too.

УДК 331.524:316.43

Т. В. КУЗЬМЕНКА

АСНОЎНЫЯ НАПРАМКІ ПАВЫШЭННЯ ЭФЕКТЫЎНАСЦІ ВЫКАРЫСТАННЯ ПРАЦОЎНЫХ РЭСУРСАЎ У СЕЛЬСКОЙ МЯСЦОВАСЦІ

Інстытут сацыялогіі НАН Беларусі

(Паступіў у рэдакцыю 27.09.2010)

Адной з найважнейшых умоў, якія забяспечваюць інавацыйна-ўстойлівае развіццё вёскі і аграпрамысловай сферы, з'яўляецца эфектыўнае выкарыстанне працоўных рэсурсаў, фарміраванне рацыянальнай структуры занятасці. Працоўная занятасць выступае асноўным фактарам павышэння ўзроўню жыцця, дабрабыту і сацыяльнай абароненасці насельніцтва. Падзенне вытворчасці, нізкая зароботная плата, адсутнасць працоўных месцаў і магчымасцей для самарэалізацыі – асноўныя прычыны распаўсюджвання ў сельскай мясцовасці многіх сацыяльных праблем. З'яўленне цэлай арміі непрацуючых працаздольных вяскоўцаў цягне за сабой адток значнай іх часткі ў гарады, на заробкі ў краіны блізкага замежжа, пашырэнне неформальнай эканомікі, зніжэнне нараджальнасці (з прычыны адсутнасці эканамічных выклікаў), распаўсюджванне п'янства і алкагалізму і ўцягванне беспрацоўных у крымінальнае асяроддзе. Вынік гэтых негатыўных з'яў – сацыяльнае расслаенне, эканамічная, сацыяльная і культурная дэградацыя і дэпапуляцыя вёскі. Рашэнне задач аптымальнага выкарыстання працоўных рэсурсаў сельскай мясцовасці павінна ажыццяўляцца па такіх асноўных напрамках, як зніжэнне ўзроўню беспрацоўя, стварэнне аптымальнай кадравай структуры сельгаспрадпрыемстваў, а таксама дыверсіфікацыя сфер прыкладання працы і спосабаў атрымання даходаў грамадзян на вёсцы. Рэалізацыя названых кірункаў патрабуе сацыялагічнага аналізу і абгрунтавання.

Рэфармаванне аграпрамысловага комплексу, удасканаленне эканамічнай, сацыяльнай і кадравай палітыкі ў сельскай гаспадарцы адбываецца на фоне такіх тэндэнцый, як пастаяннае зніжэнне колькасці сельскага насельніцтва і скарачэнне долі занятых у сельскагаспадарчай вытворчасці. Калі ў 2004 г. – да пачатку рэалізацыі Дзяржаўнай праграмы адраджэння і развіцця вёскі на 2005–2010 гг. – працэнтныя суадносіны гарадскога і сельскага насельніцтва складалі 71,5 і 28,5%, то ў 2009 г. – ужо 73,9 і 26,1% [1, с. 24]. Доля занятых у сельскай гаспадарцы ў 2004 г. складала 10,7%, а ў 2009 г. – 9,3%. Вырашальную ролю ў гэтых працэсах адыгрывае міграцыя сельскай моладзі ў горад.

Вынікам сацыяльнай накіраванасці рэформаў стала бесперапыннае зніжэнне ўзроўню беспрацоўя: у 2004 г. гэты паказчык па рэспубліцы складаў 1,9%, а ў 2009 г. – 0,9% [2, с. 69]. Імкненне захаваць працоўныя месцы і не дапусціць масавых скарачэнняў дзеля росту эканамічных паказчыкаў, безумоўна, пазітыўна паўплывала на павышэнне ўзроўню жыцця вяскоўцаў і дазволіла пазбегнуць значнай колькасці сур'ёзных сацыяльных праблем.

Разам з тым, уключэнне сучасных сельгаспрадпрыемстваў у сістэму рынкавых адносін, павышэнне канкурэнтаздольнасці і арыентацыя на эфектыўнасць немагчымы без карэкціроўкі кадравай палітыкі, без удасканалення арганізацыйнай і кадравай структуры [3, с. 33; 4, с. 43]. Гэта абумоўлівае неабходнасць распрацоўкі прэвентыўных мер, накіраваных на прадухіленне магчымых негатыўных наступстваў і пабочных эфектаў павышэння эфектыўнасці сельскай гаспадаркі. Мадэрнізацыя прадпрыемстваў аграсферы, аўтаматызацыя сельскагаспадарчай вытворчасці вымушаюць сучасныя сельгаспрадпрыемствы скарачаць значную колькасць лішніх работнікаў

і аддаваць перавагу найбольш актыўным, маладым. Усё гэта ставіць праблему пошуку магчымасцей эфектыўнага выкарыстання чалавечых рэсурсаў вёскі, іх уцягвання ў альтэрнатыўныя формы занятасці, не звязаныя з сельгаспрадпрыемствам.

Традыцыйныя ўяўленні аб неабходнасці выкарыстання пераважна ручной працы ў сельскагаспадарчай вытворчасці, а таксама прыярытэтнае значэнне захавання працоўных месцаў і сацыяльная накіраванасць ажыццяўляемых пераўтварэнняў шмат у чым абумовілі распаўсюджванне ўяўленняў аб тым, што ў сельскай мясцовасці практычна немагчыма застацца без працы. Ілюстрацыяй служаць вынікі рэспубліканскага апытання працаздольнага сельскага насельніцтва, праведзенага Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі ў 2009 г. (прынялі ўдзел 730 чалавек), паводле якога 41,3% апытаных палічылі, што ў іх вёсцы, аграгарадку «беспрацоўя няма, хто хоча, заўсёды знойдзе працу», яшчэ 15,3% адзначылі недахоп рабочых рук. У той жа час 13,3% рэспандэнтаў сцвярджаюць, што праявы беспрацоўя маюць месца ў іх населеным пункце, а палова вяскоўцаў (50,9%) у той ці іншай ступені адчувае пачуццё страху і трывогі ў сувязі з магчымасцю страціць сваё працоўнае месца. За апошнія пяць гадоў, па даных штогадовага рэспубліканскага маніторынгу, які праводзіцца Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі, колькасць вяскоўцаў, упэўненых, што для іх не існуе пагрозы застацца без работы, знізілася з 25,9% у 2004 г. да 14,4% у 2009 г.

Падчас апытання кіраўнікоў і галоўных спецыялістаў сельгаспрадпрыемстваў, праведзенага ў 2008 г. (у апытанні прынялі ўдзел 63 кіраўнікі і галоўныя спецыялісты сельгаспрадпрыемстваў), высветлілася, што большасць прадпрыемстваў, пераважна эфектыўна працуючых, на думку паловы рэспандэнтаў (52,4%), маглі б абысціся меншай колькасцю пастаянных работнікаў. Гэтаму, з пункту гледжання кіраўнікоў і спецыялістаў, спрыяе пераклад ручных аперацый на сучасныя тэхналогіі, а таксама ўдасканаленне арганізацыі вытворчасці. Праблема слабай забяспечанасці работнікамі ўсіх катэгорый – ад часовых сезонных рабочых да спецыялістаў высокай кваліфікацыі – у значна большай ступені характэрная для нізкаэфектыўных сельгаспрадпрыемстваў. Прычынамі немагчымасці прыцягнення рабочай сілы, на думку кіраўнікоў, служаць нізкая заробатная плата, непрэстыжнасць прафесій у сельскай гаспадарцы, немагчымасць забяспечыць жыллём, а таксама адсутнасць работнікаў без шкодных звычак. Праведзены аналіз дае падставы меркаваць, што з ліквідацыяй тэхніка-тэхналагічнай адсталасці прадпрыемстваў аграсферы і з ростам іх эфектыўнасці праблема «лішніх» кадраў у сельскай мясцовасці будзе набываць усё большую вастрыню і актуальнасць.

Мадэрнізацыя вытворчай базы сельгаспрадпрыемстваў, выкарыстанне сучасных вытворчых тэхналогій прад'яўляюць новыя патрабаванні да кваліфікацыі работнікаў. У сувязі з гэтым для сучасных сельгаспрадпрыемстваў праблема лішку нізкакваліфікаванай працоўнай сілы дапаўняецца недахопам кваліфікаваных кадраў. Праблема якасці працоўнай сілы пагаршаецца адтокамі найбольш маладой, дынамічнай і адукаванай часткі насельніцтва з вёскі. Сур'ёзную занепакоенасць выклікае той факт, што больш за палову работнікаў сельгаспрадпрыемстваў (54,5%), паводле вынікаў рэспубліканскага апытання работнікаў сельскагаспадарчых прадпрыемстваў у 2008 г. (было апытана 350 работнікаў сельгаспрадпрыемстваў рэспублікі), не хацелі б, каб іх дзеці жылі і працавалі ў іх вёсцы або аграгарадку. Толькі пятая частка апытаных (18,7%) пажадала б сваім дзецям застацца ў родным сяле, прычым больш такіх рэспандэнтаў у тых населеных пунктах, дзе паспяхова дзейнічае сельгаспрадпрыемства. Прыкладна столькі ж (20,3%) маладых людзей падчас апытання сельскай моладзі, праведзенага ў 2007 г. (было апытана 400 навучэнцаў старэйшых класаў і прафесійна-тэхнічных вучылішч), заявілі пра намер застацца ў сваім сяле, аграгарадку пасля завяршэння вучобы, а каля паловы (46,1%) хацелі б з'ехаць. Асноўнымі фактарамі міграцыі моладзі ў горад з'яўляюцца нізкая заробатная плата і абмежаваны выбар прафесій у сельскай гаспадарцы: гэтыя дзве прычыны нежадання жыць і працаваць у вёсцы назвалі адпаведна 51,4 і 37,6% юнакоў і дзяўчат. Не знаходзячы прымянення сваім працоўным навыкам, маладыя людзі ад'язджаюць у горад, дзе знаходзяць больш магчымасцей для самарэалізацыі. У дадатак да названых прычын моладзь адзначае яшчэ адсутнасць магчымасцей для культурнага развіцця, цікавага вольнага часу (26,3%) і недавальняючыя ўмовы для працы (25,3%).

Усё гэта вызначае неабходнасць комплекснага падыходу да аптымізацыі кадравай палітыкі не толькі ў рамках сельгаспрадпрыемстваў, але і на ўзроўні дзяржавы і канкрэтных рэгіёнаў. Такі падыход павінен уключаць стымуляванне і матэрыяльную зацікаўленасць працы ў сельгаспрадпрыемстве, забеспячэнне дастойных сацыяльна-бытавых умоў, павышэнне прывабнасці і прэстыжнасці прафесій, звязаных з сельскай гаспадаркай, а таксама ўдасканаленне сістэмы падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі работнікаў аграсферы.

Штогадовы маніторынг паказвае, што пятая частка вяскоўцаў мае патрэбу ў павышэнні кваліфікацыі. Прыкладна для такой жа колькасці працуючых жыхароў вёскі, па выніках апытання працаздольнага сельскага насельніцтва (2009 г.), дадатковае навучанне і атрыманне новых ведаў і навыкаў з'яўляецца праблемай: у сувязі з неабходнасцю асваення новай тэхнікі і тэхналогій на сваім працоўным месцы пачуццё страху і трывогі адчуваюць 21,6% апытаных, у 21,5% такія адчуванні выклікае перспектыва перанавучання і змены прафесіі.

Асаблівае месца ў вырашэнні праблем падрыхтоўкі кадраў для аграрнай сферы належыць навучанню і павышэнню кваліфікацыі кіраўнікоў. Сёння з прычыны складанасці і маштабнасці пастаўленых перад аграпрамысловым комплексам задач сучаснаму сельскагаспадарчаму прадпрыемству патрэбны спецыялісты-прафесіяналы з высокім узроўнем кваліфікацыі ў канкрэтнай сферы дзейнасці, якія валодаюць таксама навыкамі кіраўнікоў-менеджараў, здольных рэалізаваць прынятыя рашэнні, і сістэмных аналітыкаў, якія забяспечваюць навуковую аснову кіравання. Гэта абумоўлена тым, што вельмі часта спецыяліст, які працуе на сельскагаспадарчым прадпрыемстве, адначасова выконвае і функцыі кіраўніка.

Пераход да рынкавых умоў гаспадарання вызначыў істотныя змены ў працы кіраўнікоў сельгаспрадпрыемстваў, якія звязаны, перш за ўсё, з ростам колькасці кіруемых аб'ектаў, павелічэннем аб'ёму кіраўніцкіх задач і павышэннем колькасці тэрміновых рашэнняў. Змены ў іх дзейнасці звязаны як з мадэрнізацыяй вытворчай сферы – укараненнем новай тэхнікі і вытворчых тэхналогій, так і з пашырэннем самастойнасці прадпрыемстваў і неабходнасцю самастойна вызначаць стратэгію свайго развіцця, шукаць рынкі збыту вырабленай прадукцыі.

Усё гэта патрабуе ад кіраўнікоў асваення новых метадаў работы, а для большасці з іх гэта азначае неабходнасць змены парадыгмы кіраўніцкай дзейнасці ў цэлым. Перш за ўсё, гэта прадугледжвае прад'яўленне высокіх патрабаванняў да прафесійнай кампетэнтнасці кіраўнікоў, да іх уменняў хутка адаптавацца да нестандартных сітуацый і прымаць адпаведныя нестандартныя рашэнні. Асаблівае значэнне ў такіх умовах набывае сістэматычная актуалізацыя, абнаўленне прафесійных ведаў і ўменняў у галіне кіравання, а таксама спецыялізацыя і паглыбленне ведаў у асобных сферах дзейнасці. Інавацыйны патэнцыял кіраўнікоў і спецыялістаў сельгаспрадпрыемстваў шмат у чым вызначаецца іх прафесійнымі якасцямі, назапашаным вопытам, ведамі, адукацыйным і кваліфікацыйным рэсурсам. Назапашванне адукацыйнага рэсурсу пашырае магчымасці прыстасавання да канкурэнтных патрабаванняў, дазваляе хутка ацэньваць асаблівасці знешняга асяроддзя і выпрацоўваць рацыянальную стратэгію прыстасавання.

Параўнальны аналіз вынікаў апытання работнікаў сельгаспрадпрыемстваў і прадстаўнікоў кіруючага корпусу, праведзенага ў 2009 г. (было апытана 630 работнікаў і 100 кіраўнікоў і спецыялістаў сельскагаспадарчых прадпрыемстваў рэспублікі), паказваюць, што кіраўнікі і спецыялісты ў некалькі большай ступені гатовы да змен у сваёй прафесійнай дзейнасці і ў звыклым ладзе жыцця, дэманструюць больш высокую актыўнасць па ўсіх пазіцыях. Больш за палову спецыялістаў і кіраўнікоў сельгаспрадпрыемстваў гатовы атрымліваць дадатковае навучанне, перанавучацца, працаваць больш інтэнсіўна, часам звышурочна, згодны несці яшчэ большую асабістую адказнасць за вынікі сваёй працы і быць больш дысцыплінаванымі (табліца). Часткова гэта звязана з тым, што прырода кіраўніцкай дзейнасці прадугледжвае высокую актыўнасць, мабілізацыю інтэлектуальных, арганізацыйных, творчых здольнасцей і рэсурсаў кіраўніка, а высокія нагрузкі, ненармаваны працоўны час і асабістая адказнасць за ўсё, што адбываецца на падпарадкаваным аб'екце, – норма для сучаснага кіраўніка прадпрыемства.

**Размеркаванне станоўчых адказаў на пытанне:
«Ці пагадзіцеся Вы на некаторыя змены ў звыклым для Вас ладзе жыцця, звязаныя»:**

Паказчык	Кіраўнікі і спецыялісты сельгаспрадпрыемстваў	Астатнія катэгорыі работнікаў
З перанавучаннем, дадатковым навучаннем	57,6	44,1
З неабходнасцю працаваць больш інтэнсіўна, часам звышурочна	65,2	48,5
З узмацненнем працоўнай дысцыпліны на прадпрыемстве	67,4	42,3
З павелічэннем асабістай адказнасці	73,9	52,9
З пераходам на працу, не звязаную з сельскай гаспадаркай	46,8	35,9
З пераездам у іншае сяло, аграгарадок	12,0	15,4
З пераездам у раённы цэнтр	34,8	19,7

У той жа час, чвэрць спецыялістаў і кіраўнікоў заявілі аб сваім нежаданні атрымліваць новыя або дадатковыя веды і навыкі, працаваць больш інтэнсіўна, 17,4% экспертаў не пагадзіліся б з узмацненнем працоўнай дысцыпліны на іх прадпрыемстве, а кожны дзясяты – з павелічэннем асабістай адказнасці за вынікі сваёй працы.

Паспяховасць рэалізацыі кіраўніцкіх і арганізацыйных здольнасцей шмат у чым залежыць ад успрымання спецыялістам сваёй працы. Як паказваюць вынікі апытання, большасці спецыялістаў і кіраўнікоў (68,5%) падабаецца іх праца (7,6% не падабаецца, 23,9% не змаглі адказаць). Значная частка апытаных (42,2%) успрымае сваю працу як вельмі працаёмкую, цікавай яе лічаць 36,7% рэспандэнтаў, 15,6 – творчай, а 12,2% – аднастайнай. Прычым апошнія характарыстыкі дэтэрмінуюцца прафесійным статусам работніка: сярод тых, хто лічыць сваю працу аднастайнай, рабочых у два разы больш, чым спецыялістаў сярэдняга і вышэйшага звяна, а цікавасць да яе маюць у асноўным спецыялісты. Па меры павышэння прафесійнага статусу павялічваецца і творчая кампанента выконваемых функцый.

Найважнейшае значэнне для сучаснага кіраўніка мае магчымасць пастаянна павышаць свой кваліфікацыйны рэсурс, мець доступ да найноўшай інфармацыі ў галіне кіравання аграрнай сферай. На думку большасці апытаных (67,4%), іх кваліфікацыя адпавядае патрабаванням, што прад'яўляюцца прафесіяй. Разам з тым, толькі пятая частка кіраўнікоў і спецыялістаў (19,8%) заявілі, што не адчуваюць патрэбы ў новых ведах і інфармацыі для больш паспяховага выканання сваёй работы. Прадстаўнікі кіраўніцкага корпусу маюць патрэбу ў сучаснай інфармацыі аб спецыфіцы сваёй работы, у авалоданні навыкамі работы з камп'ютарнай тэхнікай, актуальнымі прадстаўляюцца атрыманне ведаў аб тэхніцы і новых тэхналогіях, інфармацыі пра навінкі ў галіне аграпрамысловай вытворчасці, а таксама веданне працоўнага заканадаўства. Такім чынам, прыярытэтным для спецыялістаў і кіраўнікоў сельгаспрадпрыемстваў з'яўляецца атрыманне сучасных ведаў, якія дазваляюць ім вырашаць канкрэтныя, вынікаючыя з будняў кіраўніцкай працы, задачы.

Складанасць кіруемых аб'ектаў, комплекснасць вырашаемых кіраўніцкіх задач і выконваемых кіраўніцкіх функцый, з аднаго боку, і адсутнасць даступнай інфармацыі і ведаў – з другога, абумоўліваюць шэраг цяжкасцей у рабоце спецыялістаў і кіраўнікоў прадпрыемстваў аграрнай сферы. Параўнальны аналіз адказаў паказвае, што ў прадстаўнікоў сістэмы кіравання значна часцей узнікаюць цяжкасці ў працы, чым у работнікаў, чыя праца не звязана непасрэдна з выкананнем кіраўніцкіх функцый. Большасць апытаных кіраўнікоў і спецыялістаў (67,4%) адзначаюць, што ім стала больш складана працаваць на прадпрыемстве; сярод іншых катэгорый работнікаў такія адказ сустракаецца значна радзей – у 40,8%. Пра адсутнасць цяжкасцей у сваёй рабоце заявілі 14,4% спецыялістаў і кіраўнікоў, а таксама 30,8% астатніх катэгорый работнікаў. Асноўныя цяжкасці, з якімі сутыкаюцца прадстаўнікі аграрнага істэблшменту, звязаны з павелічэннем аб'ёму работы (так лічаць 43,3% апытаных экспертаў і 30,3% астатніх катэгорый работнікаў), з павышэннем нормаў і патрабаванняў да якасці выконваемай працы (22,2 і 11,2% адпаведна), з неабходнасцю авалодання новай тэхнікай, абсталяваннем, новымі вытворчымі аперацыямі (8,9 і 3,5%). Практычна аднолькавую актуальнасць як для прадстаўнікоў адміністрацыйна-кіраўніцкага корпусу, так і для астатніх супрацоўнікаў набываюць праблемы, звязаныя з неабходнасцю

выканання звышурочных работ (18,9 і 18,3% адпаведна) і пагаршэннем ўласнага здароўя (14,4 і 15,2%). Некалькі менш значныя для спецыялістаў-кіраўнікоў у параўнанні з астатнімі работнікамі праблемы, абумоўленыя пагаршэннем умоў працы (7,8 і 9,1%) і ўзмацненнем працоўнай дысцыпліны (3,3 і 7,4%).

Такім чынам, пераход да новых умоў гаспадарання вызначыў неабходнасць абнаўлення прафесійных ведаў для ўсіх катэгорый работнікаў сельгаспрадпрыемстваў, асабліва актуальная гэтая праблема для кіраўнікоў і спецыялістаў. У гэтай сувязі пашырэнне магчымасцей для атрымання сучаснай інфармацыі па пытаннях кіравання сельгаспрадпрыемствам, абмену вопытам у форме семінараў, форумаў, кансультацый, курсаў, дыстанцыйных формаў навучання прынесла б басспрэчную карысць для павышэння эфектыўнасці работы прадпрыемстваў аграрнай сферы.

Важным напрамкам развіцця сельскіх тэрыторый у рынковых умовах з'яўляецца дыверсіфікацыя сельскагаспадарчай вытворчасці. Дадзены тэрмін мае на ўвазе пашырэнне спектра вырабленай прадукцыі (новыя і традыцыйныя, але забытыя культуры, перапрацоўка і інш.), а таксама павелічэнне відаў паслуг – рамёствы, сельскі турызм, догляд за ландшафтам, ахова навакольнага асяроддзя і інш. [5, с. 69]. Дыверсіфікацыя, зніжаючы рызыкі і ступень уразлівасці сельскагаспадарчых прадпрыемстваў, надае ўстойлівасць эканоміцы сельскіх рэгіёнаў і ўяўляе сабой важную аснову гнуткага прыстасавання да зменлівых знешніх умоў.

Ацэньваючы магчымасці дыверсіфікацыі сфер прыкладання працы ў сельскіх рэгіёнах, неабходна ўлічваць, што буйныя сельгаспрадпрыемствы выконваюць ключавую ролю ў жыцці сельскіх тэрыторый. Праца ў грамадскай вытворчасці з'яўляецца асноўнай сферай прыкладання працоўных сіл і атрымання даходу для вяскоўцаў. Развіццё сваёй вёскі, аграгарадка, рашэнне сацыяльна-эканамічных праблем, павышэнне даходаў і занятасці насельніцтва, прыцягненне моладзі вяскоўцы таксама звязваюць з устойлівым развіццём вытворча-прамысловага комплексу: з далейшым развіццём і ўзбуйненнем сельгаспрадпрыемства (так лічаць 52,3% вяскоўцаў), з адкрыццём вытворчасці па перапрацоўцы сельгаспрадукцыі (42,6%), з будаўніцтвам філіяла прамысловага прадпрыемства, размешчанага ў горадзе (51,3%) (па выніках апытання работнікаў сельгаспрадпрыемстваў у 2008 г.). Значна меншае значэнне надаецца такім напрамкам, як развіццё сферы паслуг (24,2%), агратурызму (17,1%), а таксама асабістых падсобных гаспадарак насельніцтва (16,4%).

Роля буйных сельгаспрадпрыемстваў у жыццядзейнасці сельскага насельніцтва высокая. У той жа час праца на сельгаспрадпрыемстве з'яўляецца толькі адной з магчымых сфер прыкладання працы на вёсцы. У меркаваннях сучаснага грамадства аб вёсцы трывала замацаваўся прыярытэт сельскагаспадарчай функцыі як асноўнага віду дзейнасці ў сельскай мясцовасці. Аднак сусветны вопыт паказвае, што ў развітых краінах сельская мясцовасць становіцца ўсё больш шматфункцыянальнай, у чым складаецца залог яе ўстойлівага развіцця. Так, разам з перапрацоўкай сельскагаспадарчай сыравіны ўсё больш значную ролю адыгрываюць невытворчыя функцыі, якія забяспечваюць сацыяльнае ўзнаўленне насельніцтва і рэкрэацыйнае выкарыстанне сельскай мясцовасці [6, с. 353].

Уключэнне вёскі ў сістэму рынковых адносін дае штуршок да распаўсюджвання новых сфер прыкладання працы не толькі ў сельскагаспадарчай вытворчасці, але і развіцця прадпрымальніцтва ў такіх галінах, як бытавое абслугоўванне насельніцтва, гандаль, аграэкатурызм. З мэтай стварэння ў сельскіх населеных пунктах і аграгарадках спрыяльных умоў для ажыццяўлення прадпрымальніцкай дзейнасці і забеспячэння эканамічных перадумоў для доўгатэрміновага і ўстойлівага развіцця гэтых тэрыторый на дзяржаўным узроўні прыняты шэраг кіраўніцкіх рашэнняў. Дэкрэтамі і Указами Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, Дзяржаўнымі і рэгіянальнымі праграмамі занятасці насельніцтва замацавана сістэма мерапрыемстваў па стварэнні новых працоўных месцаў, стымуляванні развіцця асабістых падсобных і сялянскіх (фермерскіх) гаспадарак і індывідуальнага прадпрымальніцтва ў сельскай мясцовасці. Адбываецца спрашчэнне працэдур арганізацыі і вядзення бізнесу на вёсцы, атрымання крэдытаў, ажыццяўлення аказання прадпрымальнікам юрыдычных, інфармацыйных, кансалтынгавых, маркетынгавых і іншых паслуг. Прадугледжаны таксама меры па ўдасканаленні сістэмы падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі кадраў, садзейнічання беспрацоўным грамадзянам у працаўладкаванні і пераездзе на новае месца жыхарства.

Важная роля прыватнага сектара ў эканоміцы абумоўлена прадпрымальніцкім характарам і адносна невялікай колькасцю працуючых, што павышае яго дынамізм, гнуткасць, інавацыйны характар і эфектыўнасць. Пры ўмове рэалізацыі свайго патэнцыялу малы і сярэдні бізнес здольны значна паўплываць на ўзровень сацыяльна-эканамічнага развіцця вёскі, горада, раёна, краіны ў цэлым. З аднаго боку, ён павышае канкурэнтаздольнасць эканомікі, з другога – спрыяльна ўздзейнічае на сацыяльную абстаноўку, зніжае ўзровень беспрацоўя, ствараючы магчымасць для рэалізацыі творчага патэнцыялу прадпрымальнікаў і работнікаў, насычэння рынку тавараў і паслуг, павышэння ўзроўню жыцця насельніцтва.

Вынікі праведзеных даследаванняў паказваюць, што ў цэлым станоўча ацэньваючы рынковыя змены ў сельскай гаспадарцы (44,7% апытаных у 2009 г. працаздольных сельскіх жыхароў станоўча ставяцца да развіцця рыначных адносін), толькі невялікая частка вяскоўцаў гатова ўключыцца ў іх, яшчэ менш – ужо ўключыліся: 2,9% адказалі, што заняліся бізнесам, 4,8% збіраюцца гэта зрабіць у бліжэйшай перспектыве, а 24,1% адказалі, што пакуль прыглядаюцца. Большасць жа не ўключыліся ў рынковыя адносіны з-за адсутнасці магчымасці (42,4%) або з-за неадпаведнасці прынцыпаў рынку уласным ідэалам (19,3%). На пытанне: «Ці хацелі б Вы адкрыць уласную справу?» чвэрць працуючых жыхароў сяла (25,8%) далі станоўчы адказ. Гэта пераважна моладзь да 30 гадоў. Не хацелі б займацца прадпрымальніцкай дзейнасцю 41,6%, а 29,2% не змаглі адказаць. З прычыны тэрытарыяльнай аддаленасці ад рынкаў збыту, слабага развіцця вытворчай інфраструктуры, абмежаванасці доступу да крыніц інфармацыі, адноснай абмежаванасці магчымасцей для павышэння кваліфікацыі прадпрымальніцкая дзейнасць у сельскай мясцовасці аказваецца менш прывабнай.

Рынковыя пераўтварэнні аказваюць неадназначны ўплыў на сітуацыю ў аграрным сектары, больш выразным стала вылучэнне лідараў і аўтсайдараў, моцных і слабых на ўзроўні рэгіёнаў, гаспадарак, сем'яў. Разуменне многіх рынковых працэсаў становіцца больш поўным, калі пры аналізе ўлічваць асаблівасці псіхалогіі, менталітэту жыхароў вёскі, якія вызначаюць спосабы адаптацыі і мадэлі паводзін у новых эканамічных і сацыяльных умовах. Такія гістарычна і генетычна абумоўленыя асаблівасці менталітэту, як насцярожанае стаўленне да ўсяго новага, адсутнасць схільнасці да рызыкі, залежнасць ад знешніх абставін, імкненне кіравацца прынцыпам «жыць як усе», адстойваць калектыўныя інтарэсы, і сёння шмат у чым вызначаюць стратэгіі паводзін вяскоўцаў [7, с. 56].

У якасці найбольш значных перашкод для адкрыцця бізнесу разам з фактарамі аб'ектыўнага плана, абумоўленымі недахопам матэрыяльных, арганізацыйных, інфармацыйных рэсурсаў, вяскоўцамі ўказваліся і прычыны, звязаныя з асаблівасцямі псіхалогіі і менталітэту. Найбольш істотнымі прычынамі, якія, на думку жыхароў вёскі, стрымліваюць жаданне і магчымасці адкрыць сваю справу, па выніках апытання працаздольнага сельскага насельніцтва ў 2009 г. выступаюць: насцярожанае стаўленне да ўсяго новага (32,4%), эканамічная нестабільнасць (27,9%), узрост і здароўе (27,2%), адсутнасць неабходнай інфармацыі (20,0%). Па самаацэнках вяскоўцаў, для прадпрымальніцкай дзейнасці ім больш за ўсё не хапае грашовых сродкаў і зберажэнняў (51,9%), дзелавой хваткі (30,8%), упэўненасці ў сваіх сілах (28,1%), ведаў і вопыту асваення рынковых адносін (25,1%), схільнасці да рызыкі (22,5%), патрэбнай адукацыі (21,5%).

На сучасным этапе развіцця рынковых адносін з прычыны пералічаных вышэй фактараў жыхары вёскі дэманструюць невысокі ўзровень прадпрымальніцкай актыўнасці. Такія крыніцы даходаў, як збор грыбоў і ягад, продаж прадуктаў з уласнай падсобнай гаспадаркі, сезонны і часовы падзаработак, занятак бізнесам, слаба распаўсюджаны: колькасць рэспандэнтаў, якія ўказваюць на гэтыя крыніцы, складае не больш за 14%. Дастаткова яркай ілюстрацыяй невысокай прадпрымальніцкай актыўнасці і невялікага спектра альтэрнатыў занятасці ў грамадскай вытворчасці служаць адказы жыхароў вёскі на пытанне: «Калі б Вы страцілі працу, што б распачалі для вырашэння матэрыяльных праблем сям'і?» (2009 г.). Колькасць адказаў, якія прадстаўляюць хоць нейкую альтэрнатыву пошуку працы ў грамадскай вытворчасці (заняўся б фермерствам, стварыў бы сялянскую гаспадарку для вытворчасці прадукцыі на продаж, жыў бы прыбыткамі з уласнай гаспадаркі, аб'яднаўся б у кааператыў па вытворчасці або продажы сельгаспрадукцыі, заняўся б бізнесам або падзаработкам, пайшоў бы наёмным работнікам у фермерскую гаспадарку), не перавышае трэці.

Найбольш распаўсюджанай і блізкай да сельскага ладу жыцця формай занятасці і атрымання дадатковага даходу з'яўляецца вядзенне асабістых падсобных гаспадарак. Аднак, як паказваюць даныя апытанняў сельскага насельніцтва, большасць асабістых падсобных гаспадарак не забяспечваюць пераходу да таварнай вытворчасці і арыентаваны ў асноўным на ўнутрысямейнае спажыванне. Толькі пятая частка вяскоўцаў вядзе ўстойлівую дробнатаварную вытворчасць у сваіх падсобных гаспадарках, чвэрць хацела б павялічыць колькасць вырабленай прадукцыі. Не набылі папулярнасці сярод сельскага насельніцтва ідэі стварэння добраахвотных сялянскіх кааператываў па вытворчасці сельгаспрадукцыі: толькі 6,4% удзельнікаў апытання працаўнікоў вёскі (у 2008 г.) хацелі б аб'яднацца ў кааператыў з 10–20 надзейных гаспадароў для вытворчасці сельгаспрадукцыі на продаж, яшчэ менш – маглі б самі заняцца яго арганізацыяй. З-за адсутнасці ведаў, вопыту, інфармацыі, а таксама ініцыятывы (як уласнай, так і з боку кіраўніцкіх структур) уладальнікі падсобных гаспадарак не гатовы прыняць удзел у стварэнні добраахвотных сялянскіх кааператываў.

Адным з актуальных напрамкаў развіцця прадпрымальніцкай дзейнасці ў сельскай мясцовасці з'яўляецца агратурызм. Зыходзячы з прыродных, экалагічных, гістарычных умоў, развіццё турызму на тэрыторыі свайго населенага пункта лічаць магчымым 42,6% рэспандэнтаў (па даных апытання працуючых жыхароў вёскі ў 2008 г.). Сярод асноўных мерапрыемстваў, якія, на думку вяскоўцаў, могуць спрыяць прыцягненню турыстаў – добраўпарадкаванне водаахоўных зон і прыродных аб'ектаў (так лічаць 44,3% апытаных), стварэнне сельскіх сядзіб для прыёму турыстаў (21,5%), аднаўленне гістарычных і культурных помнікаў і адкрыццё на іх базе турыстычных маршрутаў (15,1%), будаўніцтва гасцініцы, турыстычнага, спартыўнага комплексу (14,4%), развіццё ў вёсках цэнтраў народных рамёстваў і промыслаў (12,4%). Працаваць у сферы агракатурызму ў якасці наёмнага работніка, абслугоўваючага персаналу з той ці іншай ступенню ўпэўненасці пагадзіліся б больш за трэць апытаных (38,6%), самастойна заняцца арганізацыяй сельскага турызму – дзясятая частка ўдзельнікаў апытання (13,1%).

Вынікі праведзеных даследаванняў паказваюць, што па шэрагу прычын (як аб'ектыўнага, так і суб'ектыўнага характару) самастойна заняцца бізнесам і праяўляць актыўнасць у сферы прадпрымальніцтва здольна дастаткова невялікая колькасць жыхароў аграгарадкоў і вёсак. Гэта пераважна найбольш маладая, дынамічная, адукаваная частка сельскай супольнасці. І, акрамя таго, гэтыя людзі, як правіла, даволі паспяхова працуюць у грамадскай вытворчасці, так што пошук альтэрнатыўных сфер прыкладання працы для іх не з'яўляецца вострай праблемай, а набывае характар пошуку крыніц дадатковага заробку. Найбольш «праблемнай» у дачыненні стварэння альтэрнатыўных легальных формаў занятасці і атрымання даходу з'яўляецца катэгорыя вяскоўцаў, якія з-за адсутнасці кваліфікацыі, дысцыпліны, перадпенсійнага ўзросту ці іншых прычын найменш абаронены і могуць апынуцца незапатрабаванымі на сельгаспрадпрыемствах і ў іншых арганізацыях. Самі жыхары аграгарадкоў і вёсак, паводле даных апытання працуючых вяскоўцаў, праведзенага ў 2008 г., лічаць, што тых, хто не задзейнічаны ў сферы грамадскай вытворчасці, можна прыцягваць да работ па добраўпарадкаванні (так лічаць 49,0%), да сезонных работ на сельгаспрадпрыемствах (46,3%), да дзейнасці па аказанні паслуг насельніцтву па нарыхтоўцы і распілоўцы дроў, рамонту дамоў, апрацоўцы зямельных участкаў (42,6%), да будаўнічых работ (32,9%), а таксама да догляду за адзінокімі састарэлымі людзьмі і інвалідамі (32,2%). Дадзеныя віды паслуг найбольш запатрабаваныя ў сельскай мясцовасці, аднак відавочна, што праца толькі ў гэтым напрамку не вырашыць праблемы занятасці і павышэння даходаў грамадзян. Меры па выкарыстанні вызваленых з вытворчасці працоўных рэсурсаў павінны насіць комплексны характар. Гэта выяўляецца ў накіраванасці на мэтавую сацыяльную падтрымку сельскага насельніцтва, рэгуляванні міграцыйных працэсаў, падтрымцы некаторых відаў сельскагаспадарчай вытворчасці павышанай працаёмкасці (напрыклад, стымуляванне вытворчасці экалагічна бяспечнай прадукцыі) і спалучэнні з развіццём сацыяльнай і інжынернай інфраструктуры вёскі, паліпшэннем бытавых умоў сельскіх працаўнікоў, прафілактыкай п'янства і алкагалізму.

Рашэнне праблемы эфектыўнага выкарыстання працоўных рэсурсаў вёскі мае на ўвазе не проста комплекс асобных мерапрыемстваў па падтрымцы сельскай гаспадаркі або садзейнічання

розвитцю підприємництва. Да комплекснай стратэгіі ўстойлівага развіцця адносіцца садзейнічанне дыверсіфікацыі эканамічнай дзейнасці, а таксама ажыццяўленне мерапрыемстваў па ўзмацненні рэгіянальнай канкурэнтаздольнасці. Абавязковай умовай яе паспяховай рэалізацыі з'яўляецца ўлік спецыфікі развіцця сельскай мясцовасці, сялянскай псіхалогіі, менталітэту і ладу жыцця.

Літаратура

1. Сельское хозяйство Республики Беларусь. Статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь. – Минск, 2009.
2. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2010.
3. Смирнова, Р. А. Рациональное использование человеческого потенциала – залог эффективности сельского хозяйства / Р. А. Смирнова // Человеческий потенциал белорусской деревни / Р. А. Смирнова [и др.]. – Минск, 2009. – С. 14–33.
4. Соколова, Г. Н. О подходе к исследованию инновационной стратегии государства / Г. Н. Соколова // Социологические исследования. – 2008. – № 9. – С. 39–46.
5. Чепурных, Н. В. Региональное развитие: сельская местность / Н. В. Чепурных, А. Л. Новоселов, А. В. Мерзлов; Совет по изучению производ. сил. – М.: Наука, 2006.
6. Никольский, С. А. Аграрный курс России: Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах / С. А. Никольский; ред. О. П. Степанова. – М.: Колос С, 2003.
7. Смирнова, Р. А. Трудовой потенциал белорусского крестьянства в условиях реформирования АПК (социологический анализ) / Р. А. Смирнова, Т. И. Матюшкова // Проблемы управления. – 2007. – № 4 (25). – С. 54–58.

T. V. KUZMENKO

MAIN DIRECTIONS TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF LABOR RESOURCES UTILIZATION IN RURAL AREAS

Summary

This article is devoted to the problem to search possibilities of the effective utilization of human resources in rural areas. To solve this problem there are some main directions. They are: reduction of the level of unemployment, optimization of personnel structure on the agricultural enterprises and raising the level of manager's and specialist's skill as well as diversification of spheres to utilization the work and ways to get citizens' incomes in the countryside and their involvement in alternative forms of employment, which not connected with agricultural enterprises.

ПРАВА

УДК 342.72/.73;364 (476)

С. М. СІВЕЦ

ЗАБЕСПЯЧЭННЕ ПРАВОЎ ГРАМАДЗЯН ЯК АСНОЎНЫ ВЕКТАР РЭАЛІЗАЦЫІ САЦЫЯЛЬнай ПАЛІТЫКІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Нацыянальны цэнтр заканадаўства і прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь

(Паступіў у рэдакцыю 12.07.2011)

Уводзіны. Сам факт канстытуцыйнага замацавання сацыяльных правоў грамадзян яшчэ не з'яўляецца рэальнасцю. Больш таго, па меркаванні шэрагу вучоных, «права на жыццё, права на абарону ўласнасці, эканамічных, сацыяльных і маральных інтарэсаў, на абарону інтэлектуальнай уласнасці не мае забеспячальных прававых механізмаў, у ролі якіх могуць выступаць камісіі па працоўных спрэчках, якія існуюць на прадпрыемствах, ва ўстановах і арганізацыях, звычайныя суды і іншыя органы. Дадзеная акалічнасць значна ўскладняе магчымасць рэалізацыі ўказаных правоў» [1, с. 12]. У гэтых умовах дзяржава і грамадства павінны прыкладаць шмат намаганняў для забеспячэння сацыяльных правоў сваім грамадзянам, а таксама іншым асобам, якія пражываюць на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь (замежным грамадзянам, асобам без грамадзянства, легальным і нелегальным бежанцам). Гэта значыць, што забеспячэнне ўказанай групы канстытуцыйных правоў датычыць не якіх-небудзь асобных выпадкаў і асоб, а мільёнаў людзей, якія пастаянна ці часова знаходзяцца на тэрыторыі нашай дзяржавы. У дэмакратычным грамадстве, дзе кожны чалавек удзельнічае ў рэалізацыі ўлады народа і з'яўляецца каштоўнасцю дзяржавы, апошняя абавязана забяспечыць чалавеку не толькі фізічнае (біялагічнае), але і сацыяльнае жыццё.

Асноўная частка. Вызначаны артыкулам 21 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь абавязак дзяржавы гарантаваць правы і свабоды грамадзян Рэспублікі Беларусь, замацаваныя ў Канстытуцыі, законах, і набытыя міжнароднымі абавязацельствамі, з'яўляецца агульнай прававой нормай, якая ўзначальвае сістэму канстытуцыйных гарантый сацыяльных правоў грамадзян. Відавочна, што без дакладна рэгламентаванай заканадаўчай сістэмы гарантый рэалізацыя грамадзянамі сацыяльных правоў застанеца па сутнасці толькі прыгожым дэклараваным лозунгам. Якія ж гэта гарантыі і як бачыцца сістэма гарантый сацыяльных правоў грамадзян, адлюстраваных у Канстытуцыі краіны і ў сутнасці грамадскага ладу?

У навуцы канстытуцыйнага права пад гарантыямі разумеюць прававыя і іншыя сродкі, якія забяспечваюць рэалізацыю таго ці іншага права чалавека і грамадзяніна. Як вядома, канстытуцыйныя правы і свабоды валодаюць найвышэйшай юрыдычнай сілай і забяспечваюцца ўсім дзяржаўным і грамадскім ладам, а таксама сістэмай гарантый, замацаваных нормаў права.

«Своеасаблівасць гэтых правоў – у спосабах забеспячэння іх з боку дзяржавы. Дзяржава не мае права ўмешвацца ў сферу асабістага жыцця грамадзян, якая ляжыць па-за рамкамі іх абавязкаў перад дзяржавай. Разам з тым, яна бярэ на сябе абавязак забяспечваць абарону правоў і свабод грамадзян ад неправамерных замахў з боку органаў дзяржавы, службовых асоб і грамадзян» [2, с. 100]. Сацыяльныя правы з'яўляюцца найважнейшымі канстытуцыйнымі правамі чалавека. У сістэме сацыяльных каштоўнасцей ахова здароўя і медыцынская дапамога, асабістая недатыкальнасць, жыллё, праца, адукацыя і г. д. – гэта найважнейшыя абсалютныя і натуральныя каштоўнасці, вакол якіх і фарміруюцца магчымыя грамадскія адносіны, актыўным удзельнікам якіх выступае чалавек. У гэтай сувязі забеспячэнне сацыяльных правоў грамадзян залежыць не

толькі ад наяўнасці юрыдычных гарантый гэтых правоў, але таксама і ад так званых «матэрыяльных гарантый правоў», пад якімі разумеюць сукупнасць эканамічных, палітычных, сацыяльных і духоўных умоў, якія робяць правы рэальнымі. Бо калі дзяржава, забяспечыўшы, да прыкладу, недачыкальнасць чалавека, пазбавіць яго пры гэтым харчавання (шляхам затрымкі выплаты зарплаты, пенсіі, стыпендыі), жыцця ці іншых матэрыяльных даброт, у выніку гэта прывядзе да гібелі чалавека, што будзе сведчаннем адсутнасці гарантыі абароны жыцця чалавека з боку дзяржавы. Як справядліва адзначаюць В. Е. Гуліеў і Ф. М. Рудзінскі, «асноўныя правы чалавека – гэта яго сацыяльныя магчымасці валодаць такімі элементарнымі дабротамі, як жыццё, харчаванне, адзінне, недачыкальнасць асобы і г. д.» [3, с. 98].

Канстытуцыйна-прававая прырода сацыяльных правоў грамадзян, а таксама механізм і спосабы забеспячэння іх рэалізацыі заўсёды з'яўляліся аб'ектам пільнай увагі вучоных-прававедаў. У ліку аўтараў, якія звярталіся да дадзенай праблематыкі, можна выдзеліць такіх вядомых і аўтарытэтных вучоных, як Н. С. Бондар, А. І. Бабылёў, Р. А. Васілевіч, А. А. Галаўко, Е. А. Лукашова, Т. К. Міронава, В. А. Пацюлін, Н. В. Пуціла, Ф. М. Рудзінскі, Ю. А. Ціхаміраў і многія іншыя.

Аналіз навуковых публікацый згаданых аўтараў дазваляе звярнуць увагу на некаторую разнароднасць у вызначэнні паняцця і сутнасці названай групы правоў. Так, Н. С. Бондар адзначае, што сацыяльныя, эканамічныя і культурныя правы ў якасці адрознівальных прыкмет валодаюць:

- аддзінаствам матэрыяльнага (эканамічнага і сацыяльна-культурнага) зместу; іншыя правы не залежаць непасрэдна ад адносін уласнасці і таму рэалізуюцца ў палітычных адносінах;
- выступаюць як правы-гарантыі, г. зн. выконваюць гарантуючыя функцыі ў адносінах да іншых правоў і свабод;
- маюць агульнасацыяльную накіраванасць, выступаюць інструментам сцвярджэння гуманізму і сацыяльнай справядлівасці;
- патрабуюць дэталёвай канкрэтызацыі сацыяльна-эканамічных канстытуцыйных правоў у бягучым заканадаўстве [4, с. 179].

У той жа час, паводле меркавання В. А. Чацверніна, катэгорыя «сацыяльныя правы» аб'ядноўвае «складаны комплекс правоў, дэкларацый і добрых пажаданняў, якія не маюць юрыдычнага зместу, маральных патрабаванняў і да т. п.» [5, с. 234]. Л. Д. Ваяводзін у якасці сацыяльных правоў выдзяляе тыя правы, якія «забяспечваюць задавальненне матэрыяльных патрэб індывіда і гарантуюць яму свабоду ўдзелу ў гаспадарча-эканамічным жыцці краіны» [6, с. 184]. А. Е. Казлоў лічыць, што «галоўная характэрная рыса сацыяльных правоў – гэта тое, што яны закліканы забяспечыць асобе задавальненне найважнейшых жыццёвых патрэб, без якіх не можа быць і размовы аб нармальным чалавечым быцці». Пры гэтым даследчык адзначае, што, «выдзяляючы сацыяльныя правы ў асобную групу, трэба мець на ўвазе іх характэрную асаблівасць: яны накіраваны, перш за ўсё, на задавальненне матэрыяльных патрэб грамадзян, як правіла, незалежна ад колькасці і якасці працы» [7, с. 84]. Н. В. Пуціла выказвае думку, што сацыяльныя правы прызначаны кампенсавать усе тыя негатыўныя вынікі сацыяльных хвароб, якія пазбаўляюць асобу даступнасці элементарных даброт. Яна прапануе азначэнне сацыяльных правоў як «натуральных неадчужальных магчымасцей, якія гарантуюць абарону і падтрымку з боку грамадства і дзяржавы ў выпадку аб'ектыўнай немагчымасці самастойна забяспечыць годныя ўмовы існавання для сябе і сваёй сям'і, якія забяспечваюць даступнасць элементарных даброт цывілізаванага грамадства. Дадае азначэнне, як уяўляецца, дазваляе адасобіць сацыяльныя правы ад іншых груп правоў чалавека, падкрэсліваючы пры гэтым іх індывідуальны, спецыфічны змест» [8, с. 17].

В. А. Іваненка і В. С. Іваненка прапаноўваюць наступнае азначэнне даследуемага паняцця: «Сацыяльныя правы – гэта прызнаваемы грамадствам і дзяржавай і замацаваны ў нарматыўна-прававых актах комплекс правоў і свабод, якімі павінен валодаць кожны чалавек з мэтай забеспячэння і абароны сваіх пэўных уласцівасцей, інтарэсаў і магчымасцей, неабходных яму для нармальнага фізіялагічнага, матэрыяльнага і духоўнага існавання і развіцця, для сацыяльна годнага жыцця і грамадска значнай дзейнасці» [9, с. 98]. Разам з тым, усе згаданыя аўтары аднадушны ў тым, што сацыяльныя правы, як і іншыя групы правоў грамадзян, уяўляюць сабой юрыдычна гарантаваныя магчымасці самарэалізацыі ў грамадстве з адначасовым абавязкам дзяржавы па іх забеспячэнні. Рэальнасць гэтым правам надае замацаванне на канстытуцыйным узроўні.

Сёння неабходна цэласная адзіная сістэма гарантый, якая забяспечвае максімальную абарону і рэалізацыю сацыяльных правоў грамадзян. Пры дэмакратычным ладзе грамадства менавіта

чалавек, яго правы, свабоды і гарантыі іх рэалізацыі з'яўляюцца найвышэйшай каштоўнасцю і мэтай грамадства і дзяржавы. «Ні навука, ні тэхніка, якімі б высокімі тэмпамі яны не развіваліся і якімі б дасягненнямі не здзіўлялі, не характарызуюць прагрэсіўнасць сацыяльнага ладу ў такой ступені, як рэальны стан чалавека ў сістэме грамадскіх адносін. Прызнанне больш высокай сацыяльнай ролі асобы сведчыць аб прагрэсіўнасці грамадскага ладу» [10, с. 3]. У канчатковым выніку стварэнне цэласнай сістэмы гарантый сацыяльных правоў грамадзян з'яўляецца адным з асноўных вектараў рэалізацыі сацыяльнай палітыкі дзяржавы, якая цесна звязана з тыпам і ўзроўнем развіцця грамадства, з пануючай ментальнасцю насельніцтва, з тымі мэтамі і задачамі, якія ставіць грамадства перад сабой у сваім сацыяльным развіцці. У сацыяльнай сферы праяўляюцца і ацэньваюцца вынікі эканамічнай, гаспадарчай дзейнасці грамадства, правяраюцца яе эфектыўнасцю і магчымасцю задавальняць інтарэсы і патрэбы людзей. У сацыяльнай сферы знаходзіць адлюстраванне і праяўленне ступень гуманнасці палітыкі дзяржавы, і чым яна мацнейшая, тым больш наглядная гуманістычная сутнасць, гуманістычны сэнс накіраванасці грамадскага развіцця [11, с. 49]. Нарэшце, без дзейснай сацыяльнай палітыкі немагчыма актывізацыя інавацыйнага творчага пачатку ў дзейнасці чалавека як галоўнага і цэнтральнага элемента вытворчых сіл грамадскага развіцця, гаспадарчых поспехаў.

З'яўляючыся, згодна з артыкулам 3 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, адзінай крыніцай дзяржаўнай улады, народ устанаўлівае асноўныя эканамічныя, палітычныя і сацыяльныя гарантыі свайго натуральнага існавання шляхам прыняцця Канстытуцыі краіны, у якой замацоўваюцца эканамічныя, палітычныя і сацыяльныя асновы арганізацыі грамадства, механізм дзяржаўнай улады і кіравання, правы і абавязкі грамадзян. Дадзеныя канстытуцыйныя інстытуты прызначаны па сваім характары забяспечыць жыццё кожнага чалавека. У выпадку ж, калі яны не выконваюць ці не патрэбным чынам выконваюць ускладзеную на іх ролю, народ непасрэдна ці Кіраўнік дзяржавы – Прэзідэнт мае права ініцыяваць удасканаленне вышэйназваных інстытутаў шляхам унясення змен і дапаўненняў у Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь (артыкул 138 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь). Такім чынам, можна вызначыць наступную сістэму агульных (матэрыяльных) гарантый сацыяльных правоў грамадзян, замацаваных Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь:

I. Палітычныя гарантыі.

Найбольш агульнай палітычнай гарантыяй сацыяльных правоў грамадзян, якая мае найвышэйшую юрыдычную сілу, з'яўляецца сам канстытуцыйны лад, заснаваны на няўхільным выкананні Канстытуцыі, неадчужальным натуральным праве і агульнапрызнаных прынцыпах і нормах міжнароднага права. Гэта найвышэйшая гарантыя трансфармуецца Канстытуцыяй Рэспублікі Беларусь у сістэму пэўных эканамічных, палітычных, сацыяльных і духоўных інстытутаў, якія забяспечваюць сацыяльныя правы грамадзян, а іменна:

- дзяржаўны суверэнітэт Рэспублікі Беларусь (арт. 1);
- дэмакратычны лад дзяржавы (арт. 4);
- прававы характар дзяржаўнай улады (арт. 6);
- прызнанне прыярытэту прынцыпаў міжнароднага права і забеспячэнне адпаведнасці ім заканадаўства (арт. 8);
- замацаванне шматпартыйнай палітычнай сістэмы грамадства (арт. 5);
- дзяржаўная абарона правоў і свабод грамадзяніна Рэспублікі Беларусь як на тэрыторыі краіны, так і па-за яе межамі (арт. 10);
- устанаўленне роўнага прававога статусу на тэрыторыі краіны грамадзян Рэспублікі Беларусь, замежных грамадзян і асоб без грамадзянства (арт. 11);
- прадастаўленне на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь права прыстанішча асобам, якія праследуюцца ў іншых дзяржавах за палітычныя, рэлігійныя перакананні альбо нацыянальную прыналежнасць (арт. 12);

- ажыццяўленне дзяржавай міралюбівай знешняй палітыкі (арт. 18).

II. Эканамічныя гарантыі:

- наяўнасць тэрыторыі Рэспублікі Беларусь як натуральнай умовы існавання народа (арт. 9);
- разнастайнасць форм уласнасці на тэрыторыі рэспублікі (ч. 1 арт. 13);
- прадастаўленне розных правоў і ўмоў для здзяйснення гаспадарчай і іншай дзейнасці, акрамя забароненай законам, незалежна ад форм уласнасці (ч. 2 арт. 13);

- дзяржаўная абарона інтарэсаў гаспадарчых суб'ектаў усіх форм уласнасці (ч. 2 арт. 13);
- ажыццяўленне рэгулявання эканамічнай дзейнасці з боку дзяржавы дзеля інтарэсаў чалавека і грамадства (ч. 5 арт. 13).

III. Сацыяльныя гарантыі:

- канстытуцыйнае замацаванне статусу чалавека, яго правоў і свабод у якасці найвышэйшай каштоўнасці і мэты грамадства і дзяржавы (ч. 1 арт. 2);
- паляпшэнне сацыяльна-эканамічнага ўзроўню жыцця працоўных шляхам забеспячэння ўдзелу іх у кіраванні прадпрыемствамі, арганізацыямі і ўстановамі (ч. 8 арт. 13);
- недапушчэнне сацыяльнага і нацыянальна-расавага супрацьстаяння людзей на тэрыторыі рэспублікі (ч. 1 арт. 14);
- прымяненне прынцыпу сацыяльнага партнёрства ў сацыяльна-працоўнай сферы (ч. 2 арт. 14).

IV. Духоўныя гарантыі:

- абавязальнасць дзяржавы па захаванні гісторыка-культурнай і духоўнай спадчыны, свабодным развіццю культур усіх нацыянальных супольнасцей, якія пражываюць у Рэспубліцы Беларусь (арт. 15);
- свабода веравызнання (арт. 16);
- забарона на дзейнасць рэлігійных і грамадскіх арганізацый, іх органаў і прадстаўнікоў, якая накіравана супраць грамадзянскай згоды ў грамадстве альбо спалучаецца з парушэннем правоў і свабод грамадзян, а таксама перашкаджае выкананню грамадзянамі іх дзяржаўных, грамадскіх, сямейных абавязкаў ці прыносіць шкоду іх здароўю і маральнасці (ч. 3 арт. 16).

Замацаваныя ў Канстытуцыі асноўныя (матэрыяльныя) гарантыі надзвычай важныя для належага забеспячэння сацыяльных правоў грамадзян. Не выпадкова яны замацаваны ў I раздзеле Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Практычная ж рэалізацыя асноўных (матэрыяльных) гарантый сацыяльных правоў грамадзян ажыццяўляецца з дапамогай спецыяльных (юрыдычных) сродкаў.

Пытанне аб паняцці спецыяльных (юрыдычных) гарантый правоў і свабод грамадзян трактуецца рознымі аўтарамі зусім не адназначна. Адны навукоўцы зводзяць юрыдычныя гарантыі правоў да «іх судовай абароны, а таксама да пастаяннага кантролю над дзейнасцю ўсіх звёнаў дзяржаўнага апарату з прыцягненнем да гэтага саміх мас» [12, с. 146], г. зн. фактычна да дзейнасці дзяржаўных органаў і народнага кантролю за іх дзейнасцю. Іншыя аўтары абмяжоўваюць паняцце спецыяльных (юрыдычных) гарантый «заканадаўствам аб ахове правоў грамадзян» або «прававымі нормаўмі» [13, с. 231]. А. І. Ляпёшкін вызначаў спецыяльныя (юрыдычныя) гарантыі як «сістэму дзяржаўна-прававых сродкаў, да ліку якіх адносяцца не толькі законы і іншыя нарматыўныя акты, але і рознага кшталту дзяржаўныя ўстановы, органы дзяржавы, на якія ўскладзены абавязак забяспечваць рэалізацыю правоў і свабод» [14, с. 529]. В. А. Кучынскі адзначае, што «да юрыдычных гарантый правоў і абавязкаў грамадзян адносяцца не толькі канкрэтызуючыя і забяспечваючыя іх прававыя прадпісанні, але і правамерная дзейнасць кампетэнтных дзяржаўных органаў, устаноў і грамадскіх арганізацый па іх поўнай і ўсебаковай рэалізацыі» [15, с. 35]. Л. Д. Ваяводзін сярод спецыяльных (юрыдычных) гарантый адрознівае «ўмовы, г. зн. абставіны, у якіх здзяйсняецца права, і сродкі, г. зн. прававы механізм, пры дапамозе якога грамадзянін ці дзяржаўны орган забяспечвае рэалізацыю або абарону права» [16, с. 236].

Заслугоўвае пільнай увагі пункт погляду Н. В. Вітрука, які пад спецыяльнымі (юрыдычнымі) сродкамі рэалізацыі правоў разумее «замацаваныя прававымі нормаўмі межы правоў, сродкі канкрэтызацыі (у тым ліку шляхам вызначэння абавязкаў контрагентаў); юрыдычныя факты, з якімі звязваецца іх рэалізацыя; працэсуальныя формы ажыццяўлення правоў; меры заахвочвання і льготы для стымулявання правамернай іх рэалізацыі» [17, с. 100].

Менавіта ад спецыяльных (юрыдычных) сродкаў забеспячэння сацыяльных правоў грамадзян залежыць ступень іх гарантаванасці. Пагаджаючыся з вышэйпрыведзенай фармулёўкай Н. В. Вітрука, дазволім сабе дапоўніць гэты пералік. На наш погляд, побач з межаўмі правоў, замацаваных у прававых нормах, гарантыямі выступаюць і самі прававыя нормы. У прыватнасці, спецыяльнай (юрыдычнай) гарантыяй сацыяльных правоў грамадзян з'яўляецца само іх замацаванне ў Канстытуцыі краіны, падмацаванае дадаткова гарантыямі абароны з боку дзяржавы ад любых супрацьпраўных замахаў.

Гарантыя абароны з боку дзяржавы сацыяльных правоў грамадзян ад любых супрацьпраўных замахаў прадугледжвае ўдзел у абароне органаў дзяржавы: заканадаўчай, выканаўчай і судовай

галін улады, праваахоўнай сістэмы, наяўнасць развітой прававой базы дзяржавы. Дзейнасць кожнага дзяржаўнага органа, грамадскіх і рэлігійных аб'яднанняў, палітычных партый, службовых асоб павінна быць сфакусіравана на забеспячэнні гэтых найбольш прыярытэтных правоў грамадзян.

Заклучэнне. Такім чынам, сутнасць і змест сацыяльнай палітыкі Рэспублікі Беларусь напружана залежаць ад наяўнасці сацыяльных гарантый, якія ўяўляюць сабой абавязацельства грамадства перад кожным яго членам па задавальненні неабходных матэрыяльных, духоўных і культурных патрэб. На сённяшні дзень прыярытэтным напрамкам сацыяльнай палітыкі Рэспублікі Беларусь з'яўляецца мадэрнізацыя сацыяльнай сферы, перш за ўсё шляхам рэалізацыі дзяржаўных праграм у сферы аховы здароўя і адукацыі, забеспячэння насельніцтва даступным і камфортным жыллём, недапушчэнне сур'ёзнага маёмаснага расслаення грамадства і значнае павышэнне дабрабыту насельніцтва, стымуляванне нараджальнасці. Дзяржава, прымаючы на сябе значныя сацыяльныя абавязацельствы, праз сістэму канстытуцыйных сацыяльных гарантый павінна імкнуцца да больш высокай арганізацыі сацыяльнага жыцця сваіх грамадзян, што ў канчатковым выніку дасць нам падставу заявіць аб рэальным, а не дэкларатыўным сацыяльным характары дзяржаўнага ладу Рэспублікі Беларусь.

Літаратура

1. Артемова, В. Н., Мариков, О. П., Потеружа, И. И. Права человека. Проблемы гармонизации международного и национального законодательства / В. Н. Артемова [и др.]. – Минск: Право и экономика, 1997. – 37 с.
2. Патюлин, В. А. Личность: ее права и свободы в советском социалистическом государстве / В. А. Патюлин // Сов. государство и право. – 1966. – № 2. – С. 100 – 101.
3. Гулиев, В. Е., Рудинский, Ф. М. Социалистическая демократия и личные права / В. Е. Гулиев [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1984. – 192с.
4. Бондарь, Н. С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе / Н. С. Бондарь. – Ростов н/Д., 1996. – 240 с.
5. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В. А. Четвернин. – М., 1997. – 702 с.
6. Воеводин, Л. Д. Юридический статус личности в России / Л. Д. Воеводин. – М., 1997. – 294 с.
7. Козлов, А. Е. Социальная политика: конституционно-правовые проблемы / А. Е. Козлов. – М., 1990. – 160 с.
8. Путило, Н. В. Основы правового регулирования социальных прав: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. В. Путило. – М., 1999. – 21 с.
9. Иваненко, В. А. Иваненко, В. С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: международные и конституционные правовые аспекты / В. А. Иваненко [и др.]. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 402 с.
10. Ануфриев, Е. А. Социальная роль и активность личности / Е. А. Ануфриев. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1971. – 152 с.
11. Чепурина, М. Н., Киселев, Е. А. Учебное пособие. Курс экономической теории / М. Н. Чепурина [и др.]. – Киров: «АСА», 2005. – 592 с.
12. Советское государственное право / И. П. Трайнин, И. Д. Левин, М. П. Карева и др. – М.: Юриздат, 1948. – 496 с.
13. Патюлин, В. А. Государство и личность в СССР: (Правовые аспекты взаимоотношений) / В. А. Патюлин. – М.: Наука, 1974. – 246 с.
14. Лепешкин, А. И. Курс советского государственного права: В 2 т. / А. И. Лепешкин. – М.: Госюриздат, 1961. – Т. 1. – 559 с.
15. Кучинский, В. А. Основные права и обязанности граждан Белорусской ССР / В. А. Кучинский. – Минск: Наука и техника, 1978. – 120 с.
16. Советское государственное право: Учеб. для вузов / под ред. С. С. Кравчука. – М.: Юрид. лит., 1980. – 629 с.
17. Витрук, Н. В. Система прав личности / Н. В. Витрук // Права личности в социалистическом обществе: Сб. ст. / отв. ред. В. Н. Кудрявцев и др. – М.: Наука, 1981. – Гл. 3. – С. 86–113.

S. M. SIVETS

GUARANTEEING OF THE SOCIAL RIGHTS OF CITIZENS AS A MAIN FACTOR OF SOCIAL POLICY IMPLEMENTATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

Citizen's social rights analysis has been conducted in the article. System of the social rights guarantee is a one of main directions of the social policy development in the Republic of Belarus.

Author has elaborated his own classification of politic, economic, social and clerical guarantee system for social rights of citizens fixed on the level of the Constitution. Author has disclosed their mechanism of administration along with classification in the article.

Some proposals have been presented with aim to improve the system of guarantee of social rights of citizens for more practicable form of them.

УДК 342.92

В. К. ЛАДУТЬКО

**ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ
В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ***Институт правовых исследований Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь**(Поступила в редакцию 05.04.2011)*

Для привлечения к административной ответственности, помимо признаков административного правонарушения, требуется наличие признаков состава правонарушения, включающего следующие элементы: объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Некоторые авторы полагают, что состав правонарушения является основанием для привлечения к ответственности [1, с. 435]. Безусловно, наличие всех элементов, образующих состав правонарушения, является обязательным для привлечения к ответственности. Однако именно правонарушение, а не его состав, выступает основанием для привлечения лица к ответственности. В то же время состав правонарушения имеет определяющее значение при квалификации правонарушения. В литературе встречается мнение о том, что состав правонарушения является научной абстракцией [2, с. 585]. И, действительно, если обратиться к законодательству Республики Беларусь, в частности, к Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З (далее – КоАП) [3] и Процессуально-исполнительному кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-З (далее – ПИКоАП) [4], то понятие «состав административного правонарушения» нормативно не закреплено. Складывается ситуация, когда, с одной стороны, законодательство не определяет понятие «состав административного правонарушения», но, с другой стороны, суд, органы, ведущие административный процесс, при привлечении к административной ответственности обязаны установить наличие признаков состава административного правонарушения, т. е. совокупность тех обязательных элементов, которые необходимы для правильной квалификации правонарушения, а также отграничения его от смежных правонарушений и даже преступлений.

Статья 9.6 ПИКоАП закрепляет обстоятельства, исключающие административный процесс в отношении физического лица, где одним из которых указывается отсутствие в деянии состава правонарушения. В некоторых статьях КоАП (например, ст. 9.6–9.8, 9.23, 10.9, 11.4, 11.6 и др.) при определении деяний, являющихся административными правонарушениями, делается оговорка «... если в этих деяниях нет состава преступления...». Следует отметить, что понятие «состав преступления» в Уголовном кодексе Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК) [5] также не определено. Таким образом, КоАП и УК оперируют понятиями элементов структуры состава правонарушения, выработанными наукой административного и уголовного права, а также практикой правоприменения, но не закрепленными в законодательстве. В связи с этим предлагаем понятие «состав административного правонарушения» закрепить в КоАП путем дополнения ст. 2.1 пунктом 3 следующего содержания: «Состав административного правонарушения образует совокупность обязательных признаков административного правонарушения, указанных в Кодексе, необходимых и достаточных для квалификации административного правонарушения и привлечения виновного лица к административной ответственности».

В юридической литературе признаки правонарушения разделяют на объективные (объект и объективная сторона) и субъективные (субъект и субъективная сторона) [6, с. 25; 7, с. 94; 8, с. 105;

9, с. 182; 10, с. 198; 11, с. 230; 12, с. 387]. В свою очередь, среди объективных и субъективных признаков выделяют обязательные и факультативные [10, с. 198].

Д. Н. Бахрах различает юридически значимые (входящие в состав (конструктивные признаки)) и не имеющие юридического значения (не входящие в состав (смягчающие, отягчающие, исключаяющие ответственность и др.)) признаки правонарушения [13, с. 479]. Кроме указанной классификации, Д. Н. Бахрах выделяет составы правонарушений: с определенными признаками и неопределенными признаками, последние, в свою очередь, подразделяет на бланкетные и оценочные; общие и специальные; материальные и формальные [13, с. 481]. Ранее автор предлагал, помимо вышеназванных, следующие классификации составов проступков: казуистичные и обобщенные; однозначные и альтернативные; позитивные и негативные [14, с. 44–46].

Одним из объективных признаков состава административного правонарушения является объект правонарушения. Большинство ученых (как представителей общей теории права, так и отраслевых наук) полагают, что объектом правонарушения являются общественные отношения, которые урегулированы нормами права и охраняются мерами ответственности [15, с. 393; 16, с. 612; 17, с. 17; 18, с. 371; 19, с. 656; 20, с. 627; 21, с. 393; 22, с. 495; 23, с. 634; 24, с. 474].

По мнению ученых-теоретиков В. С. Нерсисянца, А. Б. Венгерова, Ю. А. Денисова, объектом правонарушения является правопорядок [25, с. 524; 26, с. 537; 27, с. 126], т. к. в результате правонарушения причиняет вред правопорядку [26, с. 538]. Как полагают В. В. Лазарев и С. В. Липень, объект правонарушения представляет собой «нарушенное субъективное право» [28, с. 408], которое выражается, например, в праве «государства на нормальное осуществление государственного управления» [28, с. 408]. И. В. Табарин объектом правонарушения называет «объект всего правового общественного отношения, это предмет права и обязанности субъектов» [29, с. 373].

Таким образом, единства мнений об объекте правонарушения в литературе нет, что порождает дальнейшие дискуссии относительно рассматриваемого вопроса. В связи с этим следует определить общественные отношения, на которые посягает административное правонарушение в сфере налогообложения, какими нормами урегулированы и какими мерами ответственности охраняются данные общественные отношения.

Общественные отношения, выступающие объектом административного правонарушения в сфере налогообложения, регулируются налоговым законодательством. Однако, как справедливо отмечает Д. Н. Бахрах, охраняются данные общественные отношения нормами КоАП [30, с. 554].

В соответствии со ст. 1 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) [31] НК регулирует властные отношения по установлению, введению, изменению, прекращению действия налогов, сборов (пошлин) и отношения, возникающие в процессе исполнения налогового обязательства, осуществления налогового контроля, обжалования решений налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц, а также устанавливает права и обязанности плательщиков, налоговых органов и других участников отношений, регулируемых налоговым законодательством. Однако не все отношения, регулируемые НК, могут рассматриваться в качестве объекта административного правонарушения против порядка налогообложения, т. к. не всякое нарушение налогового законодательства является административным правонарушением, а только те, за совершение которых установлена административная ответственность в соответствии с КоАП. Примером может служить нарушение порядка установления, введения, изменения, прекращения действия налогов, сборов (пошлин) – административная ответственность за данное нарушение КоАП не предусмотрена, а следовательно, отношения по установлению, введению, изменению, прекращению действия налогов, сборов (пошлин) не являются объектом административного правонарушения против порядка налогообложения. С одной стороны, административное правонарушение против порядка налогообложения – это противоправное деяние, нарушающее нормы налогового законодательства. Следовательно, ответственность наступает только в том случае, если за нарушение данной нормы установлена административная ответственность в соответствии с КоАП. С другой стороны, объектом посягательства является не установленная норма, а общественные отношения, которые регулируются данной нормой.

В связи с этим необходимо сделать вывод, что объектом административного правонарушения в сфере налогообложения выступают общественные отношения, урегулированные нормами

налогового законодательства, устанавливающими должное поведение субъектов. Общественные отношения нельзя рассматривать в разрыве от норм налогового законодательства, т. к. если данные общественные отношения не будут регламентированы нормами права, то в указанном случае при посягательстве на данные общественные отношения нельзя вести речь о наличии объекта правонарушения, а также признать правонарушение таковым. Кроме того, если в КоАП не предусмотрена ответственность за административное правонарушение против порядка налогообложения, то данные общественные отношения также не будут объектом правонарушения. В общетеоретической и отраслевой литературе представлены различные классификации объектов правонарушения. Некоторые ученые выделяют общий, родовой, видовой и непосредственный объекты правонарушения [32, с. 482; 33, с. 203]. Помимо указанных, А. А. Постникова и А. И. Сухаркова различают дополнительный и факультативный объекты правонарушения [7, с. 94], А. Б. Венгеров выделяет общий и конкретный объекты правонарушения [26, с. 537–538], Н. И. Матузов подразделяет объекты правонарушения на общий и специальный (конкретный) [1, с. 435]. Большинство ученых-административистов различают общий, родовой и непосредственный объекты административных правонарушений [6, с. 26; 8, с. 106; 9, с. 183; 10, с. 199; 11, с. 231–232; 34, с. 319–320; 35, с. 181].

По мнению И. А. Галагана, для определения объекта административного правонарушения необходимо установить не общий и не родовой, а специальный объект правонарушения, т. е. конкретные отношения, которые регулируются и охраняются нормами административного права, устанавливающими административную ответственность [36, с. 165].

Под общим объектом административного правонарушения в научной литературе понимается совокупность общественных отношений, урегулированных нормами права и охраняемых мерами административной ответственности [7, с. 94; 10, с. 199; 32, с. 482; 33, с. 203]. Родовой объект административного правонарушения рассматривается как совокупность однородных общественных отношений, которая лежит в основе структуры Особенной части КоАП. При этом систематизация родовых объектов административных правонарушений происходит по двум критериям – однородность общественных отношений и отрасль деятельности [10, с. 200; 32, с. 482]. Видовой объект определяется как «обособленная группа общественных отношений, общих для проступков одного рода» [7, с. 94]. Некоторые ученые отождествляют видовой и непосредственный объекты административных правонарушений [34, с. 319–320]. Под непосредственным объектом правонарушения понимается конкретное общественное отношение, на которое посягает административный проступок и которое предусмотрено в отдельной норме [10, с. 200; 11, с. 232].

В зависимости от объекта правонарушения в отраслевой литературе по налоговому праву представлены различные классификации налоговых правонарушений. Так, С. Г. Пепеляев выделяет следующие налоговые правонарушения: против системы налогов; прав и свобод налогоплательщиков; системы гарантий выполнения обязанностей налогоплательщика; исполнения доходной части бюджета; контрольных функций налоговых органов; порядка ведения бухгалтерского учета, составления и предоставления бухгалтерской и налоговой отчетности; обязанностей по уплате налогов [37, с. 192]. А. В. Брызгалов в зависимости от объекта, на который направлены противоправные деяния классифицирует составы правонарушений на: сокрытие (занижение) объектов налогообложения; нарушение установленного порядка учета объектов налогообложения; нарушение порядка предоставления документов в налоговый орган; нарушение порядка уплаты налога [38, с. 461–462]. Ю. А. Крохина в зависимости от непосредственного объекта состава налоговых правонарушений выделяет правонарушения, посягающие на материальные фискальные права государства (общественные отношения, обеспечивающие уплату или изъятие налога) и процессуальные фискальные права государства (общественные отношения, обеспечивающие учет налогоплательщиков, осуществление налогового контроля, производства по делам о налоговых отношениях) [39, с. 218–219]. Также встречается классификация объектов административных правонарушений в сфере налогообложения по предмету правового регулирования: отношения, связанные с исчислением и уплатой налогов и сборов; отношения, связанные с рассмотрением споров между налогоплательщиками и налоговыми органами; отношения, связанные с принудительным взысканием налогов и сборов [40, с. 62].

По нашему мнению, все объекты административных правонарушений против порядка налогообложения можно разделить на родовой, видовой и непосредственный.

Налоговые доходы являются составной частью государственного бюджета страны, следовательно, административные правонарушения в сфере налогообложения отрицательно сказываются на деятельности государства, а также социально-экономическом обеспечении всего общества. Таким образом, родовый объект административного правонарушения против порядка налогообложения составляют общественные отношения в области удовлетворения финансовых потребностей государства в социально-экономическом обеспечении всего общества и функций государства в целом. Видовым объектом административных правонарушений против порядка налогообложения являются общественные отношения по исполнению налоговой обязанности. В данном случае исполнение налоговой обязанности следует рассматривать в широком смысле, оно включает обязанности плательщика своевременно стать на учет в налоговом органе, в установленном порядке вести бухгалтерский учет, своевременно предоставлять отчетность и т. д.

Непосредственный объект административного правонарушения против порядка налогообложения предусмотрен в конкретной статье главы 13 КоАП. При этом один и тот же объект правонарушения может быть предусмотрен в нескольких статьях.

Анализ предусмотренных главой 13 КоАП составов административных правонарушений против порядка налогообложения позволяет выделить следующие непосредственные объекты правонарушений против порядка налогообложения:

- установленный порядок постановки на учет в налоговом органе (ст. 13.1, 13.2 КоАП);
- установленный порядок предоставления необходимой информации и документов в налоговый орган (ст. 13.3, 13.4, 13.8 КоАП);
- установленный порядок бухгалтерского учета, предоставления налоговой и бухгалтерской отчетности в налоговый орган, осуществления контрольных функций (ст. 13.5; 13.13 КоАП);
- установленный порядок исполнения налоговой обязанности (ст. 13.5–13.7, 13.14 КоАП);
- установленный порядок исполнения поручений или решений органов КГК, налоговых и таможенных органов (ст. 13.9–13.11 КоАП).

На наш взгляд, родовый объект административных правонарушений против порядка налогообложения не следует определять исходя из применяемого законодателем принципа объединения по главам Особенной части КоАП однородных административных правонарушений. В доказательство этого можно привести следующие аргументы.

Во-первых, некоторые составы административных правонарушений в сфере налогообложения содержатся в главе 12 Особенной части КоАП «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности». Примером могут служить: ст. 12.1. КоАП, устанавливающая ответственность за уничтожение или нарушение правил хранения должностным лицом юридического лица или индивидуальным предпринимателем бухгалтерских документов (документов предпринимательской деятельности, документов учета доходов и расходов, применяемого при упрощенной системе налогообложения) и (или) иных документов, необходимых для исчисления и уплаты налогов, до истечения установленных сроков их хранения либо их сокрытие; ст. 12.11 КоАП, предусматривающая ответственность за нарушение установленного порядка регистрации объектов налогообложения в налоговых органах, непредъявление свидетельства (нотариально засвидетельствованной копии свидетельства) о регистрации объектов налогообложения при осуществлении игорного бизнеса; ст. 12.12 КоАП, в которой предусмотрена административная ответственность за создание юридического лица без намерения осуществлять уставную деятельность для сокрытия или занижения прибыли, доходов или других объектов налогообложения и другие.

Во-вторых, некоторые статьи Особенной части КоАП предусматривают схожие составы административных правонарушений, отнесенные законодателем к различным видам административных правонарушений, например, в области предпринимательской деятельности (глава 12) и против порядка налогообложения (глава 13). Так, ст. 12.33 КоАП устанавливает ответственность за нарушение порядка допуска плательщиков единого налога к реализации товаров (работ, услуг). В то же время ст. 13.13 КоАП предусматривает ответственность за отсутствие при реализации товаров, оказании услуг документа, предусмотренного законодательством о едином налоге. Различие в данных составах состоит в субъектах правонарушения. В первом случае

субъектом правонарушения является должностное лицо и индивидуальный предприниматель, во втором случае – индивидуальный предприниматель и физическое лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность. По сути это одно и то же правонарушение – правонарушение против порядка налогообложения.

Принятая Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулирования деловой активности в Республике Беларусь» (далее – Директива № 4) [41] направлена на либерализацию экономических отношений, повышение деловой активности, улучшение бизнес-климата в нашей стране. Пункты 4 и 5 содержат направления совершенствования налоговой системы и контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь. В частности, отмечается необходимость пересмотра существующей системы административной ответственности за правонарушения в области предпринимательской деятельности. В связи с этим предлагаем составы правонарушений, предусмотренные ст. 12.33 и 13.13 КоАП, объединить и отнести данный состав правонарушения к административным правонарушениям против порядка налогообложения.

Для квалификации составов административных правонарушений против порядка налогообложения недостаточно установить только объект посягательства, необходимо установить и другие признаки состава административного правонарушения.

Не менее важным элементом состава административного правонарушения против порядка налогообложения является его объективная сторона. Целесообразность установления признаков объективной стороны правонарушения связана с необходимостью законодательного закрепления наиболее точных формулировок составов административных правонарушений с целью исключения субъективных факторов при привлечении виновных лиц к ответственности. Следовательно, неопределенность составов может порождать трудности в правоприменении [42, с. 418].

Распространенной в общетеоретической и отраслевой литературе классификацией является деление признаков объективной стороны правонарушения на обязательные и факультативные [1, с. 436; 6, с. 26; 18, с. 375; 22, с. 495; 30, с. 557]. По нашему мнению, данную классификацию следует признать достаточно условной, т. к. в случае указания факультативных признаков объективной стороны правонарушения в соответствующей статье КоАП данные признаки становятся обязательными при квалификации того или иного правонарушения.

Ученые разделились во мнениях относительно того, какие признаки объективной стороны являются обязательными, а какие – факультативными.

Преобладающим в общетеоретической литературе представлено мнение о том, что объективную сторону каждого правонарушения составляют противоправное деяние, вредные последствия и причинная связь между совершенным деянием и вредными последствиями. Данные признаки объективной стороны называют обязательными [1, с. 436; 2, с. 586; 6, с. 26; 22, с. 495; 25, с. 484; 26, с. 538; 43, с. 105; 44, с. 285–286; 45, с. 442]. Такого мнения придерживаются лишь некоторые ученые-административисты, такие как Б. В. Россинский, А. А. Постникова, А. И. Сухаркова [7, с. 95; 30, с. 554]. Ряд ученых полагают, что такие признаки объективной стороны, как вредные последствия и причинная связь между деянием и вредными последствиями, присущи не всем правонарушениям. Так полагают О. Э. Лэйст, В. М. Сырых, А. С. Пиголкин [19, с. 656; 21, с. 395–396; 46, с. 455], а также большинство ученых-административистов [8, с. 110; 10, с. 203; 11, с. 233; 14, с. 51; 33, с. 204; 36, с. 165]. Данные авторы считают, что основным обязательным признаком объективной стороны любого правонарушения является деяние.

Следует согласиться с мнением ученых, относящих к обязательным признакам объективной стороны административных правонарушений против порядка налогообложения деяние, вредные последствия и причинную связь между противоправным деянием и вредными последствиями.

При характеристике признаков объективной стороны административного правонарушения против порядка налогообложения первоначально необходимо определить, какое деяние выступает внешним проявлением административного правонарушения. Деяния, независимо от формы их выражения, являются противоправными, т. е. нарушающими нормы права. Общеизвестным в литературе представлено деление деяния на действия и бездействия. Как справедливо отмечает М. С. Студеникина, «только действие (бездействие) порождает последующие звенья объективной стороны ...» [42, с. 418]. Некоторые ученые полагают, что административные правонаруше-

ния могут быть как простыми, так и сложными. При этом простое деяние выражается в форме единого кратковременного акта противоправного деяния. Сложное деяние представляет собой совокупность нескольких действий, которое может состоять из двух действий, альтернативных действий, может быть длящимся или продолжаемым [14, с. 51; 18, с. 377].

Применительно к административным правонарушениям в сфере налогообложения данные правонарушения могут совершаться в форме действия, т. е. путем совершения активных действий (например, осуществление деятельности без постановки на учет в налоговом органе – ст. 13.2 КоАП), а также в форме бездействия, т. е. посредством неисполнения возложенных на лицо обязанностей (например, нарушение срока представления информации об открытии (закрытии) счета в банке и (или) небанковской кредитно-финансовой организации – ст. 13.3 КоАП). Следует отметить, что бездействие как признак объективной стороны состава правонарушения не равнозначно «физическому бездействию человека». Это означает, что, даже не исполняя свои обязанности, «лицо может вести себя весьма активно» [10, с. 202]. Ряд административных правонарушений против порядка налогообложения могут совершаться как действием, так и бездействием. Примером может служить неполная уплата суммы налога в случае неотражения хозяйственных операций либо неправильного их отражения (ст. 13.6 КоАП).

По нашему мнению, при исследовании объективной стороны административного правонарушения следует обратить внимание на то, что одним из признаков административного правонарушения выступает его вредность. Административные правонарушения против порядка налогообложения причиняют вред охраняемым интересам личности, общества и государства, нарушают общественные отношения в налоговой сфере, а также создают угрозу причинения такого вреда. Например, только с первого взгляда такое административное правонарушение, как нарушение срока постановки на учет в налоговом органе (ст. 13.1 КоАП), может показаться безвредным. Однако данное правонарушение создает угрозу своевременной уплаты налогов, сборов (пошлин), что, в свою очередь, отрицательно воздействует на обеспечение потребностей общества и функционирования государства в целом.

Определение характера вредных последствий, их размера является необходимым для правильной квалификации административных правонарушений в сфере налогообложения, а именно для отграничения их от иных административных правонарушений, а также от налоговых преступлений. Например, если в результате уклонения от уплаты сумм налогов и сборов путем сокрытия, занижения налоговой базы данные деяния повлекли причинение ущерба в крупном или особо крупном размере, то наступает уголовная ответственность в соответствии со ст. 243 УК. Те же деяния, не причинившие ущерба в крупном или особо крупном размере, будут квалифицироваться как административное правонарушение по ст. 13.6 КоАП.

Размер неуплаченных сумм налогов, сборов (пошлин) выступает важным квалифицирующим признаком, от которого зависит, будет ли признаваться административное правонарушение таковым. Например, п. 6 ст. 13.6 КоАП предусматривает ответственность за неуплату или неполную уплату физическим лицом суммы налога, сбора (пошлины), совершенные по неосторожности, если неуплаченная или не полностью уплаченная сумма налога, сбора (пошлины) превышает одну базовую величину.

В зависимости от объективной стороны принято различать формальные и материальные составы правонарушений. При этом для формальных составов правонарушений достаточен только факт его совершения, а для материальных – не только совершение деяния, но и наступившие вредные последствия, а также причинная связь [11, с. 233; 30, с. 555; 47, с. 360].

Налоговые доходы составляют основную часть государственного бюджета страны, следовательно, административные правонарушения в сфере налогообложения отрицательно сказываются на деятельности государства, а также социально-экономическом обеспечении всего общества. В связи с этим классификацию составов правонарушений на формальные и материальные следует признать условной, поскольку вредные последствия от совершенных административных правонарушений против порядка налогообложения могут выражаться не только в материальном эквиваленте, но и в потенциальной угрозе наступления вредных последствий.

Следующим обязательным признаком объективной стороны административного правонарушения в сфере налогообложения выступает причинная связь между совершенным деянием

и вредными последствиями. При этом требуется установить необходимую, а не случайную связь [2, с. 587; 22, с. 496; 42, с. 420; 45, с. 442]. Случай (казус) не порождает правонарушение, т. к. в данной ситуации отсутствует причинная связь между деянием и вредными последствиями [26, с. 538]. Таким образом, деяние выступает основной причиной наступления вредных последствий и предшествует во времени их наступлению [6, с. 27].

К факультативным признакам объективной стороны правонарушения принято относить время, место, способ, повторность деяния и иные обстоятельства совершения правонарушения. Данные признаки присущи не всем административным правонарушениям против порядка налогообложения, а только тем, при определении которых законодатель указал на них в конкретной статье КоАП. В случае, когда данные признаки предусмотрены в соответствующей статье КоАП, они становятся обязательными для административного правонарушения.

Время как факультативный признак объективной стороны административного правонарушения в сфере налогообложения имеет место в случае установления в законодательстве определенных сроков, по истечении которых деяния становятся правонарушениями. Например, в случае нарушения установленного срока подачи заявления о постановке на учет в налоговом органе при наступлении сроков уплаты налогов, сборов (пошлин) и просрочке более 5 рабочих дней при совершении административного правонарушения физическим лицом, не являющимся индивидуальным предпринимателем, обязательным признаком объективной стороны выступает время просрочки подачи заявления. Если просрочка составит менее 5 рабочих дней, то данное деяние нельзя рассматривать как административное правонарушение по ст. 13.1 КоАП.

Такой признак объективной стороны, как место совершения правонарушения, предполагает осуществление деяния на определенных территориях, учреждениях, транспортных средствах, где установлены особые правила [14, с. 54]. Например, ст. 13.13 КоАП устанавливает ответственность за отсутствие при реализации товаров, оказании услуг у индивидуального предпринимателя и иного физического лица, не осуществляющего предпринимательскую деятельность, в торговых, обслуживающих объектах (в случаях, предусмотренных законодательством, – в транспортных средствах), на торговых местах на рынке документа об уплате единого налога. Таким образом, торговые, обслуживающие объекты, транспортные средства, торговые места выступают в данном случае признаком объективной стороны данного правонарушения.

По мнению И. А. Галагана, в некоторых случаях определяющее значение при квалификации административных правонарушений имеют средства и способы их совершения. К средствам могут относиться «запрещенные к использованию предметы и приспособления ... а к способам – разного рода приемы, при помощи которых проступок совершается». При этом в некоторых случаях способы и средства совершения правонарушения могут совпадать [36, с. 166]. Как полагает Д. Н. Бахрах, само деяние и способ «соотносятся как род и вид» [14, с. 54].

Способ совершения административного правонарушения против порядка налогообложения характеризует само противоправное деяние и определяет, каким именно путем совершено правонарушение. При анализе составов административных правонарушений, закрепленных в главе 13 КоАП, непосредственно о способах их совершения не говорится. Можно предположить, что на практике способы совершения административных правонарушений в сфере налогообложения определяются в каждом конкретном случае. Так, неполная уплата плательщиком суммы налога, сбора (пошлины) может выражаться, например, путем неотражения хозяйственных операций; невключения в прибыль выручки от реализации товаров (работ, услуг); неотражения в бухгалтерском учете внереализационных доходов и т. д.), неправильного отнесения расходов к затратам по производству и реализации товаров (работ, услуг), имущественных прав, учитываемым при налогообложении; счетных ошибок и т. д. В то же время ст. 243 УК непосредственно предусматривает, что уклонение от уплаты сумм налогов и сборов может осуществляться такими способами, как сокрытие или умышленное занижение налоговой базы.

В последнее время наметилась тенденция со стороны деятельности налогоплательщиков по уменьшению налогов (налоговая минимизация), под которой понимаются действия налогоплательщиков, направленные на избежание или уменьшение выплат по налогам, сборам (пошлинам) [48, с. 10]. К способам уменьшения налоговых платежей относятся: уклонение от уплаты налогов (предполагает избежание уплаты налогов или уменьшение их размеров, сопряженные

с нарушением законодательства) и налоговая оптимизация (осуществляется посредством правомерных действий налогоплательщиков путем использования предоставленных льгот и других приемов) [48, с. 19–24]. В литературе ведутся дискуссии по поводу разграничения правомерной налоговой оптимизации от криминального уклонения от уплаты налогов [48–51].

Длящимися признаются административные правонарушения, которые осуществляются посредством непрерывного неисполнения определенной обязанности [13, с. 484; 15, с. 394; 32, с. 483]. Например, ст. 13.2 КоАП устанавливает ответственность за осуществление деятельности без постановки на учет в налоговом органе. По мнению некоторых ученых, длящееся административное правонарушение может прекращаться фактически или юридически. При этом фактическое прекращение предполагает самостоятельные действия виновных лиц по исполнению обязанности. Длящееся административное правонарушение может прекращаться юридически, т. е. при привлечении виновных лиц к ответственности [13, с. 484; 18, с. 377–378; 32, с. 483].

Продолжаемым административным правонарушением признается совокупность последовательных тождественных, связанных и образующих единое правонарушение противоправных деяний, например, грубое нарушение правил ведения бухгалтерского учета и предоставления бухгалтерской отчетности [13, с. 484; 18, с. 378].

Неоднократность совершения административного правонарушения предполагает совершение однородных деяний в течение определенного периода, но ни за одно из них лицо не было привлечено к административной ответственности [30, с. 557].

По мнению Д. Н. Бахраха, следует выделять собирательные правонарушения, которые имеют «в основе систему тождественных неоднократных неправомерных действий» [14, с. 52].

В отличие от неоднократности повторность совершения административного правонарушения выражается в совершении одним и тем же лицом правонарушения в течение определенного периода, за которое данное лицо уже привлекалось к ответственности [15, с. 394; 18, с. 379; 30, с. 557]. Применительно к административным правонарушениям против порядка налогообложения, предусмотренным главой 13 КоАП, повторность установлена только п. 4 ст. 13.4 КоАП за нарушение срока представления налоговой декларации (расчета). К признакам объективной стороны некоторые ученые относят признак другого лица (потерпевшие, участники правонарушения); признак нарушенного акта (нормативного акта (нарушение правил) или индивидуального акта (например, предписание органов государственного контроля) [13, с. 484]. По нашему мнению, признак другого лица характеризует субъектный состав, а не объективную сторону правонарушения. В то же время мы согласны с выделением признака нарушенного акта. Относительно административных правонарушений в сфере налогообложения данный признак может выражаться в случае нарушения порядка ведения бухгалтерского учета (ст. 12.1 КоАП), установленного Законом Республики Беларусь от 18 октября 1994 г. № 3321-XII «О бухгалтерском учете и отчетности» [52], либо в случае неисполнения решения органа Комитета государственного контроля Республики Беларусь, налогового или таможенного органа о приостановлении операций по счетам плательщика, налогового агента, иного обязанного лица (ст. 13.11 КоАП).

На основе проведенного исследования объекта административного правонарушения против порядка налогообложения можно сделать следующие выводы. Предлагаем понятие «состав административного правонарушения» закрепить в КоАП путем дополнения ст. 2.1 пунктом 3 следующего содержания: «Состав административного правонарушения образует совокупность обязательных признаков административного правонарушения, указанных в Кодексе, необходимых и достаточных для квалификации административного правонарушения и привлечения виновного лица к административной ответственности».

Объектом административных правонарушений в сфере налогообложения выступают общественные отношения, урегулированные нормами налогового законодательства, устанавливающими должное поведение субъектов. Общественные отношения, выступающие объектом административного правонарушения в сфере налогообложения, регулируются налоговым законодательством и охраняются нормами КоАП. Все объекты административных правонарушений против порядка налогообложения можно разделить на родовой, видовой и непосредственный.

Обязательными признаками объективной стороны административных правонарушений против порядка налогообложения являются деяние, вредные последствия и причинная связь между

противоправным деянием и вредными последствиями. Также к признакам объективной стороны правонарушения могут относиться время, место, способ, размер неуплаченных сумм налогов, сборов (пошлин), признак нарушенного акта, а также признаки, характеризующие деяние, – повторность, неоднократность, длящееся, продолжаемое деяние. Данные признаки присущи не всем административным правонарушениям против порядка налогообложения, а только тем, при определении которых законодатель указал на них в конкретной статье КоАП. В случае, когда данные признаки предусмотрены в соответствующей статье КоАП, они становятся обязательными для административного правонарушения.

Литература

1. М а т у з о в, Н. И. Теория государства и права: учеб. / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М.: Юрист, 2004. – 512 с.
2. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2007. – 768 с.
3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апр. 2003 г., № 194-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 20 дек. 2006 г., № 194-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
6. И в а н о в, А. А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие / А. А. Иванов, В. П. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2006. – 159 с.
7. П о с т н и к о в а, А. А. Административное право: учеб. пособие / А. А. Постникова, А. И. Сухаркова. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2003. – 191 с.
8. Т е л я т и ц к а я, Т. В. Административное право Республики Беларусь: Общая часть: учеб. пособие / Т. В. Телятицкая. – Минск: Финадо, 1996. – 142 с.
9. К р а м н и к, А. Н. Административно-правовое принуждение / А. Н. Крамник. – Минск: Тесей, 2005. – 208 с.
10. Административное право: учеб. пособие / Л. М. Рябцев [и др.]; под общ. ред. Л. М. Рябцева. – Минск: Амалфея, 2009. – 432 с.
11. Л о м а к и н а, В. Ф. Административное право Российской Федерации: учеб. пособие / В. Ф. Ломакина. – М.: Эксмо, 2007. – 528 с.
12. М а х, И. И. Административное право Республики Беларусь: курс лекций. – Минск: Амалфея, 2008. – 704 с.
13. Б а х р а х, Д. Н. Административное право России: учеб. / Д. Н. Бахрах, В. Г. Татарян. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 608 с.
14. Б а х р а х, Д. Н. Административная ответственность граждан в СССР: учеб. пособие / Д. Н. Бахрах. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 204 с.
15. А л е х и н, А. П. Административное право России. Первая часть / А. П. Алехин, А. А. Кармолицкий. – М.: Зерцало, 2009. – 528 с.
16. Р о с с и н с к и й, Б. В. Административное право: учеб. / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 928 с.
17. К у з я к и н, Ю. П. Административная ответственность: учеб. пособие / Ю. П. Кузякин. – М.: МГИУ, 2007. – 224 с.
18. Административное право России: учеб. / под ред. П. И. Кононова, В. Я. Кикотя, И. Ш. Киляханова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2009. – 687 с.
19. П и г о л к и н, А. С. Теория государства и права: учеб. / А. С. Пиголкин, А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – М.: Высшее образование, 2008. – 613 с.
20. М а р ч е н к о, М. Н. Теория государства и права: учеб. / М. Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 640 с.
21. С ы р ы х, В. М. Теория государства и права: учеб. для вузов / В. М. Сырых. – 4-е изд., стер. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2005. – 704 с.
22. Теория государства и права: учеб. / под ред. А. Г. Хабибулина, В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2009. – 624 с.
23. Т и х о м и р о в, Ю. А. Административное право и процесс: полный курс / Ю. А. Тихомиров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2008. – 697 с.
24. В и ш н е в с к и й, А. Ф. Общая теория государства и права: учеб. пособие / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский; под общ. ред. проф. В. А. Кучинского. – Минск: Амалфея, 2002. – 656 с.
25. Н е р с е с я н ц, В. С. Общая теория права и государства: учеб. / В. С. Нерсесянц. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 560 с.
26. В е н г е р о в, А. Б. Теория государства и права: учеб. / А. Б. Венгеров. – 6-е изд., стер. – М.: Изд-во «Омега-Л», 2009. – 607 с.
27. Д е н и с о в, Ю. А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты) / Ю. А. Денисов. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. – 142 с.

28. Л а з а р е в, В. В. Теория государства и права: учеб. для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Спарк, 2004. – 528 с.
29. Т а б а р и н, И. В. Современная теория права: новый научный курс: науч. монография / И. В. Табарин. – М., 2008. – 624 с.
30. Б а х р а х, Д. Н. Административное право: учеб. / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 816 с.
31. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть), 19 дек. 2002 г., № 166-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
32. Б а х р а х, Д. Н. Административное право России: учеб. / Д. Н. Бахрах. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 608 с.
33. Д м и т р и е в, Ю. А. Административное право Российской Федерации: учеб. для юрид. вузов / Ю. А. Дмитриев, И. А. Полянский, Е. В. Трофимов. – Ростов-на Дону: Феникс, 2008. – 461 с.
34. Административное право: учеб. / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. – М.: Юрист, 1999. – 728 с.
35. Административное право Российской Федерации: учеб. / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров; под ред. Л. Л. Попова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2010. – 444 с.
36. Г а л а г а н, И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование) / И. А. Галаган. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1970. – 252 с.
37. П е п е л я е в, С. Г. Налоги: реформы и практика / С. Г. Пепеляев. – М.: Статут, 2005. – 287 с.
38. Налоги и налоговое право: учеб. пособие / под ред. А. В. Брызгалина. – М.: «Аналитика-Пресс», 1997. – 600 с.
39. К р о х и н а, Ю. А. Налоговое право: учеб. / Ю. А. Крохина. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2011. – 451 с.
40. Ш е к ш и н, В. В. Административная ответственность за правонарушения в области налогов и сборов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / В. В. Шекшин. – М., 2006.
41. О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь: Директива Президента Респ. Беларусь, 31 дек. 2010 г., № 4 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.
42. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. С. Пиголкина. – М.: ОАО «Изд. Дом «Городец»», 2003. – 544 с.
43. С а м о щ е н к о, И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / И. С. Самощенко. – М.: Изд-во «Юрид. лит.», 1963. – 286 с.
44. Общая теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2001. – 520 с.
45. Д р о б я з к о, С. Г. Общая теория права: учеб. пособие для вузов / С. Г. Дробязко, В. С. Козлов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: Амалфея, 2009. – 484 с.
46. Теория государства и права: курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. – М.: Зерцало, БЕИС, 1996. – 476 с.
47. Налоговое право России: учеб. для вузов / отв. ред. д. ю. н., проф. Ю. А. Крохина. – М.: Изд-во НОРМА, 2003. – 656 с.
48. Б р ы з г а л и н, А. В. Налоговая оптимизация: принципы, методы, рекомендации, арбитражная практика / А. В. Брызгалин, В. Р. Берник, А. Н. Головкин / под ред. А. В. Брызгалина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – 304 с.
49. А л е к с а н д р о в, И. М. Налоги и налогообложение: учеб. / И. М. Александров. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К°», 2009. – 318 с.
50. С м и р н ы х, С. Е. Предварительное налоговое консультирование как способ разграничения правомерной налоговой оптимизации от криминального уклонения от уплаты налогов / С. Е. Смирных // Государство и право. – 2008. – № 5. – С. 56–63.
51. Б у д ы л и н, С. Л. Оптимизация или уклонение: Конституционные основы налогового планирования / С. Л. Будылин // Рос. юстиция. – 2006. – № 10. – С. 48–51.
52. О бухгалтерском учете и отчетности: Закон Респ. Беларусь, 18 окт. 1994 г., № 3321-XII // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2011.

V. K. LADUTS'KA

OBJECTIVE FEATURES OF ADMINISTRATIVE INFRINGEMENTS IN THE FIELD OF TAX LEGISLATION

Summary

Administrative infringements objective features investigation has been conducted in frames of this article in the field of tax legislation procedure. General theoretic and special branch literatures on this problem have been analyzed by the author as well as a legislation of the Republic of Belarus. Suggestions have been elaborated for development of legislation in this field and presented in the article.

УДК 34.03:004.056.5

М. С. АБЛАМЕЙКО, Д. А. МАРУШКО

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

*Белорусский государственный университет**(Поступила в редакцию 31.05.2011)*

Введение. Третье тысячелетие представляет собой новый этап научно-технического развития, характеризующийся широким внедрением информационно-коммуникационных технологий, формирующих необходимые условия для создания информационного общества.

Одной из приоритетных задач в период формирования информационного общества является разработка необходимого законодательства. Становление информационного общества в условиях появления новых вызовов и угроз, направленных на дестабилизацию функционирования информационной инфраструктуры, нуждается в серьезном уточнении направления развития законодательства Республики Беларусь. Происходящие изменения особенно заметны на примере участвовавших случаев использования сети Интернет в противоправных целях [16, с. 82].

В Республике Беларусь постоянно увеличивается количество киберпреступлений или преступлений против информационной безопасности. Так, согласно официальной статистике, рост количества преступлений против информационной безопасности произошел с 119 в 2003 г. до 1614 в 2008 г. В частности, в 2004 г. было зарегистрировано более 130 преступлений против информационной безопасности, в 2006 – 272, в 2007 – 996 преступлений, а в 2008 г. киберпреступность выросла на 62% – 1614 преступлений [20]. В 2010 г. в стране было зафиксировано более двух тысяч киберпреступлений.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимость исследования проблем правового обеспечения информационной безопасности и развития информационного общества, которые еще не нашли соответствующего решения и требуют современных подходов, бесспорна и носит непреходящий характер.

Правовые вопросы регулирования информационных отношений при формировании информационного общества и обеспечении информационной безопасности в Республике Беларусь нуждаются в серьезном изучении, т. к. активно развивающиеся информационно-коммуникативные процессы трансформируются в качественно новое состояние (режим реального времени) и новые общественные отношения, появляющиеся в связи с этим, требуют адекватного правового регулирования [14, с. 49].

Одним из важнейших условий формирования информационного общества в Республике Беларусь является создание и развитие системы нормативного правового регулирования отношений в сфере обеспечения информационной безопасности. В свою очередь, изучение отечественного опыта по правовому обеспечению формирования информационного общества, информационной безопасности в Республике Беларусь и реагированию на появление новых вызовов и угроз в условиях глобализации указывает на то, что данные вопросы исследованы недостаточно полно [22, с. 68].

Необходимость системного методологического подхода к исследованию и решению отмеченных выше проблем связана с тем, что информационная безопасность выполняет все более существенную и определяющую роль в системе обеспечения национальной безопасности Республики

Беларусь. Это отмечено и зафиксировано в основных принципах Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь [11].

Правовое обеспечение информационной безопасности является приоритетным направлением формирования глобального информационного общества, обозначенного в Окинавской хартии глобального информационного общества, Декларации принципов информационного общества, документах Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества в декабре 2003 г. в Женеве и в ноябре 2005 г. в Тунисе, это также следует из Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь.

Выявление направлений правового обеспечения информационной безопасности требует использования системного подхода и правовых оценок с учетом анализа законодательства в данной области, а также особенностей информационных отношений и воздействия на них процессов глобализации [15, с. 104].

Постоянно увеличивающееся значение информационной сферы, являющейся системообразующим фактором жизни белорусского общества, активно оказывает влияние на состояние социально-экономической, политической, военной, а также иных элементов национальной безопасности Республики Беларусь. Поэтому информационная безопасность получает более высокую значимость в общей системе обеспечения национальной безопасности страны.

Формирование и совершенствование законодательства в данной области на основе научного, системного и междисциплинарного теоретико-правового исследования, охватывающего как изучение новых вызовов и угроз, так и особенностей общественных отношений в информационной сфере, разработку и использование новых правовых документов, позволят повысить эффективность обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь.

Анализ законодательства Республики Беларусь в сфере информационной безопасности.

За последние десять лет в Республике Беларусь принималось немало серьезных мер по защите национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры от кибератак. К примеру, согласно Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174, вопросы обеспечения национальной безопасности в информационной сфере отнесены к числу важнейших задач, направленных на развитие информационного общества в Республике Беларусь [11].

Данное постановление, на наш взгляд, представляет собой не только политическую основу, но и является правовым началом для подготовки и уточнения уже существующих, а также разработки новых концептуальных, программных и иных нормативно-правовых документов, определяющих цели, задачи и направления деятельности органов государственного управления, принципы и механизмы их взаимодействия с субъектами хозяйствования и гражданами в сфере развития информационного общества в Республике Беларусь.

При разработке структуры системы законодательства в сфере информационной безопасности необходимо классифицировать правовые нормы, затрагивающие вопросы по обеспечению информационной безопасности, по отраслям законодательства. Примером могут являться нормы, относящиеся к ответственности за нарушение законодательства в рассматриваемой сфере.

Кодифицированные нормативно-правовые акты включают существенное количество правовых норм, затрагивающих различные вопросы по обеспечению информационной безопасности. Из них следует выделить Гражданский кодекс Республики Беларусь в части защиты конфиденциальной информации и различных видов тайн (ст. 140 определяет понятия служебной и коммерческой тайны), закрепления такой формы отношений, как информационные услуги, признания электронной подписи как средства, подтверждающего подлинность подписей сторон в сделках (ст. 161 и 733) [1].

Особое место среди нормативно-правовых актов в рассматриваемой нами области занимает Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК РБ), который определяет ответственность за незаконный сбор либо распространение информации о частной жизни (ст. 179), разглашение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений (ст. 203), отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 204), разглашение государственной тайны (ст. 373–375) и прочие преступления в данной сфере. Впервые в белорусском законодательстве отдельная глава УК РБ (гл. 31) посвящена преступлениям против информационной безопасности [2].

Налоговый кодекс Республики Беларусь (ст. 21, 81) [3] и Таможенный кодекс Республики Беларусь [4] (ст. 7, 11, 115, 334) также включают нормы, определяющие порядок защиты различных видов конфиденциальной информации.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [5] предусматривает ответственность за отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 9.6); несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 22.6); нарушение правил защиты информации (ст. 22.7); незаконную деятельность в области защиты информации (ст. 22.8); разглашение коммерческой или иной тайны (ст. 22.13); разглашение служебной тайны по неосторожности (ст. 22.15); нарушение правил оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 23.52).

Среди первостепенных нормативно-правовых актов об информационном обществе и информационной безопасности особое место принадлежит Законам Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» от 10 ноября 2008 года № 455-3 и «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» от 28 декабря 2009 г. № 113-3 [6; 7].

Большое значение в правовом регулировании обеспечения информационной безопасности имеют подзаконные нормативно-правовые акты – Указы Президента Республики Беларусь и постановления Совета Министров Республики Беларусь. Из них можно выделить следующие основные блоки: имеющие отношение к вопросам доступа граждан к информации; защите информации (в т. ч. технической защите); определению компетенции органов государственного управления в сфере защиты информации; международному сотрудничеству, включая государства-члены СНГ. Следующие нормативно-правовые акты осуществляют регулирование выделенных нами блоков: Указ Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 «Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Беларусь» [8]; Указ Президента Республики Беларусь от 6 апреля 1999 г. № 195 «О некоторых вопросах информатизации в Республике Беларусь» [9]; Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» [10]; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645 «О некоторых вопросах интернет-сайтов государственных органов и организаций и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11 февраля 2006 № 192» [12]; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2009 г. № 675 «О некоторых вопросах защиты информации» [13] и другие.

Таким образом, разносторонность информационных отношений позволяет сделать заключение о том, что система законодательства по обеспечению информационной безопасности включает нормы конституционного, административного, гражданского, уголовного, трудового и ряда других отраслей права [18, с. 96].

Анализируя проблемы систематизации законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности, в данной статье нами взято за основу использование системного подхода при рассмотрении всех вопросов развития и применения законодательства в исследуемой области, а не только в качестве формы по его совершенствованию.

Проведенный анализ принятых нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод о том, что правовая основа для регулирования общественных отношений в сфере информатизации в нашей стране в основном сформирована. Тем не менее, проведенный анализ также показывает, что информационное законодательство Республики Беларусь не охватывает всего сложившегося разнообразия информационных отношений, связанных с обеспечением информационной безопасности. Полученные результаты также позволяют сделать вывод о том, что структура законодательства во многом определяется следующими основными направлениями защиты объектов информационной сферы: защита информационных прав и свобод; защита интересов личности, общества и государства от воздействия вредной, опасной и недоброкачественной информации; защита информации, информационных ресурсов и информационных систем от неправомерного воздействия посторонних лиц.

Системный анализ действующего законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь позволяет сделать выводы о необходимости его упорядоче-

ния, выявления принципов реализации государственной политики и создания концепции правовых основ информационного общества. Наше заключение также состоит и в том, что действующее законодательство характеризуется декларативностью (например, в нормативно-правовых актах перечисляются более 30 видов тайн, а в кодексах отмечены всего четыре, за разглашение которых установлена соответствующая ответственность), противоречивостью и неурегулированностью многих ключевых вопросов.

Однако необходимо отметить, что в Республике Беларусь проводится активная работа по исключению противоречивых положений в законодательстве и его совершенствованию. К примеру, в Министерстве внутренних дел Республики Беларусь сформировано и активно функционирует особое подразделение по борьбе с киберпреступностью – по противодействию преступлениям в сфере высоких технологий. Министерство также активно участвует в разработке международных механизмов по предотвращению и профилактике киберпреступности. Соответствующие предложения успешно поддерживаются международным сообществом. В частности, делегация МВД в марте 2009 г. приняла участие в рабочем совещании ОБСЕ по всеобъемлющему подходу к повышению кибербезопасности (г. Вена, Австрия), в ходе которого особый акцент делегацией был сделан на необходимость присоединения государств-участников к Конвенции Совета Европы по кибербезопасности, подписание которой позволит выйти на более качественный уровень взаимодействия между ними [20].

Предложения по развитию законодательства Республики Беларусь в сфере информационной безопасности. Учитывая повышение роли и значения информационного права, необходимо, на наш взгляд, рассмотреть возможность выделения законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности в отдельную подотрасль информационного законодательства с учетом самостоятельности предмета и комплексности используемых методов правового регулирования. Можно выделить следующие основные направления по нормативно-правовому обеспечению информационной безопасности:

- защита интересов личности, общества и государства при использовании информационно-коммуникационных технологий и систем;
- защита информации;
- обеспечение устойчивого функционирования информационно-коммуникационных технологий и систем;
- открытость в осуществлении функций органов государственного управления и общественных организаций, предусматривающая информирование общества об их деятельности с учетом ограничений, определенных законодательством Республики Беларусь;
- правовое равенство всех участников информационного взаимодействия вне зависимости от их политического, социального и экономического статуса, основанное на конституционном праве граждан на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации любым доступным законным способом;
- развитие международного сотрудничества в сфере обеспечения информационной безопасности.

Мы считаем, что к правовым методам по обеспечению информационной безопасности Республики Беларусь можно отнести, прежде всего, логичное формирование нормативно-правовой базы, а также реализацию следующих наиболее важных направлений:

- внесение изменений и дополнений в законодательство Республики Беларусь, устранение внутренних противоречий, а также конкретизация правовых норм, определяющих ответственность за правонарушения в сфере информационной безопасности;
- разграничение полномочий в сфере обеспечения информационной безопасности между органами государственного управления и органами местного самоуправления, выявление целей, задач и механизмов участия общественных объединений, организаций и граждан в данной деятельности;
- разработка и утверждение нормативно-правовых актов, определяющих ответственность юридических и физических лиц за несанкционированный доступ к информации, ее незаконное копирование, модификацию и противоправное использование, применение в преступных целях служебной информации, содержащей коммерческую тайну, умышленное распространение недостоверной информации, незаконное раскрытие конфиденциальной информации;
- закрепление приоритета развития национальных телекоммуникационных сетей на законодательном уровне;

– определение статуса организаций, предоставляющих услуги доступа к глобальным информационно-телекоммуникационным сетям на территории Республики Беларусь, и осуществление правового регулирования отношений с ними;

– определение статуса инвесторов, осуществляющих финансирование проектов по развитию национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры Республики Беларусь;

– формирование правовой базы для создания в Республике Беларусь региональных структур по обеспечению информационной безопасности.

Полагаем, что в законодательстве Республики Беларусь необходимо утвердить правовой механизм по признанию вредоносным содержание информации в сети Интернет, установить обязанности провайдеров по удалению данной информации (к примеру, экстремистского и террористического толка) или блокированию доступа к ней.

На наш взгляд, также необходимо разработать нормативно-правовой акт, регулирующий общественные отношения в информационной сфере. Представляется, что разработка такого нормативно-правового акта необходима для выработки правовых основ в целях выполнения основных направлений Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь и имеющих отношение к социально-экономической, политической и культурной сферам жизни общества, оказания государственных услуг на основе использования информационно-телекоммуникационных технологий. Во всех сферах жизни общества обеспечение информационной безопасности должно иметь главное значение, т. к. обеспечение национальной безопасности в информационной сфере является именно тем принципом, который в соответствии со Стратегией должен определять и направлять развитие информационного общества в Республике Беларусь.

Необходимо также отразить следующие вопросы: субъекты и объекты; обеспечение информационной безопасности интересов личности, общества и государства; государственное регулирование в сфере обеспечения информационной безопасности; основные права и обязанности физических и юридических лиц; основные требования к защите информации; обеспечение конфиденциальности информации ограниченного доступа; ответственность за нарушение законодательства Республики Беларусь в сфере обеспечения информационной безопасности; обеспечение безопасности электронного документооборота; основы государственного учета информационных ресурсов и систем; обеспечение защиты информации от неправомерного доступа и прочих неправомерных действий.

Особое внимание необходимо уделять терминологии при подготовке подобных нормативно-правовых актов. К примеру, используемый термин «преступления против информационной безопасности», на наш взгляд, является достаточно узким. Он не охватывает широко распространенные атаки на Интернет-ресурсы [17, с. 57]. Предметом подобных атак обычно является не компьютерная информация, а сам интернет-ресурс, а их целью – парализация его работы. Например, при атаке системы интернет-банкинга кредитная организация-владелец будет нести серьезные убытки из-за потери возможности осуществлять банковские операции, в то время как сами «атакующие» никакой выгоды могут не получить. Очень часто подобные атаки осуществляются из хулиганских побуждений.

Иными словами, вопрос о терминологии в сфере компьютерных преступлений продолжает оставаться открытым. Стоит отметить, что это принципиальный вопрос, поскольку в зависимости от применяемой терминологии соответствующие правовые отношения могут наполняться различным содержанием [19, с. 73].

Вероятно, следует расширить предусмотренный в главе 31 УК РБ перечень составов преступлений и использовать в наименовании термин «киберпреступления». Однако вместо него можно также использовать его более адаптированную версию – «преступления в сфере безопасности обращения компьютерной информации». Предложенная формулировка также соответствует традиционным представлениям об объекте посягательства как сфере социальных отношений и трансформирует техническое содержание в общественную плоскость. Таким образом, если перечень преступлений в главе 31 УК РБ расширить, то использование термина «киберпреступления» могло быть оправданным.

Учитывая современные тенденции развития правового регулирования информационной безопасности, большое количество не всегда гармонизированных нормативно-правовых актов, име-

ющих отношение к информационной сфере, а также необходимость использования и внедрения в правовую практику специализированных и профильных международных норм, представляется оправданной разработка Основ законодательства Республики Беларусь об обеспечении информационной безопасности. Утверждение такого правового акта позволит использовать единый подход для развития и совершенствования данной сферы.

Кроме того, необходимо законодательно утвердить принципы по сбалансированности интересов личности, общества и государства, их взаимной ответственности и обеспечению единства информационного пространства [21, с. 138]. Следует и дальше использовать положения международных правовых актов в сфере обеспечения информационной безопасности, осуществлять унификацию законодательств государств-участников таких региональных сообществ, как СНГ, ЕврАзЭС, Союзное государство Беларуси и России и т. п., в связи с увеличением количества новых вызовов и угроз в информационной сфере, а также воздействия глобализации на определение национальной стратегии развития информационного общества.

Заключение. На сегодняшний день в Республике Беларусь сложились необходимые условия для перехода к информационному обществу. Очевидно, что одним из ключевых условий является формирование системы нормативно-правового регулирования отношений в сфере информационной безопасности. Однако будет справедливым также признать, что именно общественные отношения в информационной сфере являются импульсом, оказывающим влияние на развитие информационного законодательства в целом и его подотрасли – законодательства в сфере обеспечения информационной безопасности в частности.

Развитие законодательства Республики Беларусь в сфере обеспечения информационной безопасности должно основываться, главным образом, на соблюдении таких общеправовых принципов, как законность, справедливость, равенство, гуманизм, единство прав и обязанностей, межотраслевых принципов (например, неизбежности ответственности), а также таких отраслевых принципов, как соблюдение баланса интересов личности, общества и государства и их взаимной ответственности, интеграции в рамках международной информационной безопасности.

Особенность правового обеспечения информационной безопасности заключается в соблюдении принципа баланса интересов личности, общества и государства в информационной сфере. Данная особенность предполагает закрепление приоритета данных интересов в разных областях жизни общества на законодательном уровне, а также применение различных форм общественного контроля над деятельностью органов государственного управления. Обеспечение гарантий и соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в информационной сфере являются главной задачей государства в сфере обеспечения информационной безопасности.

Перечисленные направления правового обеспечения информационной безопасности в условиях появления новых вызовов и угроз должны осуществляться с применением современных методологических подходов к правовому регулированию во всех отраслях права.

По нашему мнению, использование предложенных рекомендаций позволит создать современную систему информационной безопасности в Республике Беларусь, которая сможет обеспечить сохранность государственных и иных тайн, защитить национальные информационные ресурсы и информационно-телекоммуникационную инфраструктуру от угроз информационного терроризма, воздействия информационного криминала и информационного оружия.

Литература

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?rn=hk9800218>. – Дата доступа : 10.02.2011.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=hk9900275>. – Дата доступа : 10.02.2011.
3. Налоговый кодекс Республики Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=hk0200166>. – Дата доступа : 10.02.2011.
4. Таможенный кодекс Республики Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=hk0700204>. – Дата доступа : 10.02.2011.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=hk0300194>. – Дата доступа : 12.02.2011.
6. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10 ноября 2008 г. №455-3 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=H10800455>. – Дата доступа : 14.02.2011.
7. Об электронном документе и электронной цифровой подписи : Закон Респ. Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-3 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=H10900113>. – Дата доступа : 14.02.2011.
8. Об утверждении концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=r30100390>. – Дата доступа : 11.02.2011.
9. О некоторых вопросах информатизации в Республике Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 6 апреля 1999 г. № 195 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 1999. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=P39900195>. – Дата доступа : 15.02.2011.
10. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет : Указ Президента Респ. Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=P31000060>. – Дата доступа : 15.02.2011.
11. Стратегия развития информационного общества в Республике Беларусь : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/webnpa/text.asp?RN=C21001174>. – Дата доступа : 10.02.2011.
12. О некоторых вопросах интернет-сайтов государственных органов и организаций и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 11 февраля 2006 № 192 : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 29 апреля 2010 г. № 645 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=C21000645>. – Дата доступа : 20.02.2011.
13. О некоторых вопросах защиты информации : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 26 мая 2009 г. № 675 // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://pravo.by/webnpa/text.asp?RN=C20900675>. – Дата доступа : 15.02.2011.
14. В а р а д а н я н, А. В., Н и к и т и н а, Е. В. Расследование преступлений в сфере высоких технологий и компьютерной информации / А. В. Варадanian, Е. В. Никитин. – М.: Изд-во «Юрлитин-форм», 2007.
15. Е л я к о в, А. Компьютерный терроризм / А. Еляков // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 10. – С. 102–105.
16. Ж у р а в л е в, Ю. А. Правовые основы информационной безопасности юридических лиц / Ю. А. Журавлев // Право и государство: теория и практика. – 2008. – № 7. – С. 81–86.
17. Л е п е х и н, А. Н. Расследование преступлений против информации информационной безопасности. Теоретико-правовые и прикладные аспекты / А. Н. Лепехин. – М.: Тесей, 2008. – 176 с.
18. М и н а е в, В. А., Ф и с у н, А. П. Правовое обеспечение информационной безопасности / В. А. Минаев, А. П. Фисун. – М.: Маросейка, 2008. – 368 с.
19. Р о д и ч е в, Ю. Информационная безопасность: Нормативно-правовые аспекты / Ю. Родичев. – СПб.: Питер, 2008. – 272 с.
20. Управление информации и общественных связей МВД Республики Беларусь // МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=39613>. – Дата доступа : 20.03.2011.
21. Ф и с у н, А. П., К а с и л о в, А. Н., Г л о б а и др. Право и информационная безопасность / А. П. Фисун [и др.]. – М.: Приор-издат, 2005. – 272 с.
22. Я к о в е н к о, А. А. Правовые основы безопасности информационного общества / А. А. Яковенко // Московский журнал международного права. – 2007. – № 1. – С. 66–72.

M. S. ABLAMEIKO, D. A. MARUSHKO

LEGISLATIVE MAINTENANCE OF INFORMATION SECURITY IN THE PROCESS OF INFORMATIONAL SOCIETY FORMATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Summary

Legislative basis of information society and information security in the Republic of Belarus have been analyzed in the article. Proposals directed to the development of national legislative system in this field have been given.

што ў адрозненне ад колькасці плацяжоў падлік рэальнага росту ВУП мае некаторую хібнасць. Аналіз тэмпаў росту двух паказчыкаў у дынаміцы, прадстаўлены на мал. 1, азначае, што агульны сямігадовы вынік не з'яўляецца выпадковым.

Сінхроннасць графікаў можа сведчыць аб наяўнасці ўзаемасувязі паміж эканамічным ростам і колькасцю плацежных аперацый у гаспадарчым абароце. Іншымі словамі, эканамічны рост можа суправаджацца адпаведным, магчыма, нават прапарцыянальным ростам колькасці плацежных аперацый, абумоўленым наяўнасцю ўстойлівых сувязяў у эканоміцы.

Паказчыкі валавога ўнутранага прадукту і плацежнага абароту ў Рэспубліцы Беларусь

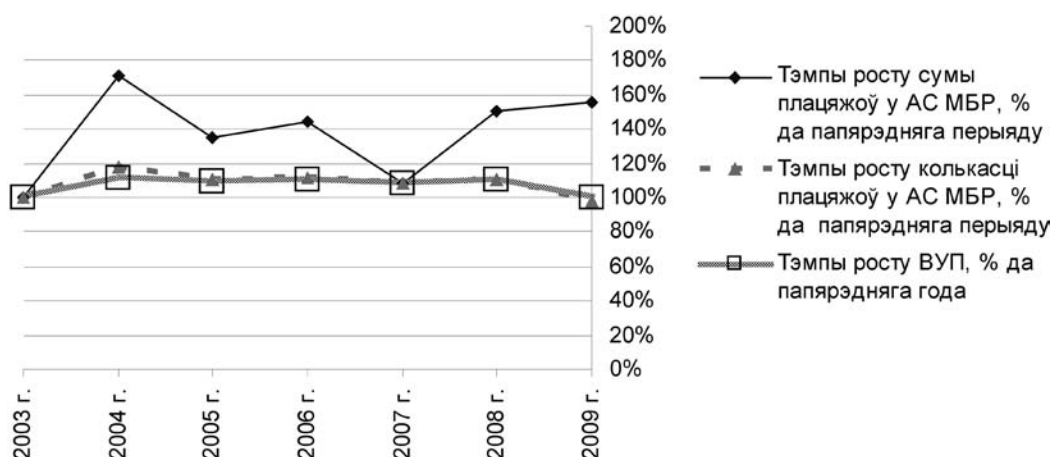
Год	ВУП, млрд руб.	ВУП, % да папярэдняга года (2003 за 100%)	Сума плацяжоў у АС МБР, млрд руб.	Колькасць плацяжоў у АС МБР, тыс. адз.
2003	36565	100	140 752,70	33 760,70
2004	49992	111,4	241 400,20	39 612,40
2005	65067	109,4	325 532,60	43 762,90
2006	79267	110	471 393,80	48 507,00
2007	97165	108,6	510 102,50	52 638,60
2008	129791	110,2	767 552,40	57 818,00
2009	136790	100,2	1 191 777,00	56 387,90
Усяго, разоў	3,74	1,61	8,47	1,67

Для праверкі адзначанага меркавання быў праведзены аналіз дынамікі квартальных даных эканамічнага росту і плацежнага абароту ў рэспубліцы, які наглядна прадстаўлены на мал. 2. Для характарыстыкі рэальнага эканамічнага росту выкарыстаны квартальныя даныя індэкса фізічнага аб'ёму ВУП у сярэднегадавых цэнах 2000 г. за перыяд 2003-2009 гг.

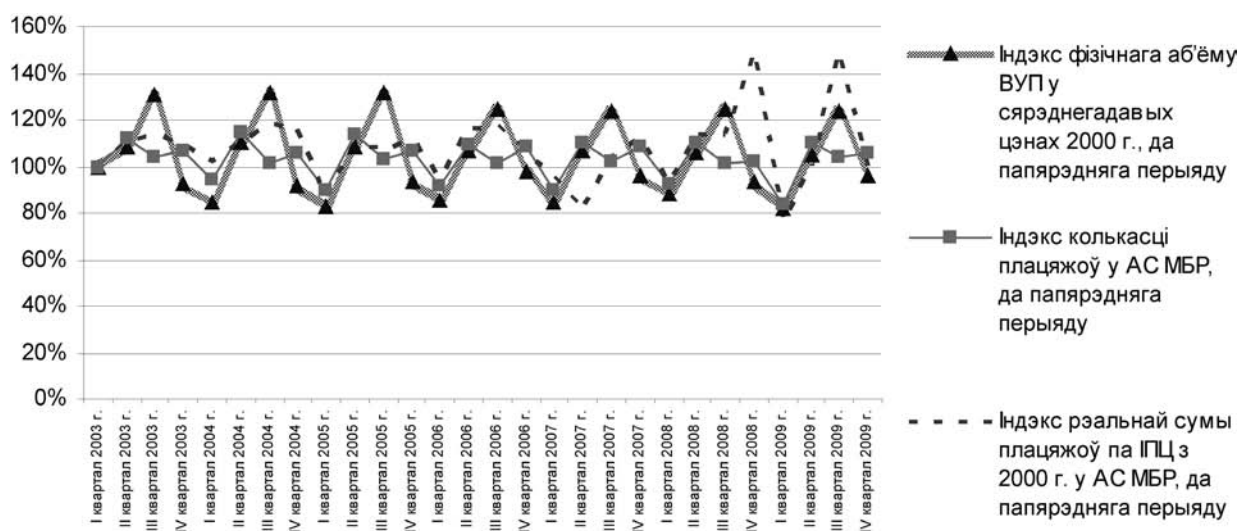
Рэальныя сумы плацяжоў разлічаны шляхам дэфліравання намінальных сумавых аб'ёмаў па індэксу спажывецкіх цэн у цэны 2000 г.

Можна заўважыць, што найбольшыя значэнні індэкса фізічнага аб'ёму ВУП прыпадаюць на трэція кварталы. Значэнні індэксаў плацежнага абароту па рэальнай суме і колькасці ў трэціх кварталах не адпавядаюць названай тэндэнцыі. Аднак пры дэталёвым разглядзе заўважаецца даволі ўпарадкаваная сіметрыя графікаў індэкса фізічнага аб'ёму ВУП і індэкса колькасці плацяжоў, нягледзячы на разыходжанні ў трэціх кварталах.

Графічная дынаміка рэальнай сумы плацяжоў мае больш хаатычную прыроду, а ў крызісны перыяд намінальныя і рэальныя аб'ёмы сумавога абароту дэманструюць экстрэмальна высокія значэнні ў параўнанні з эканамічнымі вынікамі. Так, пры зніжэнні тэмпаў росту эканомікі ў 2009 г. да 2% да ўзроўню 2008 г. намінальная сума плацежнага абароту за такі ж перыяд непрапарцыянальна вырасла больш чым напалову. Пры гэтым колькасць плацяжоў у сістэме міжбанкаўскіх разлікаў, у адпаведнасці з тэндэнцыяй эканамічнага росту 2009 г., скарацілася.



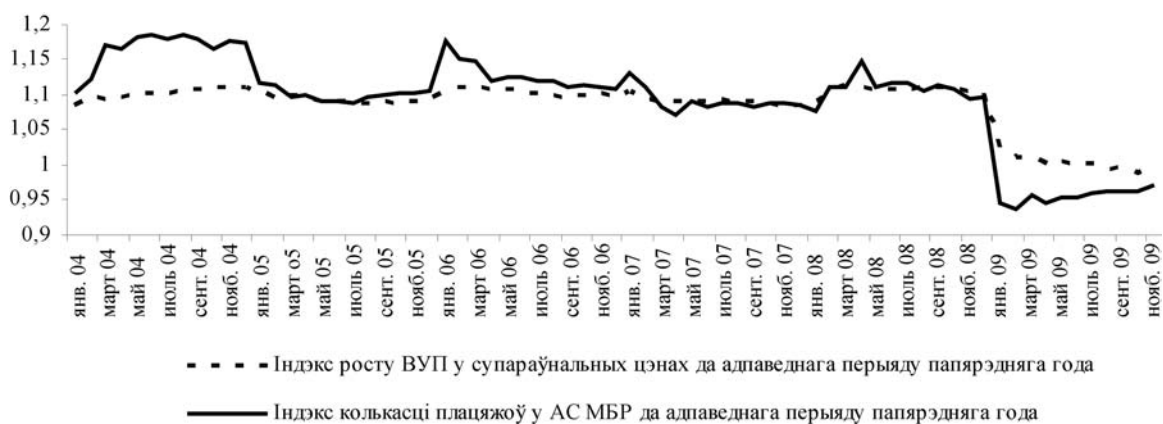
Мал. 1. Тэмпы росту ВУП, сумы і колькасці плацяжоў у АС МБР



Мал. 2. Дынаміка індэкса фізічнага аб'ёму ВУП, індэксаў колькасці і сумы плацяжоў у АС МБР

Адзначаныя заканамернасці ў квартальнай дынаміцы рэальнага росту эканомікі і колькасці плацяжоў у плацежнай сістэме пацвярджаюць высновы, зробленыя па гадавых даных, што колькасць плацяжоў можа з'яўляцца індэкатарам эканамічнай сітуацыі. Магчыма, што з-за мноства пастаянных сувязяў у эканоміцы, а таксама розных абмежаванняў рэальнага сектара ў адзінку часу эканамічны рост абумоўлены адпаведнай колькасцю адносна стабільных па памеры здзелак (партый). Сапраўды, фінансавыя вынікі гаспадарчых суб'ектаў у асноўным складаюцца з некай-рай колькасці аднатыпных аперацый. У сваю чаргу, колькасць плацежных аперацый у рэальным сектары пэўным чынам адпавядае колькасці здзелак у гаспадарчым абароце, а значыць, даволі ўпарадкаваная сувязь колькасці плацяжоў з рэальнымі тэмпамі росту эканомікі цалкам лагічная.

Вынікі карэляцыйнага аналізу квартальных даных індэкса фізічнага аб'ёму ВУП і індэкса колькасці плацяжоў сведчаць аб наяўнасці значнай сувязі паміж паказчыкамі са значэннем каэфіцыента карэляцыі 0,43. Пры гэтым анамальныя адрозненні (асінхроннасць графікаў) у дынаміцы двух паказчыкаў у трэціх кварталах відавочна скажаюць рэальную цесную сувязь, і, верагодна, звязаны з аднамомантным уключэннем у паказчыкі работы эканомікі вынікаў уборкі ўраджаю не прапарцыянальна колькасці здзелак. Гэта азначае, што пры элімінаванні прычын скажэнняў і ліквідацыі ўплыву сезоннасці карэляцыйная залежнасць двух паказчыкаў, верагодна, апынецца істотна вышэй прыведзенага значэння парнага каэфіцыента карэляцыі. Так, паводле ацэнкі залежнасці паміж двума паказчыкамі па месячных даных да адпаведнага перыяду папярэдняга года ў перыяд 2004–2009 гг. (мал. 3) карэляцыйныя залежнасць аказалася вельмі цеснай з каэфіцыентам карэляцыі 0,92.



Мал. 3. Дынаміка індэкса рэальнага ВУП і індэкса колькасці плацяжоў у АС МБР

Адносная стабільнасць памеру аднатыпных здзелак паміж эканамічнымі агентамі тлумачыцца наяўнасцю мноства абмежаванняў, такіх як транспартныя і складскія, абмежаванні гандлёвай сеткі, тэрміны вытворчасці і захоўвання прадукцыі, вытворчыя магутнасці, сезоннасць і г. д.

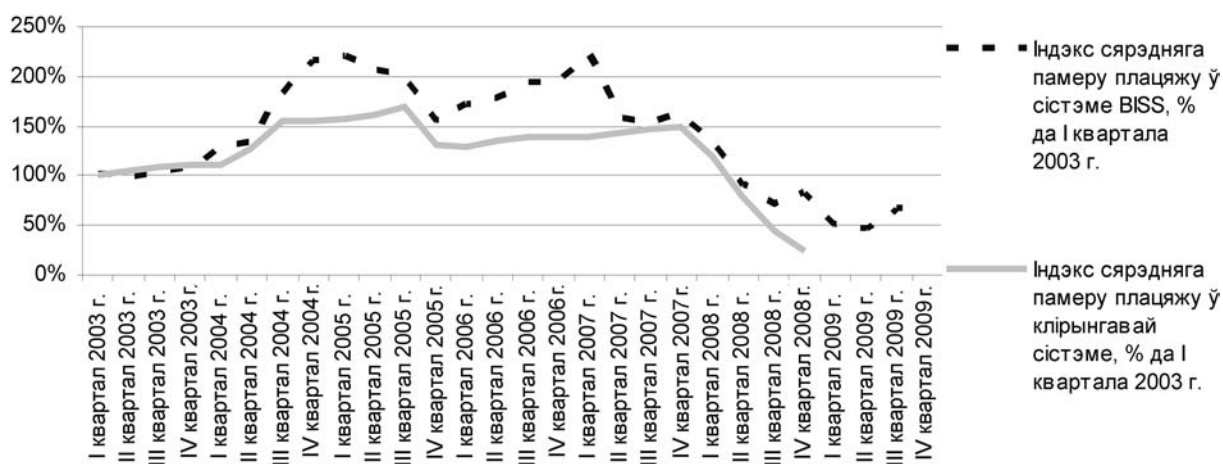
Чарговым аргументам дэтэрмінаванага росту колькаснай тэорыі плацежных аперацый з'яўляецца дынаміка сярэдняга памеру плацяжу ў перыядзе, які даследуецца. Мал. 4 дэманструе флуктуацыі сярэдніх памераў плацяжоў у сістэме міжбанкаўскіх разлікаў. У перыяд з 2003 па 2008 г. на графіку прадстаўлена дынаміка плацяжоў у сістэме BISS і клірынгавай сістэме.

У сістэме BISS (Belarus Interbank Settlement System) ажыццяўляліся разлікі па тэрміновых і буйных плацяжах на валавой аснове ў рэжыме рэальнага часу, катэгорыі якіх вызначаліся Нацыянальным банкам Рэспублікі Беларусь. У клірынгавай сістэме ажыццяўляліся нетэрміновыя і дробныя па суме плацяжы на чыстай аснове на працягу клірынгавых сеансаў. Пры гэтым структура плацяжоў ва ўказаным разрэзе на працягу ўсяго перыяду, які аналізуецца, выглядала наступным чынам.

Сума абароту ў сістэме BISS складала не менш за 90% ад агульнай сумы плацяжоў, а ў сувязі з падрыхтоўкай разлікаў у адной сістэме ў 2008 г. доля сумы абаротаў у клірынгавай сістэме практычна страціла значнасць (менш за 1%). Пры гэтым на фоне невялікай удзельнай вагі ў суме абароту доля колькасці іншых плацяжоў у агульным аб'ёме на працягу 2003-2007 гг. пераважала ў дыяпазоне 84,6–91,7%. З улікам меркавання аб некаторай адпаведнасці колькасці плацяжоў колькасці здзелак у эканоміцы можна зрабіць выснову, што ў грамадзянскім абароце рэспублікі пераважаюць дробныя аперацыі.

У 2008 г. па тых жа прычынах канвергенцыі плацежных сістэм за II, III і IV кварталы доля колькасці плацяжоў у сістэме BISS павялічылася да 31,7, 47,3 і 61,5% адпаведна. Пачынаючы з 2009 г., што адлюстравана на мал. 4, усе разлікі ажыццяўляюцца ў адной сістэме BISS, у якой праводзяцца разлікі па тэрміновых і нетэрміновых грашовых пераводах, як па ўласных плацяжах банка, так і па плацяжах, ініцыяваных яго кліентамі, а таксама па выніках клірыngu ў сумежных сістэмах (разлікова-клірынгавай сістэме па каштоўных паперах і сістэме разлікаў з выкарыстаннем банкаўскіх пластыкавых карт) [2].

З мал. 4 вынікае, што, нягледзячы на больш чым васьміразовае павелічэнне сумы плацежнага абароту, сярэдні памер дробных плацяжоў дасягаў максімальнага значэння ў 167% да ўзроўню I квартала 2003 г., а максімальныя ваганні сярэдняга памеру буйных і тэрміновых плацяжоў знаходзіліся ў межах 223%. Прычым відавочна адсутнасць яўнай тэндэнцыі павелічэння сярэдніх памераў плацяжоў, нягледзячы на вялікі прырост цэн і плацежнага абароту. Можна вылучыць тры асноўныя перыяды адноснай стабільнасці дыяпазонаў. Для клірынгавай сістэмы ў перыяд з I квартала 2003 г. па II квартал 2004 г. плаўны прырост паказчыка да 126%, у наступны перыяд – у дыяпазоне 156–167% па III квартал 2005 г., затым зніжэнне межаў інтэрвалу ў 131–148% да канца 2007 г., а на працягу 2008 г. – рэзкае зніжэнне паказчыка да 25% да ўзроўню I квартала 2003 г.



Мал. 4. Дынаміка сярэдняга памеру плацяжу ў АС МБР

Графік сярэдніх памераў плацяжоў у сістэме BISS больш дынамічны пачынаючы з III квартала 2004 г., калі межы інтэрвалу рэзка падняліся да 186–199%, наступная кропка – IV квартал 2005 г. – 155% з наступным ростам да максімальнага значэння ў 223% у I квартале 2007 г., далей зніжэнне калідора да 157–167% да канца 2007 г., а ў наступным годзе – рэзкае зніжэнне паказчыка да 71–91%. У 2009 г. дыяпазон ваганняў сярэдняга памеру плацяжу ў BISS склаў 50–63% да ўзроўню I квартала 2003 г.

У выніку праведзенага аналізу можна зрабіць наступныя высновы.

1. Выкарыстанне аб'ектыўнай ацэнкі стану і дынамікі эканамічнай сітуацыі можа істотна павысіць якасць і аператыўнасць эканамічнага рэгулявання, гарманізаваць узгодненасць мер агульнаэканамічнай і манетарнай палітыкі.

2. Грашовыя патокі (плацежны абарот), якія апасродкуюць рух рэсурсаў і фактараў у гаспадарчым абароце, павінны характарызаваць стан эканомікі, а інфармацыя пра іх, як правіла, увесь час даступная нацыянальным банкам.

3. Усталяваная залежнасць паміж тэмпамі эканамічнага росту і тэмпамі росту колькасці плацяжоў у сістэме міжбанкаўскіх разлікаў у Рэспубліцы Беларусь сведчыць, што індэкс колькасці плацежных аперацый можа выкарыстоўвацца ў якасці аб'ектыўнага манетарнага індикатара для бесперапыннага маніторынгу эканамічнай сітуацыі ў краіне.

4. На аснове атрыманага індикатара можа быць распрацавана эканаметрычная мадэль для аналізу і прагназавання макраэканамічных працэсаў.

5. Верагодна, што даследаванне шырокага спектру статыстыкі плацяжоў (грашовых патокаў) у разрэзе прызначэння, галіновай і фактарнай прыналежнасці дазволіць выявіць прыватныя залежнасці паміж галінамі і асобнымі фактарамі для вызначэння дысбалансаў, абмежаванняў і рэзерваў росту. Далейшае развіццё тэорыі грашовых патокаў і плацяжоў дасць магчымасць удасканаліць і пашырыць мадэльны апарат для макраэканамічнага рэгулявання.

Літаратура

1. Концепция развития платежной системы Республики Беларусь на 2010–2015 годы, утвержденная Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь 26.02.2010 № 29 // Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/payment/PaySysFramework.pdf>. – Дата доступа: 20.12.2010.

2. Инструкция «О порядке функционирования автоматизированной системы межбанковских расчетов Национального банка Республики Беларусь и проведения межбанковских расчетов в системе BISS», утвержденная Постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 26.06.2009 № 88 // Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.nbrb.by/payment/acts/pdf/I_88.pdf. – Дата доступа: 20.12.2010.

3. Бюллетень банковской статистики Национального банка Республики Беларусь (2004 – 2009 гг.) // Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/statistics/bulletin>. – Дата доступа: 10.01.2010.

4. Квартальные расчеты валового внутреннего продукта Республики Беларусь: стат. сб. // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2009.

V. U. KORAP

MONETARY INDICATOR OF THE BELARUSIAN ECONOMY STATUS

Summary

Effectiveness of economic policy in the country depends on timely and objective assessments of the status and dynamics of economic processes. Author proposed a monetary indicator for operational monitoring of the economic situation which based on the analysis of economic growth of Belarus and results of payments' transactions mediating the movement of resources and factors in the economy.

УДК 336.1/5+339

САБДЕН ОРАЗАЛЫ¹, А. Е. АРМЕНСКИЙ²ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАЛЮТ И ПЕРЕХОД
К РАВНОПРАВНОЙ ТОРГОВЛЕ¹Институт экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан,²Российская академия естественных наук

(Поступила в редакцию 07.06.2011)

Минуло уже больше года с того дня, когда руководители стран-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) поддержали предложение, высказанное Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, о введении в рамках ШОС *единой расчетной единицы*. Исполнение этого поручения от 16 июня 2009 года было возложено на финансовые ведомства стран-членов ШОС. Актуальность такого решения предопределена несовершенством нынешней мировой финансовой системы. Бывший британский премьер Гордон Браун заявлял о том, что «нынешняя мировая финансовая система нежизнеспособна». Это признание достаточно ярко проиллюстрировал «идеальный шторм», который повлек за собой гибель казавшихся непотопляемыми «финансовых судов» (например, Lehman Brothers). В таких условиях повышенная нервность финансовых и государственных «капитанов» вполне объяснима, ведь не только финансовые организации, институты и структуры, но и целые государства оказались подключены к аппарату искусственного кровообращения, именуемому «мировой финансовой системой». Становится явной необходимость ликвидации зависимости государственных организмов от исправности финансового механизма и избавления от смертельно опасной зависимости.

Перед проблемой такого масштаба политики, юристы, финансисты, экономисты, экологи будут бессильны до тех пор, пока не будут вооружены специальным научным инструментом, позволяющим сделать правильный выбор цели и стратегии ее достижения.

Нами предлагается подход, основанный на **законе сохранения мощности, или законе развития живых (открытых) систем** П. Г. Кузнецова, когда мощность на входе $N(t)$ равна полезной мощности $P(t)$ на выходе и мощности потерь $G(t)$.

Мы исходим из того, что каждая страна обладает определенной мощностью в виде имеющихся на ее территории залежей нефти, газа, торфа, руды и т. п., а также станций разного вида, вырабатывающих электроэнергию, и людского потенциала.

Экономика страны обычно рассчитывается по:

- доходам;
- расходам;
- добавленной стоимости.

Следовательно, экономика обычно рассчитывается по конечному продукту (выходу).

Применяя постулат, что все на земле производится с помощью энергии, можно рассчитывать экономику по входу, по тем материальным ресурсам, которые поступают на вход экономической системы.



Расчет экономики по входу и выходу

Потребление страной электроэнергии, топлива и пищи можно выразить в единицах мощности – гигаваттах. Можно легко продемонстрировать, что чем больше мощности у страны, тем лучше живут ее граждане.

Учитывая, что все, что имеет страна, связано с располагаемой ею мощностью, можно ввести такой показатель, как мощность, приходящаяся на одного жителя страны. Этот параметр, как будет показано ниже, эквивалентен доле ВВП (валового внутреннего продукта), приходящегося на душу населения страны.

Другой параметр, который используется для того, чтобы показать, насколько комфортно (благополучно) живет в стране, есть качество жизни. Качество жизни есть произведение ВВП, приходящегося на одного жителя страны, умноженного на среднюю продолжительность жизни. Этот параметр характеризует не только сколько средств заработает за всю жизнь житель страны, но и насколько комфортно жить в этой стране. Так, если будет нарушена экология, то качество жизни будет низким, несмотря на высокую долю ВВП/чел.

В качестве цели развития страны должен быть положен критерий увеличения полезной мощности. Для простоты в качестве цели мы можем рассматривать вхождение стран в пятерку высокоразвитых стран по такому параметру, как качество жизни. Качество жизни есть ВВП на душу населения, умноженное на среднюю продолжительность жизни. Если ВВП измерять в киловаттах на душу населения, то качество жизни будет определять мощность страны (полезную мощность), которую и необходимо увеличивать, как в дальнейшем будет показано, за счет создания инновационной экономики.

Для преодоления кризиса управления следует перейти с фальсифицируемого языка денег на единый язык мощности посредством единой меры (Вт), т. е. перейти к **физической экономике**.

Для того чтобы показать связь мощностей различных стран и стоимости национальных валют, примем постулат, что единица мощности (например, кВт) в различных странах мира может «стоять» разную величину в различных валютах мира, но кВт он и в Африке, и в Америке, и в Европе и Азии остается кВт. И может (и должен) использоваться для установления обменного курса валют.

Рассмотрим установление курсов валют для ЕС, России, Казахстана и США. Для любой другой страны мира установление курса валюты будет осуществляться подобным образом.

Современный подсчет ВВП в долларах является некорректным с точки зрения коэффициентов пересчета различных валют. Альтернативный метод расчета выполним следующим образом.

Для этого в табл. 1 представим следующие столбцы: страна, население, экономические возможности, столбец ВВП для Европы выразим в валюте Еврозоны, для США – в долларах, для России – в рублях, для Казахстана – в тенге) и добавим еще один, который будет выражать стоимость 0,1 Вт в национальной валюте. Для простоты рассмотрения возьмем интегрально Европу, США, Китай, Россию, Казахстан и Беларусь. Экономические возможности – это ВВП страны, выраженный в гигаваттах (ГВт).

Если рассчитывать ВВП на основе приведенных в табл. 1 курсов валют, то табл. 1 выглядела бы следующим образом (табл. 2).

Объем ВВП на душу населения при существующих курсах валют и при так называемой «свободной» торговле будет следующим (табл. 3).

Объем ВВП на душу населения при равноправных курсах валют и при равноправной торговле будет следующим (табл. 4).

Т а б л и ц а 1. Расчет экономических возможностей некоторых стран на 2009 г.

Страна	Население, млн чел	Экономические возможности, ГВт	ВВП в нац. валюте	Стоимость 0,1 Вт в нац. валюте
США	307,2	1091,4	14 260 млрд долл.	1, 31
ЕС	499,7	792,3	11 791 млрд евро	1,49
Китай	1 338,6	1115,5	33 535 млрд юаней	3,0
Россия	140,041	306,47	39 101 млрд руб.	12,7
Казахстан	15,4	29,13	15 887,8 млрд тенге	54,5
Беларусь	9, 648	11,15	136 790 млрд руб.	1226,8

Т а б л и ц а 2. Энергопотребление на единицу ВВП

Страна	Экономические возможности, ГВт	ВВП, млрд долл.	Энергопотребление на единицу ВВП (мВт/долл.)
США	1 091,4	14 260	76,5
ЕС	792,3	10 356,9	76,5
Китай	1 115,5	14 681,7	76,5
Россия	306,47	4 006,1	76,5
Казахстан	29,13	380,8	76,5
Беларусь	11,15	145,8	76,5

Т а б л и ц а 3. Объем ВВП на душу населения

Страна	Население, млн чел.	ВВП, млрд долл.	Объем ВВП на душу населения (долл. на чел.)
США	307,2	14 260	46 419,3
ЕС	499,7	16 240	32 499,5
Китай	1 338,6	4 909	3 667,3
Россия	140,041	1 255	8 961,6
Казахстан	15,4	109,3	7 097,4
Беларусь	9, 648	57,68	5 978,4

Т а б л и ц а 4. Объем ВВП на душу населения при равноправных курсах валют и при равноправной торговле

Страна	Население, млн чел.	ВВП, млрд долл.	Объем ВВП на душу населения (долл. на чел.)
США	307,2	14 260	46 419,3
ЕС	499,7	10 356,9	20 726,2
Китай	1 338,6	14 681,7	10 968,0
Россия	140,041	4 006,1	28 606,6
Казахстан	15,4	380,8	24 727,3
Беларусь	9, 648	145,8	15 111,9

Подобные расчеты можно провести по любой стране мира.

Алгоритм расчета равноправного (справедливого) курса «стоимости» любой национальной валюты мира выглядит следующим образом:

1) определяем мощность страны в Вт (через потребление электроэнергии, топлива и продуктов питания);

2) определяем Агрегат М2 («количество денег в экономике»);

3) задаем наполнение рубля, доллара, евро, тенге и т. д. в Вт. Например, 10 Вт = 1 руб./тенге.

Причем «суверенность» страны не ограничивается никакими обязательствами выпустить, например, X денег в экономике, а не Y. Но при торговых операциях между странами коэффициент пересчета валют будет связан с кВт. Это в некотором смысле возврат к тому, когда валюты имели реальное наполнение золотом, теперь это наполнение мощностью на основе закона сохранения мощности. Качественно-количественная определенность денежной единицы обеспечивается установлением фиксированной величины обеспечения (беспроцентного казначейского) валюты (10 руб./тенге = 1 Вт или 1 руб./тенге = 100 мВт). Эта простая мера избавит страну от инфляции и позволит упорядочить ее ценовую политику.

При условии, что в качестве эквивалента будет взята мощность, то нам необходимо будет рассчитать обеспеченность валют реальными активами, в качестве которых в нашем случае выступает мощность. Предполагается, что такой подход даст возможность перехода от свободной к равноправной торговле, поскольку в мировой практике свободная торговля носит, прежде всего, спекулятивный характер.

Величина денежной массы (М2) устанавливается соотношением величины совокупных возможностей страны к «золотому числу» $\Phi = 1,618033989...$. Подобным пропорционированием сохраняется присущая живой действительности непрерывность и единораздельная цельность

описываемых динамических процессов. Дело в том, что «пропорции, базирующиеся на золотом сечении, отличаются исключительно высокими эстетическими качествами и определяют наивысшую соразмерность между целым и его частями» [1, с. 27].

Для пояснения сказанного были произведены оценка необходимой денежной массы РФ и Казахстана и их сопоставление с фактическими данными, опираясь на величины обеспечения рубля. Поскольку в 2009 году совокупные возможности РФ = 306,47 ГВт, а Казахстана = 29,3 ГВт, постольку денежная масса М2 для России = 306,47 ГВт / Ф = 189,41 ГВт, для Казахстана = 18,11 ГВт. По данным Росстата, на конец 2009 года номинальная денежная масса М2 = 15 698 млрд руб., по данным Национального банка РК, для Казахстана денежная масса М2 = 7 386,5 млрд тенге. С учетом текущего уровня обеспечения рубля в ~8 мВт/руб., а тенге ~2 мВт/тенге мы оценили фактическую денежную массу в ~125,6 ГВт для России и в ~14,77 ГВт – для Казахстана. Соотнесение величин фактической денежной массы и необходимой денежной массы позволило нам определить степень обеспечения потребностей к концу 2009 года, которая составила ~66,31% для России и ~81,56% – для Казахстана. Оценка реальной денежной массы исчисляется производением номинальной денежной массы в национальной валюте и текущим обеспечением национальных валют. Результаты оценок денежной массы РФ и Казахстана представлены в табл. 6 и 7.

Представленные данные вскрывают суть тактики *управляемого денежного голода*. Он применяется хронократией и ее агентами для скрытного истощения страны и направления событий в выгодное для них русло. Мы видим, что оценки согласуются с утверждением Ш. Монтескье

Т а б л и ц а 5. **Обеспеченность национальных валют**

Страна	Экономические возможности стран, ГВт		ВВП, в нац. валютах	Стоимость 0,1 Вт в нац. валюте		Содержание объема мощности в 1 ед. нац. валюты, Вт
	1999 г.	2009 г.		2009 г.	1999 г.	2009 г.
США	1139,7	1091,4	14 260 млрд долл.	1,31	0,75	0,077
ЕС	711,47	792,3	11 791 млрд евро	1,49	1,33	0,067
Китай	–	1115,5	33 535 млрд юаней	3,0	–	0,033
Россия	302,55	306,47	39 101 млрд руб.	12,7	2,11	0,008
Казахстан	–	29,13	15 887,8 млрд тенге	54,5	–	0,002
Беларусь	–	11,15	136 790 млрд руб.	1226,8	–	0,00008

Т а б л и ц а 6. **Оценка денежной массы Российской Федерации**

Показатель	2009 г.
Совокупные возможности РФ, ГВт	~306,47
Необходимая денежная масса, ГВт	~189,41
Текущее обеспечение рубля, мВт/руб.	~8
Денежная масса (на конец года):	
– номинальная*, млрд руб.	~15 698
– реальная, ГВт	~125,6
Доля денежной массы, % от потребностей РФ	66,31

Т а б л и ц а 7. **Оценка денежной массы Казахстана**

Показатель	2009 г.
Совокупные возможности Казахстана, ГВт	~29,3
Необходимая денежная масса, ГВт	~18,11
Текущее обеспечение тенге, мВт/руб.	~2
Денежная масса (на конец года):	
– номинальная**, млрд тенге	~7 386,5
– реальная, ГВт	~14,77
Доля денежной массы, % от потребностей Казахстана	81,56

* По данным Центрального банка России.

** По данным Национального банка Республики Беларусь.

(1689–1755) о том, что «финансисты поддерживают государство, как веревка – висельника». Полагаем, что контроль денежной массы (M2) мог бы осуществляться правомочным правительственным органом на основании соответствующих статей Конституций стран.

Владение единой мерой позволяет не только отладить денежную систему, но и перейти к равноправной торговле, осуществляемой на основе государственного свода средней экспортной стоимости товаров, поскольку любая страна рассматривается в качестве торговой компании, о чем свидетельствует также принятая в настоящее время система показателей, характеризующих ту или иную страну. Торговый оборот страны определяется объемом продаж товаров и услуг на внутреннем и внешнем рынках, оперирующих текуще-временными ценами. Если так называемый «мировой рынок» часто уподобляют казино, то страны-торговцы предстают игроками в этом казино. В переводе с итальянского слово *casino* означает хаос. Неудивительно, что участь стран-игроков в значительной мере зависит от хаотично меняющихся «мировых цен».

К сожалению, ценность (потребительная стоимость) самого товара сейчас фактически не учитывается. Например, простые оценки показывают, что оплата экспорта российской и казахстанской нефти по номинальным «мировым ценам» в 2010 году составила лишь 7% от ее реальной стоимости. Следовательно, оброк с добывающих стран-игроков на нефтяном поле превысил в 2010 году 90% от реальной стоимости нефти. Вполне очевидно, что если государства не перестанут следовать в фарватере «мировых цен» и не перейдут к осмысленному регулированию стоимости экспортируемой продукции, то провал их экономик будет неизбежен. В данном контексте прослеживается явное воздействие мировых цен на методы управления государством.

Проблема управления «государственными организмами» актуальна и в связи с выявленной мощнейшей силой влияния финансовой системы на «государственные организмы» и ее нежизнеспособностью в ныне существующей форме. С началом процессов глобализации доктрина управления разрабатывается в рамках международных организаций – Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Организация экономического сотрудничества и развития.

Начиная с конца 1980-х годов экономисты Всемирного банка и Международный валютный фонд используют такое понятие, как «глобальное управление». Это выражение регулярно употребляется в отчетах, адресованных политикам, занятым разработкой стратегий борьбы с бедностью и коррупцией в странах третьего мира. На самом же деле речь идет о том, чтобы побудить правительства к соблюдению принципов либеральной макроэкономики – т. е. приватизации общественных служб, сужению государственного контроля, дерегуляции рынка труда, сокращению социальных бюджетов, учету перспективы «длительного развития» и т. д. В конечном счете Всемирный банк и МВФ навязывают всем странам без исключения свои правила управления экономикой. И наконец, есть идея формирования мирового управления, результат которого покажет время.

Что касается наших стран, то до тех пор, пока нет ясности, чего они хотят добиться и достичь, нет и не может быть согласия в целях и средствах экономического и социального развития. Высокоразвитые государства отличаются высоким уровнем энергопотребления на душу населения и низкой энергоемкостью ВВП, а страны с более низкими доходами на душу населения имеют высокую энергоемкость ВВП.

Отсталость развивающихся стран выражается не столько в отсутствии каких-либо технологий или производств, что есть лишь следствие, сколько в неразвитости системы образования, убогой финансовой системе, отсутствии предпринимательства, неосвоенности территорий и т. п. И все это – продукт неэффективности государства и пережитков административной экономики. Речь идет о том, что в регионах стиль и методы управления не соответствуют требованиям рыночной экономики. Это отражается, прежде всего, на эффективности национальной экономики, ее конкурентоспособности.

Экономическая подоплека отсутствия модернизации в наших странах, как и в любой другой стране, чрезвычайно проста – это длительный дефицит инвестирования в рост и развитие страны. Можно развивать бизнес, создавая новое в собственной стране, а можно создавать капитал, выколачивая прибыль, с целью последующего переезда владельца капитала и самого капитала в другие страны. В бизнесе должно поощряться инвестирование в свою собственную страну. Вывоз капитала из страны должен стимулироваться только тогда, когда богатая элита внесет су-

щественный вклад для внутреннего развития страны. Иначе этот капитал, мягко говоря, нужно экспроприировать.

Экономическая история XX века изобилует примерами «экономического чуда». Россия тоже была лидером в темпах промышленного развития в 1900–1910 годах. В период с 1950 по 1975 год вдохновляющими примерами являлись ФРГ и Япония. С момента окончания энергетического кризиса в 1970-х годах и по 1990 год пример подавали США. В 1980–1995 годах высоких темпов экономического развития достигли Тайвань, Южная Корея и Китай.

С распадом Советского Союза возникшие новые государства начали поиск путей восстановления экономики, что вылилось в тиражирование той или иной модели, хотя в каждом случае условия и методы были разными.

Провал монетаризма как в России, так и в Казахстане заставил многих политиков обратиться к опыту Китая, который доказал, что в условиях однопартийного коммунистического руководства возможны интенсивное рыночное развитие, конкуренция производителей и 10–15-процентный ежегодный рост ВВП в течение двадцати лет. Вместе с тем не стоит забывать, что до сих пор Китай по среднедушевому уровню ВВП еще сильно отстает и от России, и от Казахстана, а китайские реформы начались из-за того, что в Китае был голод.

Ныне большинство предпринимателей указывают на следующие недостатки экономик как России, так и Казахстана: высокие налоги, долларизация экономики, дефицит квалифицированных кадров, искаженная структура цен, отсутствие эффективных механизмов государственного инвестирования, отсутствие стимулов к инновационной деятельности.

Кроме того, к этому списку проблем стоит добавить, что наибольшее влияние на экономический рост оказывает способ потребления – частный или общественный. При этом общественная форма потребления порождает одновременно два негативных явления – падение экономического роста и коррупцию.

С 1991 года и Россия, и Казахстан – в основном «сырьевой проект». Наши финансовые системы построены так, чтобы эмиссия банкнот осуществлялась не исходя из потребностей развития экономик, а в основном под поступление иностранной валюты, что автоматически относит их в ряд третьесортных развивающихся государств. Поэтому, на наш взгляд, реформирование финансовой системы – необходимость, обязательность!

Конечно же, процесс реформирования мировой финансовой системы достаточно сложен и многогранен. Понятно, что не все страны захотят изменения сложившегося положения, включая США, страны Запада и другие. Ясно также и то, что данный процесс требует тщательной подготовки, внимательных расчетов и поэтапной реализации. Не секрет, что развитые мировые экономики изъявляют желание принять решение отнюдь не в пользу развивающихся «сырьевых придатков». Поэтому сейчас нам необходимо вплотную заняться этой задачей. Что же касается валюты, то основные требования должны заключаться в ее привязанности не к одному определенному товару. Надо, чтобы эта валюта содержала по своей сути силу, мощь. Кроме того, в качестве такой валюты не должна быть принята валюта какой-либо страны, чтобы отойти от соблазна возникновения главенствующего, господствующего в мировой экономике государства, по желанию которого могут случаться кризисы или войны.

Литература

1. Черняев, А. Ф. Золото Древней Руси. Русская матрица – основа золотых пропорций / А. Ф. Черняев. – М.: Белые альвы, 1998.

SABDEN ORAZALY, A.E. ARMENSKIY

NATIONAL CURRENCY RESERVES AND TRANSITION TO EQUAL RIGHTS IN THE TRADE

Summary

Process of the world financial system reformation is enough complicated and many-sided one. It demands the careful preparation as well as attentive calculations and step-by-step realization.

Main requirements to the currency have to consist in the connection with not only one kind of the production. It is necessary that currency would be powerful by its essence. Besides in the capacity of such currency it could not to be adopted the currency of any one country because in that case there is a temptation to arise the leadership of this country in the world economy. In such a way this country could make crisis or war by its will.

ГІСТОРЫЯ

УДК 94 (476)(36)–912.43:93/99 «9/13»

С. П. ВИТЯЗЬ¹, В. И. КУЛАКОВ²**«КАМЕННЫЕ» ГОРОДИЩА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**¹Институт истории НАН Беларуси²Институт археологии РАН

(Поступила в редакцию 20.06.2011)

В статье разрабатывается один из источниковедческих аспектов истории раннего средневековья региона лесной полосы Восточной Европы: впервые выполнено региональное обобщение и дана принципиальная характеристика особого типа археологических памятников – т. н. «каменных» городищ (укреплённых поселений с каменной вымосткой внешней стороны вала). Полученные данные послужат основой для изучения и раскрытия новых сторон исторического развития средневекового общества в регионе, включая Верхнее Понеманье на территории Беларуси.

Городища периода раннего средневековья – историческое явление особого рода, ёмкое и разноплановое. Этот тип поселений позволяет оценить многие факторы – этнические, демографические, экономические, политические и др., значимые для реконструкции процессов социальных преобразований. Роль городищ в источниковедческом контексте особо важна для региона восточноевропейской лесной полосы, где свидетельства письменных источников крайне скудны или вовсе отсутствуют. В этом плане городища – один из немногих источников объективной информации о жизни местных обществ, о направлениях, содержании и динамике их модификаций в предгосударственный и раннегосударственный период. К настоящему времени городища региона Восточной Европы периода раннего средневековья достаточно полно и разносторонне систематизированы и описаны в специальных трудах ряда исследователей. Ф. Д. Гуревич, В. И. Довженко, Я. Г. Зверуго, А. В. Куза, В. И. Кулаков, П. Куликаускас, М. П. Кучера, Ю. Ю. Моргунов, Т. Н. Никольская, П. А. Раппопорт, В. В. Седов, Б. А. Тимошук и др. обобщили ареальные данные и выделили предметные характеристики городищ (формально-типологическая, территориально-географическая, конструктивно-топографическая, социально-историческая, хронологическая, функциональная и др.). Результирующим этносоциальным вектором изучения городищ в регионе выделяется преобразование восточнославянского родообщинного сообщества в Древнерусское государство. Такой подход в методологическом плане был оправдан на этапе осмысления сущностных параметров Древней Руси.

Следующим этапом реконструкции логично выделить проблемы взаимодействий – центра и периферии, внутренних центров влияния, а также внешних центров и воздействий (включая иноэтничные). В этом случае значимость приобретают детали, которые не вписывались в статистические параметры общего славяно-русского направления. В их числе – специфический конструктивный приём возведения городища: укрепление каменной вымосткой внешней стороны вала. Следует отметить, что использование камней в оформлении городищ – приём достаточно распространённый. Он имеет целый ряд модификаций: каменные вымостки на площадке городища (известны варианты – вымостка определенной области площадки (центральная часть; группа отдельных «пятен» по площадке; окраина возле вала; опоры, контуры или площадки построек; определённые зоны внутри построек), каменные конструкции внутри и снаружи вала, вымостка внутренней поверхности рва и т. д. Учёт этих приёмов не всегда позволяет выполнить

однозначную этническую идентификацию объектов, однако исследователями отмечается общая распространённость конструктивных особенностей такого рода для балтских племён. Вместе с тем, облицовка камнем внутренней стороны вала городищ характерна для славян Волыни [1, с. 132].

Известен также приём каменной вымостки внешней стороны вала. Он получил довольно целостную оценку исследователей и соотносится с западнобалтским населением, преимущественно – пруссами и ятвягами [2, с. 379, 408; 3, с. 12; 4, с. 313; 5, с. 418; 6, с. 112; 7]. Такой приём не является естественным (прямо обусловленным окружающим ландшафтом) для региона лесной полосы Восточной Европы. Соответственно, распространение такого приёма связывается не с сырьевыми (геологическими) причинами, а определяется основаниями иного рода – утилитарно-конструктивными, а также идеологическими, мировоззренческими. Так, например, общеизвестна традиция укладки западными балтами каменных вымосток над погребальными сооружениями. Очевидно, обсуждаемый приём является утвердившимся на протяжении многих поколений методом усиления фортификационных качеств городищ (защита склона от осыпания), применявшимся сугубо традиционно, «по завету предков».

Наличие каменной вымостки внешней стороны вала отмечается в западнобалтской среде, в единичных примерах, в 1-й половине I тысячелетия н. э. В период раннего средневековья эта традиция возобновилась уже в достаточно массовом проявлении. Специфика раннего средневековья (как периода, предвещающего радикальные социальные перемены в регионе) указывает на актуальность изучения всех осязаемых проявлений общественной жизни и особо – коллективных действий и нововведений. Городища в данном контексте – серьёзный индикатор соответствующих тенденций и направлений, что является значимым для изучения и реконструкции социальных модификаций обществ региона лесной полосы Восточной Европы.

КАТАЛОГ: городища с каменной облицовкой внешнего склона вала.

(Описание: № п/п: 1 – наименование, местоположение, 2 – исследователи памятника, 3 – формальное описание, 4 – сведения о каменных вымостках внешнего склона вала, 5 – хронология (относится к городищу в целом, либо там, где сведения детализированы авторами раскопок, соответствует именно периоду возведения и использования каменной вымостки). Индексы городищ – см. карту.)

РОССИЯ (Калининградская область).

P1 1) Меденау (Логвино-2), Зеленоградский р-н.

2) Открыл и обследовал Г. Кроме (1939); исследовали Ф. Д. Гуревич (1949), В. И. Кулаков (1985).

3) Городище расположено на возвышенности, между руслами двух ручьёв (с востока и запада от площадки – русла образуют крутые склоны). Площадка овальная, 160×60 м, с севера и юга укреплена валами, высотой 3 м (с юга также ров глубиной 1 м), с востока – фрагментарно сохранившийся вал высотой 0,5 м [2, с. 436; 8, с. 52].

4) «При зачистке обнажений (южного. – *С В., В. К.*) вала на глубине 40–50 см обнаружено скопление *булыжных камней* диаметром до 40 см» [2, с. 436].

5) VIII–XIII вв. [8, с. 52].

P2 1) Линкен (Кошевое), Гурьевский р-н.

2) Открыл и обследовал В. И. Кулаков (1984 г.).

3) Городище расположено на высоком берегу р. Низовка. Включает две площадки овальной формы – цитадель 20×10 м, и к западу – посад 50×31 м, с подрезанными склонами, по периметру укреплены валом высотой до 2 м и рвом глубиной до 4 м. Со стороны, противоположной реке, расположены ещё два вала высотой до 3 м со рвом между ними [8, с. 39].

4) На поверхности валов отмечены *камни панциря* [3, с. 49; 9].

5) IX–XIII вв. [8, с. 39; 9].

P3 1) Галлкемен (Невское), Нестеровский р-н.

2) Открыл Г. Кроме (1937), обследовал В. И. Кулаков (1986).

3) Городище расположено на берегу ручья (высота над долиной 16 м). Площадка формы вытянутой трапеции 40×12 м; со стороны, противоположной ручью, укреплена валом высотой 4 м и рвом глубиной 0,5 м [8, с. 68].

4) «На внешнем склоне вала в обнажениях грунта видны *валуны каменного панциря*» [8, с. 68; 10].

5) IX–XIII вв. [8, с. 68; 10].

Р4 1) Поленен (Куликово), Зеленоградский р-н.

2) Открыл и выполнил раскопки К. Энгель (1931), обследовал В. И. Кулаков, (1975), выполняла раскопки М. Е. Смирнова (1987).

3) Городище расположено на берегу ручья (высота над долиной 7 м). Площадка полукруглой формы 32×22 м; со стороны, противоположной ручью, укреплена валом высотой 2 м [8, с. 50].

4) «Верхняя часть заполнения вала состояла из золистых прослоек с отдельными *камнями*» [3, с. 51], «в массиве вала вскрыты *каменные конструкции*» [8, с. 50; 11].

5) IX–XIII вв. [8, с. 50].

Р5 1) Краам (Пильберг, Грачёвка), Зеленоградский р-н.

2) Открыл и обследовал И. М. Гизэ (1826), обследовали К. Бекхерн (1890), Г. Кроме (1940), проводила раскопки Ф. Д. Гуревич (1950, 1951).

3) Городище расположено на мысу, в устье двух ручьёв, включает две площадки под-овальной формы – западную (длиной 80 м, высота над долиной 14 м) и восточную (длиной 20 м, высота над долиной 7–8 м), шириной по 40 м, разделенные рвом глубиной 4 м. Западная площадка защищена с запада валом высотой до 3 м, рвом глубиной 4–5 м и двумя валами высотой 2–4 м, и с востока – валом высотой 1 м [8, с. 47]; северная и южная стороны площадки круто подрезаны, валов не имеют. Восточная площадка укреплена кольцевым валом высотой до 2 м [2, с. 420; 8, с. 47].

4) «При разрезе вала в северо-восточной части мысовой (восточной. – С. В., В. К.) площадки... обнаружено *три слоя булыжных камней*, лежащих на глубине от 40 см до 1,6 м. Каждый из слоёв присыпан песком... *Камни*, находящиеся внутри вала имеют преимущественно небольшие размеры, в то время как отдельно лежащие *булыжники* довольно крупные. В валу... был найден *валун* 1,5 м длиной» [2, с. 362]. «...участок вала, вскрытый с западной стороны площадки... (здесь. – С. В., В. К.) был обнаружен лишь *один слой камней* – довольно крупных булыжников, лежащих... на глубине до 80 см. Над *камнями* была песчаная насыпь...» [2, с. 429]. «На второй (западной. – С. В., В. К.) площадке Грачёвки также обнаружены *булыжные камни*, относящиеся к внутренней конструкции вала» [2, с. 362].

5) IX–XIV вв. [2, с. 420–432; 8, с. 47].

Р6 1) Кайютэн (Тэксельн, Смирново), Озерский р-н.

2) Открыл и обследовал К. Кэзвурм (1873), обследовали Г. Кроме (1940) и В. И. Кулаков (1986).

3) Городище расположено на берегу ручья (высота над долиной 20 м). Площадка под-овальной формы 40×23 м; со стороны, противоположной ручью, укреплена валом высотой до 3 м и рвом глубиной до 0,5 м [8, с. 74; 12].

4) «В обнажениях бортов траншеи (прорезка вала в Новое время) видны перекрытые грунтом *камни*, составляющие основной массив вала» [12, с. 131].

5) IX–XIII вв. [8, с. 74; 10].

Р7 1) Пильцен (Дубровка), Багратионовский р-н.

2) Открыл и обследовал А. Беценбергер (1896).

3) –

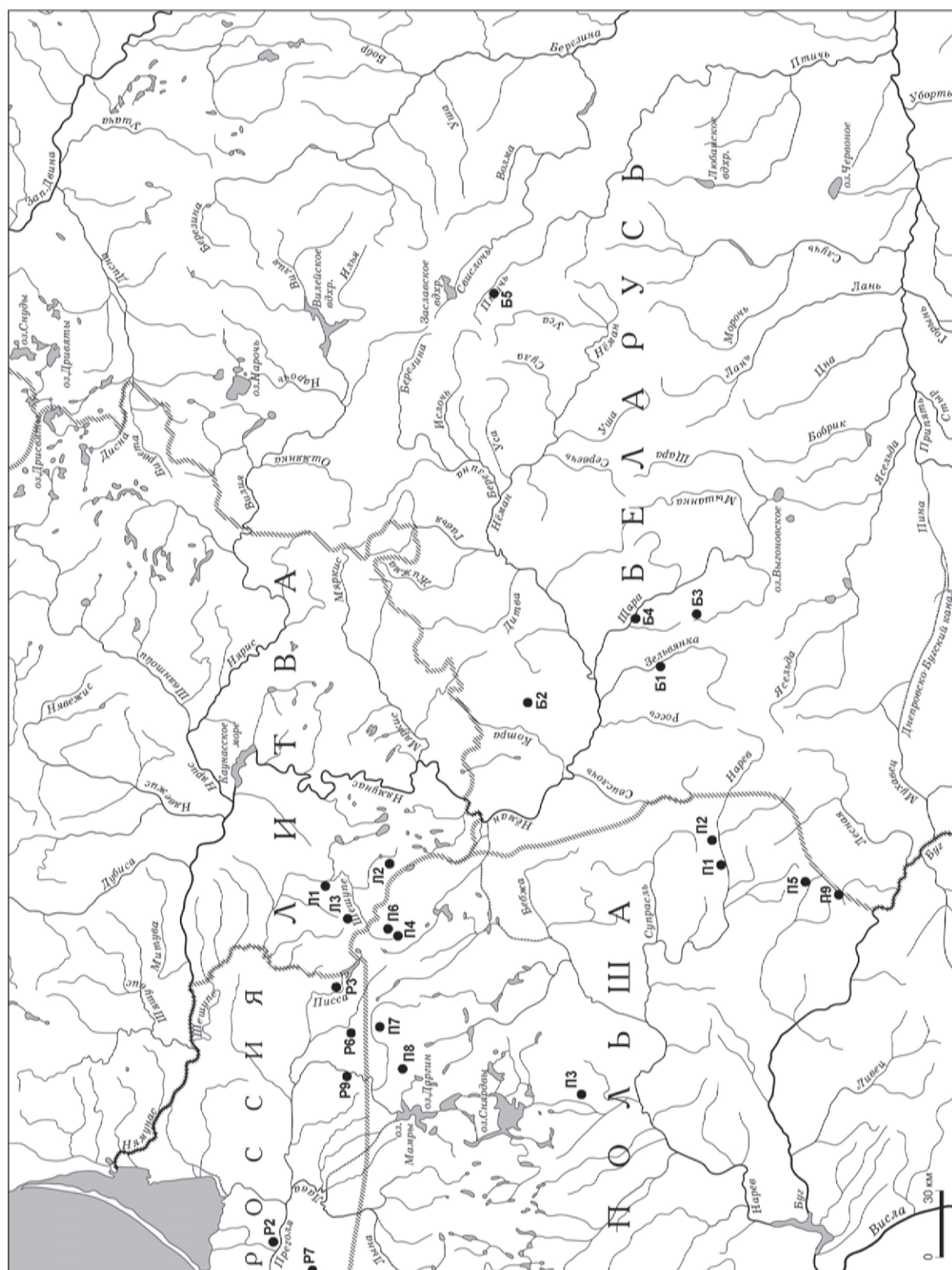
4) В шурфе (1896 г.) в южной части внутреннего вала на глубине 1,5 м была обнаружена *каменная кладка*, под и над которой на глубине 1 м выявлены куски древесного угля (от сгоревших деревянных конструкций ?) [13, с. 158–159].

5) X в. [13, с. 159].

Р8 1) Компенен (Цигенберг, Нивы), Зеленоградский р-н.

2) Открыл и обследовал Г. Кроме (1939), обследовали Ф. Д. Гуревич (1949), В. И. Кулаков (1976).

3) Городище расположено на возвышенности (высота над долиной 12 м). Площадка под-овальной формы 58×46 м, с подрезанными склонами; окружена валом высотой до 2 м, рвом глубиной до 7 м, и вторым валом высотой до 3 м [2, с. 445–446; 8, с. 53].



Распространение «каменных» городищ в IX–XIII вв. (не показан п-в Самбия, с городищами Р1, 4, 5, 8, 10, 11, 12)

4) По всему периметру внутреннего вала в обнажениях грунта прослеживаются *булыжные камни* диаметром до 0,4 м [14].

5) IX–XIII вв. [8, с. 53; 14].

Р9 1) Камантен (Климовка), Озерский р-н.

2) Открыл и обследовал местный крестьянин в сер. XIX в., обследовали К. Кэзвурм (1873), В. И. Кулаков (1976).

3) Городище расположено на берегу реки Анграпа (высота над долиной 12 м). Площадка формы вытянутой трапеции 75×30 м, с подрезанными склонами; со стороны, противоположной ручью, укреплен двумя валами, высотой 2 и 4 м и рвом глубиной 0,5 м [8, с. 72].

4) На внутреннем валу обнаружены *камни* [14].

5) XI–XIII вв. [8, с. 72; 14].

Р10 1) Покальштайн (Богатое), Зеленоградский р-н.

2) Открыл и обследовал Г. Кроме (1940), обследовала Ф. Д. Гуревич (1950).

3) Городище расположено на холме (высота над долиной 8 м) на берегу озера. Площадка округлой формы, диаметром 35 м, с подрезанными склонами; укреплен кольцевым валом высотой до 2 м [2, с. 364, 432].

4) «Зачистка обнажений на валу позволила установить, что под дерновым слоем была песчаная насыпь, в которой лежали отдельные *булыжники* диаметром 30–40 см. Камни прослеживались на глубину до 80 см» [2, с. 432]. Камни составляют не менее трёх слоёв.

5) XIII в. ? [2, с. 432].

Р11 1) Таплаккен (Пушкино), Гвардейский р-н.

2) Открыл и обследовал В. И. Кулаков (1988).

3) Городище расположено на мысу (высота над долиной 15 м) у р. Глубокая. Площадка квадратной формы 25×25 м, с подрезанными склонами; со стороны, противоположной реке, укреплен П-образным валом высотой до 3 м, поперечная часть которого также очерчена рвом глубиной до 3 м [8, с. 33].

4) «В обнажениях северной части вала видны *камни панциря*» [15].

5) XIII в. [8, с. 33; 15].

Р12 1) Гермау (Грос Хаузерберг, Русское-2), Зеленоградский р-н.

2) Открыл и обследовал И. М. Гизэ (1826), выполняли раскопки Ф. Д. Гуревич (1950), В. И. Кулаков (1975).

3) Городище расположено на холме (высота над долиной 19 м). Площадка под-овальной формы 120×50 м, с подрезанными склонами; укреплен валом высотой до 3 м рвом глубиной до 2 м, за которым расположен другой вал, спиральной формы (2 витка) высотой до 3 м. Между внутренним и спиральным валами имеется участок дополнительного вала выс. до 3 м и с противоположной стороны, снаружи спирального – участок двух дополнительных валов высотой до 7 м (внутренний) и до 2 м (внешний), разделённые рвом глубиной 1 м [2, с. 361, 445; 8, с. 56–57].

4) «В шурфе (у края площадки. – С. В., В. К.)... почти сразу под дёрном... чёрная пережженная земля, отдельные обожженные *камни* и угли...» [2, с. 445], «зачистка обнажения внутреннего вала... свидетельствует о единовременном процессе сооружения вала в этой его части из супеси, перекрытой *слоем мелких камней*» [8, с. 56–57], «в обнажениях вала прослежена его структура – основная масса вала, насыпанная из супеси, перекрытая *слоем камней*» [3, с. 55].

5) XI–XIII вв. [8, с. 56–57].

ПОЛЬША:

П1 1) Заячки (Кожаны, Замчиско, Олтаж Плитня), д. Косьцельны, гм. Юхновец Косьцельны, Сувалкское вв.

2) Открыл и обследовал В. Ф. Покровский (1895), обследовали И. и А. Каминьские (1956), выполняли раскопки Д. Краснодембский и П. Брафорд (1990–1991).

3) Городище расположено на продолговатом холме 200×50 м на берегу р. Крайня, в бассейне р. Нарев. Площадка округлая, диаметром около 30 м. Укрепления – вал (ширина 4–5 м, высота 0,2 м) по периметру, с внешней стороны вала – ров (ширина 5–6 м, глубина 0,4–1 м) [16, с. 67].

4) «...обнаружены остатки земляного вала, обложенного *камнями*» [16, s. 67], «...внешняя часть вала, вероятно, была дополнительно обложена *цельными камнями*» [16, s. 76]. «На внутренней поверхности рва отложился... грунт... очевидно в результате сползания части вала... Среднюю часть заполнения составляла чёрная глинистая земля с мелкими фрагментами древесного угля. Содержала она множество *целых камней* размером 20–25 см и немного меньших, частично пережжённых и прокаленных» [17, s. 60]. «Вероятно, из конструкции вала происходят... *камни*, обнаруженные в нижней части рва...» [17, s. 61].

5) X / XI–XI вв. [17, s. 76–77].

П2 1) Пашковщина, д. Косьцельны, гм. Орла, Сувалкское вв.

2) Открыл и обследовал М. Краснодембский (1997).

3) Городище расположено на возвышенности в устье р. Белой и безымянного ручья, в бассейне р. Нарев. Площадка округлая, диаметром 35–40 м. Укрепления – 2 вала по периметру (высота до 2 м, расстояние между валами около 15 м), и 2 рва (первый – снаружи первого вала, глубина 1,2 м, второй – снаружи второго вала, глубина 1 м) [16, s. 67].

4) «... (первый. – С. В., В. К.) вал... имел конструкцию деревянно-земляную, укрепленную брёвнами... с уложенной снаружи *каменной облицовкой*» [16, s. 67].

5) к. XI – 1-я пол. XII в. [16, s. 67].

П3 1) Трушки Залессе (Окоп), д. Трушки Залессе, гм. Колно, Сувалкское вв.

2) Открыла и выполняла раскопки Е. Марчак (1984–1985, 2001–2005).

3) Городище расположено на холме на берегу р. Винцента, в бассейне р. Писа. Площадка округлая, диаметром около 90 м. Укрепления – вал по периметру (ширина 15 м, высота до 4 м), и 2 рва (первый – внутри вала, ширина 1,5 м, глубина 0,5 м) [18, s. 96].

4) «... вал... имел конструкцию деревянно-земляную, укрепленную *плащём из камней*» [18, s. 96].

5) нач. X–XI / XII в. [18, s. 97–98].

П4 1) Шурпилы (Замчиско, Замковая Гора), д. Шурпилы, гм. Еленево, Сувалкское вв.

2) Впервые отмечено в 1569 г. в Реестре озёр местного лесничества; обследовали А. Полуяньский (1859), А. Будзинский (1871), А. Киркор (1872), Р. Якимович (1935), О. Клееманн (1941), Т. Журовский (1962), выполнял раскопки Е. Окулич (1982–1986).

3) Городище расположено на холме (Замковая Гора) между пяти разномерных озёр (Шурпилы (затока Чарне), Кличиско, Егловечек, Егловек, Келай). Площадка четырёхсторонняя, размером около 50×50 м. Укрепления – два кольцевых вала (первый по периметру площадки, другой на середине высоты холма, высотой около 1 м) [19, s. 254–255; 20, s. 59–63; 21], третий вал частичный; ров (участок между двумя озёрами); цепочка сторожевых холмов с башнями [21, s. 144–145].

4) «... наружный вал (второй. – С. В., В. К.)... покрыт *камнями*» [19, s. 254; 20, s. 59–63]. «Поверхность холма ниже вала (второго. – С. В., В. К.) выложена *валунами*» [21, s. 144]. «... **высокий каменный вал** (третий. – С. В., В. К.)... между затокой Чарне и озером Егловек...» [21, s. 145].

5) IX / X–XIII вв. [21, s. 143–145; 22, s. 77].

П5 1) Красная Весть, гм. Боцьки, Сувалкское вв.

2) Обследовали К. Мусянович (1960), Е. Тышкевич (1974), выполнял раскопки М. Краснодембский (1997, 2005).

3) Городище расположено на возвышенности в болотистой долине р. Нурец. Площадка округлая диаметром 75 м; со стороны, противоположной реке, укреплена валом высотой до 2 м и рвом снаружи [16, s. 67–68].

4) «... с наружной стороны вал был сооружён из земли и, очевидно, обложен *камнями*» [16, s. 68].

5) к. XII / н. XIII в. – 1-я пол. XIII в. [16, s. 68].

П6 1) Еглинец, гм. Шыплишки, Сувалкское вв.

2) Обследовали А. Лавринович (1784), А. Полуяньский (1859), Й. Витек (1937), М. Качиньский (1955), выполняла раскопки Г. Ивановска (1984–1992).

3) Городище расположено на возвышенности, на краю болотистой долины (высота над долиной около 20 м). Площадка овальная, размерами 40×20 м; состоит из двух частей (северной и южной), лежащих на разных уровнях (разница до 2 м), разделённых невысоким внутренним валом. Городище укреплено кольцевым валом (высотой около 7 м с юга и с севера) [23, s. 378–379].

4) «В сравнении с городищем Шурпилы эта крепость может быть оценена, как второ-, или даже третьеразрядная, однако она (тоже) является *pile*, или насыпью литовской и лишь стенами и валами каменными на ту похожа» [24, s. 145], «...(этого) городища... защищённого мощными крутыми валами, укреплёнными камнями» [23, s. 379]. «Есть несколько признаков того, что крепость... использовалась как убежище: её защищенное местоположение, мощные, *отделанные камнями валы...*» [25, s. 92].

5) X–XIII вв. [22, s. 77].

П7 1) Ростек (Кониково), гм. Голдап, Сувалкское вв.

2) Обследовали И. М. Гизз (1828), Г. Буяк (1879), выполняли раскопки Т. Барановский (1973–1974), В. Бжезинский (1986), М. Энгель (1998, 2005).

3) Городище (площадка овальная, размерами 45×25 м) расположено на возвышенности (Замковая Гора, Шведский Шанец), одной стороной примыкает к оврагу (глубиной 40 м), с трёх других сторон укреплено валом (сохранились участки высотой от 1 до 4 м) [19, s. 215; 26, s. 511; 27, s. 372–373].

4) «... обследован фрагмент вала со следами *каменно-глиняно-земляной* конструкции (*три слоя каменного плаща*)» [26, s. 511].

5) XI–XIV вв. [22, s. 77; 27, s. 372].

П8 1) Гродзишко (Хайденберг, Шлоссберг), гм. Бане Мазурске, Сувалкское вв.

2) Впервые описал К. Хенненбергер (1576), обследовали К. Хельвиг (нач. XVIII в.), Г. Буяк (1879), Ф. Бёнигк (1880), Э. Холлак (1908), выполнял раскопки Т. Барановский (1973–1974).

3) Городище (округлая площадка около 2 га) расположено на возвышенности с крутыми склонами (высота над долиной около 30 м); одна его доступная сторона (северо-западная) укреплена валом [19, s. 216–217; 26, s. 510–515].

4) «... в валу выявлены остатки двух фаз укреплений. Первая (ранняя, 1-я пол. I тыс. н. э. – С. В., В. К.) – с глиняным ядром и деревянными укреплениями... другая (поздняя. – С. В., В. К.) – с более широким и высоким валом из *двух слоёв каменного плаща*» [26, s. 514].

5) XI–XIII вв. [22, s. 77; 26, s. 515].

П9 1) Клуковичи, гм. Нурец Стаця, Сувалкское вв.

2) Открыли и обследовали З. Кобылинский и М. Краснодембский (1993), выполнял раскопки М. Краснодембский (1997, 2005).

3) Городище расположено на возвышенности у р. Пульва. Площадка овальная 140×110 м; окружена кольцевыми тремя валами и тремя рвами [16, s. 66].

4) «... в одном из валов обнаружена *каменная вымостка*, укрепляющая земляную конструкцию» [16, s. 66].

5) X в. [16, s. 74].

БЕЛАРУСЬ:

Б1 1) Збочно (Езерница, Городище), ур. Городище, Слонимский р-н, Гродненская обл.

2) Открыл и обследовал Е. Михайловский (1892), обследовали Ф. Д. Гуревич (1955), П. А. Раппопорт (1959), В. Р. Супрун (1963), Я. Г. Зверуго (1970), выполняли раскопки С. А. Пивоварчик и А. А. Добрян (1995, 1997–1998).

3) Городище расположено на берегу реки Оковка, в заболоченной (кроме востока) пойме. Площадка – округлая 60×45 м (высота над долиной 8–10 м). Укрепления – 2 вала (внутренний вал шириной 18 м, высотой 2 м над площадкой), и ров (непосредственно снаружи внутреннего вала, ширина 7–20 м, глубина более 1 м), на расстоянии 10–25 м от внутреннего вала, за рвом – внешний вал (шириной 13 м, высотой 2,5–3 м, общим диаметром 115 м, с севера, со стороны реки, частично отсутствует) [28; 29].

4) «Валы самого городища, начиная от рвов, сплошь сделаны из *крупного булыжника*, покрытого землёю... Площадь городища... неровная... усыпанная во многих местах камнями... Крестьяне, устраивая ямы для хранения на зиму картофеля, как на площади, так и... у валов... почти везде находили дерево, горшки грубой ручной отделки, иногда с орнаментировкою, массу *булыжника...*» [30, с. 172–173]. Ф. В. Покровский повторил описания Е. Михайловского в сокращённом виде, а Ф. Д. Гуревич кратко отметила их, упомянув присутствие камней. Специально эту особенность Ф. Д. Гуревич, П. А. Раппопорт, В. Р. Супрун и др. авторы в своих публикациях не характе-

ризовали. П. А. Раппопорт в служебном отчете указал, что, по его мнению, насыпь вала состояла из песка с примесью гальки. Я. Г. Зверуго существенно уточнил это положение: «На самом деле *камни* покрывают собой только склоны валов, да и то лишь в немногих местах. Что же касается самой насыпи, то она состоит из песка и гравия» [31, с. 92]. С. А. Пивоварчик: «Насыпь внутреннего вала (включала) пласт... глины с гравием толщиной 0,4–0,6 м по всей поверхности вала... В середине вала на первоначальной поверхности зафиксирована линза серого песка с небольшими вкраплениями угля. Рядом с линзой с двух её сторон расчищено большое количество *каменной преимущественно среднего размера*. Одиночные *камни* встречались также в насыпи вала на различных уровнях... *камни средних и больших размеров* зафиксированы также на дне рва» [32, с. 394]. Различие в количественной оценке каменных вымоствок Е. Михайловского, Я. Г. Зверуго и С. А. Пивоварчика могло быть вызвано тем, что за прошедшее столетие камни частично были извлечены и использованы местными жителями для хозяйственных целей.

5) XII–XIII вв. Это хронологическое определение, выполненное Ф. Д. Гуревич и поддержанное Я. Г. Зверуго, стало энциклопедическим [29; 31, с. 92; 33, с. 217]. Следует в этом отношении отметить важные детали, зафиксированные в конце XIX в. Е. Михайловским: «Отвалив на кургане (у подножия городища. – С. В., В. К.) груды *каменных*... обнаружил костяки, посуду, дерево... на северо-востоке, за рвами городища... до четырёх курганов овальной и другой формы... при снятии верхнего слоя *каменных* на его (кургана. – С. В., В. К.) середине... обнаружилось два человеческих скелета лицами к востоку...» [30, с. 173]. Судя по приведенному описанию, это – поздние курганы ятвягов. Именно с XI в. кремация в курганах ятвягов уступила место ингумации, а с конца XI в. сами каменные курганы сменились каменными могилами [34; 35]. Очевидно, есть основания скорректировать нижнюю границу городища – XI в.

XI–XIII вв.

Б2 1) Кульбачино, Щучинский р-н, Гродненская обл.

2) Открыл и обследовал В. В. Седов (1968), обследовал М. А. Ткачев (1975), выполнял раскопки С. А. Пивоварчик (1989–1990).

3) Городище расположено на склоне берега р. Остринка, у ее устья с р. Котра. Площадка овальная, 70×55 м. Укрепления – вал (с запада высота 1,5–2 м, с других сторон 3–3,5 м), ров (с севера, шириной 3,5–4 м) [36].

4) «Ядро вала из глины, внешний склон был вымощен *камнем*... Вал был насыпан одновременно с налаживанием жизни на городище, в конце X – начале XI в. и имел деревянные укрепления» [36].

5) X / XI–XIII вв. [36].

Б3 1) Милькановичи (Соколово), Слонимский р-н, Гродненская обл.

2) Открыл и обследовал Е. Михайловский (1892). Раскопки не проводились.

3) Городище расположено на возвышенности (высота над долиной 6–8 м). Площадка округлая, диаметром 20 м. Укрепления – вал (кольцевой, высота 2–6 м над площадкой), ров (с юга, шириной до 4 м).

4) «Заметно, что валы сделаны из *крупного булыжника*, присыпанного землёю...» [30, с. 176]. Значимые дополнения того же автора: «... в поле (у городища. – С. В., В. К.) насыпь-курган, уложенная грудой *каменных*... (в ней. – С. В., В. К.) вырыта яма до материка... при снятии *больших верхних камней* ... встретился с теми же *каменьями*, плотно уложенными во всю означенную глубину, один на другом и пересыпанными землёю... найдено лишь два кусочка угля и осколок глиняной посуды... за д. Кокошицы (с другой стороны городища. – С. В., В. К.) – ур. Курганы... там курган, форма как бы квадратная, на нём – груды *каменных*...» [30, с. 177–178]. Это описание памятника позже воспроизвёл Ф. В. Покровский [37, с. 34–35].

5) Хронологическое определение памятника не выполнялось. Можно отметить его определённое ситуативное и конструктивное сходство с близко расположенным городищем Збочно. Вместе с тем, упомянутые признаки кремации в соседствующем каменном кургане (очевидно, ятвяжском) указывают на вероятно более ранний срок возведения городища: предположительно, в период X–XI вв.

Б4 1) Яново (Ягначи), Зельвенский р-н, Гродненская обл.

2) Открыл и обследовал Е. Михайловский (1892), обследовала Ф. Д. Гуревич (1955). Полномасштабные раскопки не проводились.

3) Городище расположено на мысу (высота над долиной 8–11 м) у реки Щара. Площадка овальная, 50×25 м. Укрепления (четверть площадки, с юга, с напольной стороны) – вал (высота до 2 м) и ров перед ним.

4) «... встречались пережжённые *камни*, уголь» [30, с. 170]. «... при зачистке траншей и на склонах выделяется культурный слой... В нём встречаются обожжённые *камни*...» [28, с. 238].

5) IX–X вв. [1, с. 81; 33, с. 220].

Б5 1) Городище (Городище на Менке, Строчицкое городище), Минский р-н, Минская обл.

2) Обследовали П. М. Шпилевский (сер. XIX в.), А. Рынейский (1930), А. Н. Лявданский и А. Д. Коваленя (1935), В. Р. Тарасенко (1945–1951), выполняли раскопки А. Г. Митрофанов (1954), Э. М. Загорульский (1963–1964, 1967–1968), М. А. Ткачёв (1968, 1970), Г. В. Штыхов (1976–1983), Ю. А. Заяц (1991).

3) Городище расположено на мысу (высота над долиной около 5 м) реки Менка и ручья Дунай. Городище сложное, состоит из двух площадок: малая, мысовая, под-треугольной формы (16×80 м); и большая, под-квадратной формы (110×80 м), состоящая из двух частей, лежащих на разных уровнях (разница 8–9 м). Городище окружено валом (высота 8–12 м), большая и малая площадки разделены небольшим внутренним валом; большая площадка дополнительно укреплена с напольной стороны внешним рвом [38, с. 30–55; 39; 40, с. 182–188].

4) «Что Городище это было когда-нибудь городом... доказательством служат древние монеты и железные орудия, находимые часто в этом месте внутри... *каменистой* горы...» [41, с. 238]. *Каменную облицовку* внешней стороны вала большой площадки выделяли А. Г. Митрофанов (раскоп 2) [38, с. 55], Э. М. Загорульский (раскоп 6) [38, с. 51–52, рис. 16-II], М. А. Ткачёв (южная часть вала, однако указана не внешняя, а внутренняя облицовка вала (ошибочно?)) [42, с. 194–195, рис. 1], Г. В. Штыхов (раскоп 14) [40, с. 184–186; 43]: «Для облицовки вала с внешней стороны частично применялся *камень*» [40, с. 186; 43].

5) X / XI – нач. XI в. [40, с. 186–188; 42, с. 195–196].

ЛИТВА:

Л1 1) Кумелёнис, Капсукский р-н.

2) Обследовал П. Тарасенка (1928), выполняли раскопки В. Даугудис и А. Мярквичюс (1968).

3) Городище расположено на возвышении на берегу реки Шяшупе. Площадка овальная, с напольной стороны укреплена валом (высота 4,5 м, ширина у основания 15 м) и рвом (глубина 1,3 м, ширина 6 м) [5, с. 418; 6, с. 109; 44, р. 95–96].

4) «Разрез вала показал, что он состоял из глины, скреплённой положенными вдоль и поперёк брёвнами и *камнями*... С внешней стороны склон вала был вымощен *камнями*, что характерно для ятвяжских городищ» [5, с. 418].

5) X–XI вв. [5, с. 418; 6, с. 109; 44, р. 96].

Л2 1) Рудамина (Замчиско, Шведские Окопы), Лаздийский р-н.

2) Обследовали А. Осипович (1867), Ю. Радзюкинас (1909), П. Тарасенка (1928), выполняли раскопки Р. Куликаускасене и П. Куликаускас (1965).

3) Городище расположено на холме в болотистой долине. Площадка овальная 60×83 м, укреплена рвом и валом (высота 2–3 м) [5, с. 418; 6, с. 110].

4) «... высокий холм, увенчанный валом, сооружённым из *камня*...» [19, с. 246], «... вал... сооружён... из земли, *камней* и дерева...» [45, с. 98]. Внешняя поверхность вала вымощена *камнями* [45, раv. 7].

5) X–XIV вв. [5, с. 418; 6, с. 110].

Л3 1) Пилякальняй, Вилкавишский р-н.

2) Обследовали А. Осипович (1867), П. Тарасенка (1928), выполнял раскопки П. Куликаускас (1961).

3) Городище расположено на берегу (высота над долиной 8–11 м) реки Айста. Площадка треугольная, 50×25 м, укреплена валом (высота до 2 м). С западной стороны городища, у его подножия, расположен форбург, укреплённый валом (высота до 2 м) [5, с. 418; 6, с. 111; 44, р. 79–80; 46].

4) «... по западному краю площадки проходит мощный оборонительный вал, внешний склон которого очень крут и *вымощен камнями*...» [4, с. 308; 5, с. 418; 6, с. 109]. «Склон западной части вала был *вымощен камнями*...» [47, с. 161]. «Форбург окружён валом, сооружённым из земли и *камней*» [4, с. 310]. Поверхность вала форбурга вымощена *камнями* [45, раv. 6].

5) XII–XIV вв. [5, с. 418; 6, с. 111; 45, с. 160; 47, с. 161].

Обобщение приведенных материалов о городищах с каменной вымосткой внешней стороны вала позволяет сделать некоторые предварительные оценки. Так, на территориях четырёх государств (Россия, Польша, Беларусь, Литва) известно 29 таких городищ (см. карту). Из них половина (14 ед.) лежит в племенных ареалах расселения пруссов («земли» Самбия (7 ед.: P1, 2, 4, 5, 8, 10, 12), Надровия (6 ед.: P3, 6, 9, 11; П7, 8), Натангия (1 ед.: P7)); 5 ед. – в традиционном ареале ятвягов (П4, 6; Л1, 2, 3); 4 ед. – в ареале ятвягов, который ранее считался дискуссионным (Б1, 2, 3, 4); 6 ед. – в пограничных территориях славяно-западнобалтских контактов (П1, 2, 3, 5, 9; Б5).

Следует подчеркнуть хронологию этих городищ: они устойчиво существовали в период IX–XIII вв. в регионе Самбии и пограничном ареале Надровии и Ятвигии. Остальные ареалы их размещения отличались переменчивостью структуры распространения и меньшими периодами бытования отдельных городищ.

Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что традиция возведения «каменных» городищ сформировалась в среде древних пруссов, с эпицентром на п-ве Самбия. Зародившись там, скорее всего, в VIII в., традиция в IX в. укрепились в этом ареале и распространилась на юго-восток, в область ятвягов. В X в. эти тенденции получили развитие, отмечено дальнейшее продвижение на юг, к границам славян. В XI в. это положение стабилизировалось и несколько укрепились, включая импульс в юго-восточном направлении. В XII в. общее состояние сохранилось, однако юго-восточное направление ослабло. В XIII в. ослабло и южное направление. В целом бытование городищ имело достаточно устойчивый территориальный и хронологический характер (период более полтысячелетия).

Этническое определение исследователей городищ, в основном, отвечает вышеприведенным: городища (P1–12) считаются прусскими [2; 3; 7; 8], (П4, 6, 7, 8, Л1–3) – ятвяжскими [4–6; 22; 44–46]. Городища (Б1–5) традиционно относили к восточным славянам, дреговичам [1; 29; 31; 32; 36; 38; 42], однако сегодня обосновывается их принадлежность ятвягам [48]. Городища (П1, 2, 5, 9) полагают славянскими [16–17], что является дискуссионным положением, т. к. западно-славянские погребальные памятники в их окрестностях (верховья рек Нурец, Нарев) появились лишь к концу XI в., в то время как восточнославянские памятники ещё не достигли этих земель [49; 50]. Расположенный в одном пограничном балто-славянском ареале с этими городищами пункт (П3) автор раскопок Е. Марчак оценивает как прусский административный и торговый центр [18], что полностью вписывается в обсуждаемую концепцию.

Конструктивное оформление «каменных» городищ достаточно разнообразно. Все городища располагаются на естественных возвышениях, как правило, возле водных объектов – рек, ручьёв, озёр, заболоченных участков. Форма площадки обычно овальная, реже округлая, изредка имеет форму трапеции, квадрата, треугольника, полукруга. Встречаются случаи сложной площадки (из 2–3 частей). Площадь городищ варьируется в широких пределах (от 300 до 10 000 кв. м). Укрепления эффективно сочетаются с рельефом местности. Как правило, они включают кольцевой вал вокруг площадки, однако встречаются и частичные, незамкнутые валы. Склоны городища нередко подрезаны. Дополнительные укрепления могут включать один или несколько дополнительных валов различных конфигураций, на различных дистанциях, а также чередующиеся с валами рвы. Каменный панцирь обычно покрывает внешний склон основного вала, но изредка встречается и вымостка дополнительных валов. Обсуждение иных особенностей городищ (деревянные укрепления, инфраструктура поселения) выходит за рамки данной статьи.

Функциональное предназначение городищ, в большинстве, определялось как общинное убежище, место проживания (P1–4, 6–9, 11; П2, 6–9; Л1–3) [6, с. 111; 16, с. 67; 31, с. 93; 51, с. 53]. Также выделяются: военное укрепление (P11) [8, с. 33], место сбора ополчения (P12) [8, с. 57], сторожевой пункт (П1; Б2) [16, с. 74; 36; 51, с. 76], дружинный лагерь – охрана торговых путей (Б1–4; П5) [16, с. 74; 48, с. 224], торгово-хозяйственный и политический центр (П3, Б5) [18, с. 97–98; 40, с. 191–192; 48, с. 222–223], административный центр (P5, П4) [8, с. 47; 21, с. 46].

Можно сделать вывод, что «каменные» городища в раннем средневековье созданы носителями прусских этнокультурных традиций и проявляют западно-балтское влияние в регионе лесной полосы Восточной Европы. При этом они отражают и акцентированное социальное воздействие, включая административную организацию округа и поддержку межрегиональных торговых отношений.

Литература

1. Раппопорт, П. А. Военное зодчество западно-русских земель X–XIV вв.: Материалы и исследования по археологии СССР. – № 140 / П. А. Раппопорт. – Ленинград: Наука, 1967. – 241 с.
2. Гуревич, Ф. Д. Из истории Юго-Восточной Прибалтики в I тысячелетии н. э. / Ф. Д. Гуревич // Древности северо-западных областей РСФСР в I тысячелетии н. э. Материалы и исследования по археологии СССР. – М.: Л: АН СССР, 1960. – Вып. 76. – С. 328–451.
3. Кулаков, В. И. Древности пруссов VI–XIII вв. Свод археологических источников. – Вып. Г 1–9 / В. И. Кулаков. – М.: Наука, 1990. – 168 с.
4. Куликаускас, П. Исследование городищ Занеманья в Литве / П. Куликаускас // Liber Iosepho Kostrzewsky octogenario a venerandis dicatus. – Wrocław – Warszawa – Kraków: ZN im. Ossolińskich, 1968. – S. 297–314.
5. Седов, В. В. Ятвяги / В. В. Седов // Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). – М.: Наука, 1987. – С. 411–419.
6. Kulikauskas, P. Uzmanes piliakalniai I–XIII amžiuje / P. Kulikauskas. – Vilnius: Moksas, 1982. – 186 s.
7. Malisauskas, J. Kai kuriu Mazosios Lietuvos piliakalnių (ar alkaviečių) dabartinė bukle / J. Malisauskas // Lietuvininkai ir Mazojų Lietuva amžių buvyje. Konferencijos pranešimai. (Klaipėda, 8–9 gruodžio 1989). – Klaipėda: KVB, 1990. – S. 56–60.
8. Кулаков, В. И. Древности Янтарного края / В. И. Кулаков // Каталог объектов культурного наследия Калининградской области. – Т. 4. Памятники археологии. Памятники искусства. Город Калининград. Калининградская область. Серия: Наследие народов Российской Федерации. – Вып. 6. – М.: НИИЦ, 2005. – 208 с.
9. Кулаков, В. И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1984 г. / В. И. Кулаков // Архив ИА РАН. – Ф. 1, № 10266.
10. Кулаков, В. И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1986 г. / В. И. Кулаков // Архив ИА РАН. – Ф. 1, № 11008.
11. Смирнова, М. Е. Культовые камни раннесредневековых пруссов / М. Е. Смирнова // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Вып. 16. – Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 2001. – С. 98–110.
12. Соме, Н. Führer zu den frühgeschichtlichen Burgwälle Samlands / Н. Crome // Prussia. – 1940. – Bd. 34. – S. 15–82.
13. Bezenberger, A. Schlosberg bei Pilzen, Kr. Pr. Eylau / A. Bezenberger // Prussia. – 1896/1900. – 21. H.
14. Кулаков, В. И. Отчет о работе Балтийского отряда в 1976 г. / В. И. Кулаков // Архив ИА РАН. – Ф. 1, № 6365.
15. Кулаков, В. И. Отчет о работе Балтийской экспедиции в 1988 г. / В. И. Кулаков // Архив ИА РАН. – Ф. 1, № 12554.
16. Krasnodębski, D. Badania Instytutu archeologii i etnologii PAN na terenie woj. Białostockiego (Podlaskiego) w latach 1990–2005 / D. Krasnodębski // Stan badań archeologicznych na pograniczu Polsko-Białoruskim od wczesnego średniowiecza po czasy nowożytnie. – Białystok: EkoPress, 2006. – S. 63–84.
17. Krasnodębski, D., Olczak, H., Barford, P. M. Wczesnesredniowieczne grodzisko w Zajaczkach, stanowisko 1, gm. Juchnowiec Koscielny, woj. Podlaskie / D. Krasnodębski // Podlaskie Zeszyty Archeologiczne. – Z. 1. – Białystok: Museum Podlaskie w Białymstoku, 2005. – S. 54–88.
18. Marczak, E. Na rozdrożu kultur. Badania archeologiczne w Truszkach Zalesiu, gm. Kolno, woj. Podlaskie / E. Marczak // Stan badań archeologicznych na pograniczu Polsko-Białoruskim od wczesnego średniowiecza po czasy nowożytnie. – Białystok: EkoPress, 2006. – S. 93–102.
19. Kaminski, A. Materiały do bibliografii archeologicznej jaciwieży od I do XIII w. / A. Kaminski // Materiały Starożytne. – Warszawa, 1956. – T. 1. – S. 193.
20. Kleemann, O. Die vorgeschichtliche Erforschung des Kreises Sudauen / O. Kleemann // Alt-Preussen. – 1941. – Bd. 6. – S. 56–64.
21. Okulicz, J. Szurpily – zespół śladów osadnictwa z czasów od III w. p. n. e. do XIII w. n. e. / J. Okulicz // Przewodnik LXIV zjazdu Towarzystwa Geologicznego na Ziemi Suwalskiej. – Warszawa: Polskie Towarzystwo Geologiczne, 1993. – S. 139–146.
22. Brzeziński, W., Iwanowska, G. Stan i perspektywy badań archeologicznych nad wczesnym średniowieczem Jaciwieży / W. Brzeziński // Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce. Materiały z konferencji (Poznań, 14–16 grudnia 1987), pod red. Z. Kurnatowskiej. – Prace Komisji Archeologicznej. – T. 11. – Poznań – Wrocław – Warszawa: Volumen, 1990. – S. 71–78.
23. Iwanowska, G. Badania grodziska we wsi Jegliniec gm. Szypliszki, woj. Suwalskie przeprowadzone w latach 1984–1986 / G. Iwanowska // Rocznik Białostocki. – T. 17. – Białystok, 1991. – S. 377–384.
24. Polujański, A. Wędrowki po gubernji Augustowskiej, w celu naukowym odbyte / A. Polujański. – Warszawa: Drukarnia Gazety Codziennej, 1859. – 454 s.
25. Iwanowska, G., Niemyska, A. Pendants from the earthwork at Jegliniec. Jatving links with North and North-East European culture environment / G. Iwanowska // Archeologia Litwana. – 2004. – Vol. 5. – S. 92–108.
26. Baranowski, T. Badania grodzisk w okolicy Goldapi w 1973–1974 / T. Baranowski // Rocznik Białostocki. – 1976. – T. 13. – S. 510–515.
27. Brzeziński, W. Badania osady i grodziska w Rostku, gm. Goldap, woj. Suwalskie w latach 1984–1986 / W. Brzeziński // Rocznik Białostocki. – T. 17. – Białystok, 1991. – S. 372–376.
28. Гуревич, Ф. Д. Археологическая разведка 1955 г. в Понеманье / Ф. Д. Гуревич // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 1: Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. – М.: Изд. АН СССР, 1959. – С. 233–253.

29. Піваварчык, С. А. Збачна / С. А. Піваварчык // *Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя*. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. – С. 273.
30. Михайловский, Е. Археологические очерки Слонимского уезда, Гродненской губернии / Е. Михайловский // *Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда*. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1893. – С. 165–186.
31. Зверуго, Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / Я. Г. Зверуго. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 208 с.
32. Піваварчык, С. А. Археалагічныя даследаванні помнікаў фартыфікацыі ў Беларускім Панямонні / С. А. Піваварчык // *Badania archeologiczne w Polsce północno-wschodniej i na zachodniej Białorusi w latach 2000–2001. Materiały z konferencji (Białystok, 6–7 grudnia 2001)*. – Białystok: IH Uniwersytetu w Białymstoku, 2002. – S. 393–399.
33. Гуревич, Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья / Ф. Д. Гуревич. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. – 221 с.
34. Віцязь, С. П. Помнікі яцвягаў перыяду ранняга сярэднявечаў ў Верхнім Панямонні / С. П. Віцязь // *Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук*. – 2009. – № 2. – С. 44–54.
35. Звяруга, Я. Г. Яцвягі, ятвягі / Я. Г. Звяруга // *Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя*. – Мінск: БелЭн, 1993. – С. 677.
36. Піваварчык, С. А. Кульбачына / С. А. Піваварчык // *Археалогія Беларусі. Энцыклапедыя*. У 2 т. – Т. 1 (А–К). – Мінск: БелЭн, 2009. – С. 482.
37. Покровский, Ф. В. Археологическая карта Гродненской губернии / Ф. В. Покровский. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1895. – 165 с.
38. Загорюльский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорюльский. – Минск: Изд-во БГУ, 1982. – 358 с.
39. Заяц, Ю. А. Гарадзішча / Ю. А. Заяц // *Археалогія Беларусі: энцыклапедыя*. У 2 т. Т. 1. А – К. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2009. – С. 157–159. – С. 222–223.
40. Штыхаў, Г. В. Гарады Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі / Г. В. Штыхаў // *Археалогія Беларусі: У 4 т. – Т. 3. Сярэднявеквы перыяд (IX–XIII стст.)* / Я. Г. Звяруга, Т. М. Каробушкіна, П. Ф. Лысенка, Г. В. Штыхаў; Навук. рэд. П. Ф. Лысенка. – Мінск: Беларуская навука, 2000. – С. 171–229.
41. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – Минск: Полюмя, 1992 (репринт 1853–1855 гг.). – 251 с.
42. Ткачев, М. А. Прорезка вала городища на р. Менка / М. А. Ткачев // *Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии*. – Минск: Ин-т истории АН БССР, 1969. – С. 192–199.
43. Штыхов, Г. В. Отчет об исследовании поселений и курганов Северной и Центральной Белоруссии в 1979 году / Г. В. Штыхов // *Архіў ІГ НАН Беларусі*. – Справа № 635.
44. Куликаускас, П. Исследование городищ Занеманья – юго-западной части Литвы / П. Куликаускас // *Pronksiajast varase feodalismini. Uurimusi Baltimaade ja naaberalade archeoloogist*. – Tallinn: Eesti Raamat, 1966. – P. 72–85.
45. Kulikauskas, P. Rudaminos (Lazdiju raj.) piliakalnio 1965 m. etas tyrinejimu duomenys / P. Kulikauskas // *Lietuvos TSR Aukstuju Mokyklu Mokslo Darbai. – Istorija*. – 1972. – T. 13. – S. 2. – S. 83–98.
46. Kulikauskas, P. Piliakalnio kaimo rasiu apylinkes Vilkauskio rajono piliakalnis ir jo tyrinejimai 1961 metas / P. Kulikauskas // *Lietuvos TSR Aukstuju Mokyklu Mokslo Darbai. – Istorija*. – 1972. – T. 12. – S. 2. – S. 143–161.
47. Куликаускас, П. З. Исследование городищ Занеманья в юго-западной части Литвы / П. З. Куликаускас // *Древности Белоруссии*. – Минск: Ин-т истории АН БССР, 1966. – С. 160–162.
48. Віцязь, С. П. Поліфункцыянальныя аспекты засялення Верхняга Панямоння ў раннім сярэднявеччы / С. П. Віцязь // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. – Мінск: Беларуская навука, 2011. – Вып. 26. – С. 213–228.
49. Miśkiewicz, M. Mazowsze Wschodnie we wczesnym średniowieczu / M. Miśkiewiczowa. – Warszawa: Wyd. UW. – 1981. – 237 s.
50. Dulinić, M. Archeologia o Mazowszu w czasie powstawania państwa Polskiego. Zarys problematyki / M. Dulinić // *Archeologia Polski*. – 1999. – T. 44. – Z. 1–2. – S. 93–114.
51. Пивоварчик, С. А. Новые исследования на городищах Понеманья (к вопросу о древнерусских городах) / С. А. Пивоварчик // *Pabaltijo gyvenvietes nuo seniausiu laiku iki XIV amžiaus*. – Vilnius: Savastis, 1992. – S. 73–77.

U. U. VITSIAZ, V. I. KULAKOV

«STONE» SITES OF ANCIENT SETTLEMENTS OF THE EARLY MIDDLE AGES

Summary

Data about the «stone» sites of ancient settlements (sites with stone facing of external slope of the barrage) from East European woodland belt in the period of early Middle Ages have been generalized in the article. In total 29 monuments have been allocated on the territories of Russia (12 units), Poland (9 units), Belarus (5 units), Lithuania (3 units). Settlements are situated in historical areas of the distribution of such tribes as Prussians (14 units) and Jatvings (9 units), and in the Baltic-Slavic transboundary areas (6 units). Center of formation and existence of such monuments has been marked on the Sambia peninsula (in the Kalinigrad region of Russia). This finding directly pointed to an ethnic accessory of carriers of the given constructive method. They were the ancient Prussians.

УДК 936.91:940.1«03/05»

У. У. ГРЫГОР'ЕЎ

**УПЛЫЎ ГУНАЎ НА ЭВАЛЮЦЫЮ ЭТНІЧНЫХ СУПОЛЬНАСЦЕЙ
У ПОЗНААНТЫЧНАЙ І РАННЕСЯРЭДНЕВЯКОВАЙ ЕЎРОПЕ***Беларускі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя Максіма Танка**(Паступіў у рэдакцыю 05.04.2011)*

На прасторах еўрапейскага кантынента ў позняй антычнасці і раннім сярэднявекі, у прыватнасці ў эпоху з IV па VI ст. н. э., эвалюцыя этнічных супольнасцей праходзіла пад уздзеяннем гунаў. Актualным з'яўляецца аналіз узаемасувязі развіцця этнічнай структуры кантынента (і ўсяго, злучанага з ёй) са зменай яе гунамі. Пры вывучэнні тэмы выкарыстаны шэраг антычных і сярэднявечных крыніц [1, с. 458–483; 2, с. 177–200; 3, с. 26–433, 453–533; 4, с. 65–130; 5, с. 39–252]. У гістарыяграфіі розных дзяржаў была закранута дадзеная праблема [1, с. 845–984; 2, с. 587–633; 3, с. 437–533; 4, с. 7–61, 185–364; 5, с. 5–36, 255–317; 6, с. 8–211; 7, с. 259–276; 8, с. 5–417; 9, с. 62–415; 10, с. 15–472; 11, с. 36–677; 12, с. 29–286; 13, с. 8–255; 14, с. 128–213; 15, с. 13–177; 16, с. 9–352; 17, с. 10–185; 18, с. 322–330; 19, с. 4–302]. Паколькі гэта праблема з'яўляецца аб'ектам супрацьлеглых трактовак, дыскусій, далейшае яе даследаванне неабходна і важна. Мэта артыкула – паказаць уздзеянне супольнасці гунаў на развіццё этнічнай сферы ў познаантычнай і раннесярэднявечнай Еўропе.

Этнічная прастора Еўропы існавала і перад актыўным пранікненнем гунаў у сярэдняй частцы IV ст. н. э. Акрамя цэласнай Рымскай краіны (як састаўляючай) тут размяшчаліся знешнія (ці перыферычныя) рэгіёны. У іх, як у іншай састаўляючай, развіваліся шматлікія незалежныя этнасы, іх фарміраванні, назіраліся частыя ўзаемадзеянні, разбурэнні і розныя міграцыі [1, с. 458–483; 4, с. 66–91; 6, с. 105; 8, с. 19–51, 77–80, 96–113]. З аналізу навуковых даных і прац, у прыватнасці даследавання Й. Лаўрынавічуса, магчымым з'яўляецца знаходжанне балтаў (ці іх часткі) у складзе ўсіх готаў, а таксама славян [1, с. 458–483; 3, с. 239, 453–530; 4, с. 65–130; 5, с. 5–36; 9, с. 134–174; 15, с. 19–152; 19, с. 10–207]. У зоне польскай дзяржавы (і на землях сілезскага рэгіёна) ад часоў да н. э. да сярэдзіны IV ст. н. э. адбываецца двухбаковае ўзаемадзеянне вандалаў са славяна-балтамі (склавы, споры, венеты, спалы, варыянт – венеды), а яшчэ ў эпоху III ст. н. э. – з супольнасцю сарматаў і славян (яе імёны: анты, спалы, споры, аланы), якая пранікла туды [4, с. 70–72, 90, 196; 6, с. 71; 8, с. 77–80; 9, с. 148–160; 11, с. 522; 12, с. 134–152; 16, с. 70–71; 17, с. 127–150, 178; 19, с. 10–144]. Такім жа спосабам вандалы ўзаемадзейнічалі з готамі ў польскіх землях (і ў прыморскім рэгіёне). Вандалы атрымалі поліэтнічны статус, у іх увайшлі ўказаныя народы ці іх часткі, якія напоўнілі адзін аднаго [4, с. 70–72, 90, 196; 6, с. 30, 71; 8, с. 77–80, 205; 9, с. 148–160; 11, с. 522; 12, с. 134–152; 16, с. 47–71; 17, с. 127–150, 178; 19, с. 10–144]. Адзначаныя этнасы ва ўсіх тых жа межах і стагоддзях становяцца этнічна злучанымі з лангабардамі [4, с. 70–90, 196; 5, с. 39–52, 255–263; 6, с. 30, 71, 191–192; 8, с. 77–80, 205, 264–265; 12, с. 134–152; 16, с. 47–71, 106–107; 17, с. 22, 127–150, 178; 19, с. 10–145]. Супольнасць сарматаў і славян узаемадзейнічала з вандаламі ў III ст. н. э. і на паўднёвым усходзе ад польскіх рэгіёнаў [4, с. 70–72, 90, 196; 6, с. 71; 8, с. 77–80; 9, с. 148–160; 11, с. 522; 12, с. 134–152; 16, с. 70–71; 17, с. 127–150, 178]. Шэраг найменняў, часта дыскусійных, існаваў і да IV ст. н. э. Напрыклад, каадуі (германцы і кельты) [2, с. 178; 8, с. 247, 254, 405] могуць лічыцца роднаснымі згаданым пазней колдам (балты, германцы, кельты) [2, с. 178, 604; 4, с. 89; 8, с. 247, 254–255, 405; 9, с. 158; 12, с. 276–282]. Сібіны і мугілоны ўваходзілі

ў склад такога этнасу, як вандалы (таксама лугіі) [2, с. 178; 6, с. 71; 12, с. 134–140]. Хаўбы (вары-
янт – хаўры) з’яўляліся часткай хаўкаў (якія ўвайшлі ў склад саксаў у эпоху III ст. н. э.) [2, с. 178–
179; 8, с. 395]. Такія этнасы, як аксіёны, гелузії [1, с. 483, 920, 950; 8, с. 192, 305], варта вызначыць
як балцкія (у адрозненне ад эсціяў, приморскіх, тут – балты кантынентальныя) [1, с. 482–483; 4,
с. 72, 90; 8, с. 412; 11, с. 70–71], кантынентальныя фіна-ўгорскія [1, с. 482–483, 973; 8, с. 386–389],
славянскія [1, с. 482–483; 8, с. 180–181], сармацкія (таксама аксіёны як частка сарматаў, раксалан)
[1, с. 482–483; 17, с. 10–165], германскія (вандалы, гелізіі, лугіі ці злучаныя з імі) [1, с. 480–483,
919–920; 8, с. 192, 305; 12, с. 134–140], альбо супольнасць, якая складаецца з кампанентаў усіх су-
аднесеных з імі этнасаў. Такія супольнасці (як асобныя) маглі ўваходзіць таксама ў склад гэтых
жа памежных з імі звёнаў племянной сферы [1, с. 480–483, 910, 919–980; 8, с. 180–181; 10, с. 84;
17, с. 10–165]. Гуны, якія прыйшлі яшчэ да сярэдняга перыяду IV ст. н. э. на землі Еўропы ў вы-
глядзе рассяяных па сваёй сферы частак, паступова ўзаемадзейнічаюць з многімі этнасамі. Лінія
Дона ў асноўным была заходняй іх граніцай. Узаемадзеянне з германцамі (остготы) стварыла
расамонаў (остготы, кельты, фіна-ўгры, гуны, балты) [3, с. 453; 4, с. 89–92, 101–102, 268–280; 6,
с. 105; 8, с. 9–19, 48–51, 205–247, 332; 9, с. 134–143; 10, с. 201–281; 19, с. 10–207].

З часу другой паловы IV ст. н. э. пачынаюцца актыўныя і захопніцкія дзеянні супольнасці
гунаў, якія суправаджаюцца распаўсюджваннем у заходнім напрамку і інтэнсіўным увахо-
джаннем у іх структуру іншых этнасаў. Ва ўсходняй часткі готаў гуны ліквідуюць дзяржаву,
інкарпаруюць шматлікія яе кампаненты [4, с. 89–92, 115, 268–280; 6, с. 105–115; 10, с. 279–281],
што адзначаецца ў даследаванні Б. В. Магамедава [18, с. 322–330]. Рымская краіна таксама зведа-
ла іх войны [4, с. 89–92, 115, 268–270; 6, с. 105–115; 10, с. 279–281]. Аналіз працы О. Клінт-Енсэна
сведчыць, што нават этнасы паўночнай часткі кантынента былі злучаны з фарміраваннем і дзяр-
жавай гунаў [14, с. 128–213]. Прычым сюды ўвайшлі: згаданая супольнасць сарматаў і славян
[4, с. 70–118, 196–328; 8, с. 50–81; 17, с. 126–179], названыя славяна-балты [4, с. 70–118, 196–328;
8, с. 50–81; 9, с. 148–174, 234–245; 19, с. 10–144], аксіёны, гелузії (ці іх нашчадкі) [1, с. 483; 3,
с. 453–496; 4, с. 70–119, 196–328], усе сукупнасці, створаныя пры ўдзеле гунаў [3, с. 453; 4, с. 89–
92, 101–102, 268–270; 8, с. 19, 196–247, 332; 9, с. 140–147; 10, с. 279–281; 19, с. 10–207]. Найменні,
якія адносяцца да гунаў, паказваюць на розныя этнасы ў іх сістэме. Сярод іх: Данат (даны) [4,
с. 69; 6, с. 107; 14, с. 188–191]; Верых (балты і паўночныя германцы) [3, с. 501–506; 19, с. 10, 227–230];
Курыдах, таксама Курсіх (акацыры і роднасныя ім хазары, балты, менавіта куршы, корсь) і г. д.
[3, с. 453–529; 4, с. 72, 89–91, 221–364; 9, с. 138–245, 347–358, 411; 10, с. 279–281; 12, с. 34–102; 19,
с. 10–244]. Германцы-саксы былі злучаны з гунамі і іх этнасамі (таксама і носьбіты назваў Хара-
тон, Хармідак, Курыдах, Курсіх маюць сувязі з саксонскімі, у прыватнасці Хорса, Хэнгіст)
[3, с. 453–529; 4, с. 72, 89–91, 221–364; 9, с. 138–159, 347–358, 411; 10, с. 279–281; 12, с. 38–77; 16,
с. 15, 126; 19, с. 10–244]. Улада і ўплыў гунаў распаўсюдзіліся на бастарнаў (такі этнас, як кель-
ты, фракійцы, таксама германцы), неўраў (славяне, дадаткова балты), гелонаў (балты, германцы-
мугілоны, славяне) [2, с. 178; 8, с. 7–8, 161–301; 9, с. 102–107; 13, с. 163–165; 15, с. 21–102; 19,
с. 146–179], кемандраў (ілірыйцаў-кінамбраў і інш.) [4, с. 119; 8, с. 225–252]. Тут жа знаходзіўся
і шэраг супольнасцей названай дзяржавы остготаў (яе этнасы, злучаныя з поўначчу, расамо-
ны і г. д.) [3, с. 453–529; 4, с. 89–119, 265–328; 6, с. 105–115; 8, с. 332; 19, с. 10–207]. Дзяржаўнае
фарміраванне і супольнасць гунаў займалі перыферычныя тэрыторыі ў Еўропе. Таксама сюды
ўваходзілі панонскія землі, дунайская акваторыя, у прасторы цячэння ракі Рэйн памеры
фарміравання мелі мяжу [3, с. 453–513; 4, с. 117–119, 327; 6, с. 105–116; 8, с. 9–14, 48–51, 56; 10,
с. 201–281; 13, с. 213, 243; 16, с. 41–46]. Пад кампанентамі дзяржавы і супольнасці гунаў варта раз-
умець у любой колькасці германцаў (англы, остготы, паўночныя германцы, лангабарды, франкі,
фрызы, саксы, герулы, цюрынгі, юты, бургунды, гепіды, ругі і інш.), славян, балтаў, фракійцаў,
сарматаў, рымлян, фіна-ўграў, кельтаў, качавыя этнасы і г. д. Усе супольнасці, якія знаходзіліся
тут, пад уплывам гунаў сталі роднаснымі ім, перамяшаліся кожная з усімі. Пад самімі гунамі
варта разумець у першую чаргу ўсе гэтыя народы (якія ператварыліся ў іх). Таму любыя рэіды
гунаў і іх уплыў на цэлым кантыненте з’яўляліся рэйдамі і ўздзеяннем такіх супольнасцей, кож-
най з іх усюды. Этнасы, або іх часткі, якія не ўваходзілі сюды і перамясціліся на іншыя землі
з-за экспансіі гунаў, таксама зведалі іх уплыў (вандалы, вестготы, свевы і інш.) [3, с. 453–531; 4,

с. 70–130, 196–364; 5, с. 49–53, 255–267; 6, с. 30–211; 7, с. 259–276; 8, с. 6–416; 9, с. 134–300, 347–358, 411, 413; 10, с. 201–281; 12, с. 31–286; 13, с. 12–255; 16, с. 9–319; 17, с. 22, 97–179; 19, с. 10–297].

Супольнасць гунаў валодала пэўнымі злучанымі рысамі і асаблівасцямі, якія можна трактаваць як стратэгічную сістэму ўздзеяння. Існавала шмат звёнаў дадзенай сукупнасці, якія захоўвалі адзінства, шырока ўключаліся ў прасторы дзяржаў, народаў, якія іх часта ўжывалі ў сваіх мэтах. Тыя ўдзельнічалі ў развіцці і ўмацаванні гунаў, прычым спрашчалася барацьба гунаў супраць іх. Выжывальнасці, вылучэнню з звёнаў сукупнасці самых устойлівых таксама паралельна спрыялі барацьба, плённае ўзаемадзеянне адзін з адным. Канструктыўнае ўзаемадзеянне пераважала над раз'яднанасцю. Выгадна ўжываліся праблемы паміж суб'ектамі геапалітыкі. Уключэнне іншых этнасаў у сістэму племяннога фарміравання і дзяржавы гунаў прыводзіла да прагрэсіўнага выжывання і давала імпульс для развіцця. Такія кампаненты становіліся гунамі і этнічна, паўнацэнна гунскімі ва ўсёй іх дзейнасці [3, с. 74–256, 453–529; 4, с. 70–130, 196–364; 6, с. 30–211; 7, с. 259–276; 9, с. 134–363; 10, с. 201–281; 13, с. 12–255; 16, с. 10–349]. Качэўніцкае існаванне і ахоп вялікіх прастораў гарантавалі ўдалыя войны, незалежнасць, зручныя месцы пражывання, хуткую адаптацыю. Інтэнсіўна развіваліся структуры адміністрацыйнага тыпу, меліся неабходныя падначаленыя. Мультикампанентная, шматвектарная супольнасць гунаў была стабільнай, універсальнай, валодала імперскім, мабільным становішчам, засноўвалася на ўсіх якасцях перыферыі і г. д. Яна вызначыла далейшую эвалюцыю і геаграфію этнасаў. Да ўплыву гунаў адносяцца іх дасягненні ў адміністрацыйнай, ваеннай і іншых сферах, але яны з'яўляюцца толькі вынікамі выкарыстання такой сістэмы, а не асобнымі іншымі стратэгіямі і сістэмамі, як прынята ў гістарыяграфіі. Пад стратэгіяй і сістэмай гунаў аўтар дадзенага артыкула мае на ўвазе толькі разгледжаную ім сістэму. Яна шырока распаўсюдзілася ў Еўропе (і пасля VI ст. н. э.), яе рысы і асаблівасці атрымалі розныя народы (якія выкарыстоўвалі яе неаднолькава), незалежна ад уваходжання ў гунаў [3, с. 74–256, 453–531; 4, с. 70–130, 196–364; 6, с. 30–211; 7, с. 259–276; 8, с. 6–416; 9, с. 134–363; 10, с. 201–281; 13, с. 12–255; 16, с. 10–349].

Калі гунамі з'яўляліся самі ахопленыя імі этнасы, бачная дэзынтэграцыя дзяржаўнага ўтварэння гунаў у сярэдняй частцы V ст. н. э. не знішчыла, а шырэй распаўсюдзіла ўплыў дадзенай супольнасці. Гэтыя шматлікія народы (цяпер гунскія) таксама перамясціліся ў рымскі і іншыя рэгіёны, сістэма ўздзеяння гунаў распаўсюдзілася на ўсе супольнасці кантынента і ў геапалітычных зонах. Адсюль у перыяд ад IV да VI ст. н. э. і пазней узнік шэраг новых супольнасцей, вядомыя раней этнасы сталі новымі. Сістэма ўплыву гунаў (таксама злучаныя з ёй ўздзеянні) комплексна трансфармавала этнічныя, палітычныя і геапалітычныя зоны. Яна таксама ўплывала на фарміраванне гэтымі ж супольнасцямі сваіх уласных дзяржаўных, этнічных і геапалітычных прастораў (састаўляючых сферы этнасаў) [3, с. 26–531; 4, с. 70–130, 196–364; 6, с. 30–211; 8, с. 6–416; 9, с. 134–363; 12, с. 31–286; 16, с. 10–349; 19, с. 10–297].

Рэгіёны, якія геапалітычна далучаліся да басейна Міжземнага мора, з'яўляліся часткай сферы рымскага ўплыву. Тут сферы варвараў (у тым ліку і ў Афрыцы) знішчалі Візантыя і іншыя заваёўнікі. Варвары, якія апынуліся ў гэтай зоне (вестготы, лангабарды, вандалы, остготы, свевы, аланы і інш.), трансфармавалі этнічную і палітычную прастору павярхоўна, выкарыстоўвалі базу Рымскай краіны, дабаўлялі сябе да яе. Сістэма ўплыву гунаў у іх не з'яўлялася асноўнай. Гэта палягчала іх наступную заваёву і знішчэнне. Калі яны спрабавалі развівацца больш канструктыўна, з большым ужываннем дадзенай сістэмы (напрыклад, вестготы на землях Пірэнейскага паўвострава, лангабарды), яны падвяргаліся заваёве звонку. Але варварскія супольнасці гэтай прасторы (остготы, лангабарды, вестготы, свевы) з дапамогай сістэмы ўплыву гунаў (якія ўмацоўвалі яе або яе элементы) стваралі пэўныя этнічныя, палітычныя і геапалітычныя сферы, што паскарала этнічнае і палітычнае развіццё, утварыла асобныя рэгіёны (іспанскі з партугальскім, італьянскі), якія сталі тут непарыўнымі часткамі заходнееўрапейскай прасторы [3, с. 26–256, 453–533; 4, с. 92–130; 5, с. 39–317; 6, с. 30–84, 166–211; 7, с. 259–276; 8, с. 43–370; 10, с. 201–281; 16, с. 35–78, 104–115, 141–188, 205–282]. Поліэтнічны статус вандалаў дазволіў ім узаемадзейнічаць з сарматамі (аланы) на высокім узроўні, пашыраючы і падтрымліваючы зону актыўных змен у Еўропе і Афрыцы [3, с. 91–177, 515–531; 6, с. 71–83; 16, с. 35–47, 68–76, 219, 274–278].

Землі Еўропы па-за ўказанай вышэй зонай знаходзіліся ў больш зручных у этнічным і палітычным развіцці ўмовах для варвараў (франкі, славяне, іншыя, і якія з'яўляліся гунамі). Сістэма ўплыву гунаў тут займае значнае і кіруючае месца ў развіцці і выжыванні. Сюды ўвайшлі землі Брытаніі, а таксама Галіі. Франкі, этнас англасаксаў (з ютамі, фрызамі), якія знаходзіліся ў атлантычнай геапалітычнай зоне, з дапамогай паспяховага ўжывання названай сістэмы стварылі тут свае адпаведныя сферы, паступова пашыралі іх. Дадзеныя народы з паўночнымі германцамі абазначылі межы зоны брытанскіх кельцкіх плямёнаў (і ў рэгіёне Брэтань), непадуладных гунам, але на якіх таксама прагрэсіўна паўплывала адзначаная сістэма [3, с. 26–432, 453–529; 6, с. 85–165, 192–211; 7, с. 259–276; 8, с. 43–402; 16, с. 40–47, 78–106, 115–298]. Паспяхова рэалізавалі гунскую сістэму славяне, яны ахапілі вялікія прасторы для развіцця, узаемадзеяння і заваёў [3, с. 98–432, 453–529; 4, с. 70–121, 196–328; 8, с. 77–95, 140–363; 9, с. 134–181, 198–202, 234–358]. Зоны паўночных германцаў, балтаў адрозніваліся аддаленасцю, але з паспяховым ужываннем такой сістэмы гэтыя народы атрымалі магчымасці для стабільнага развіцця і выжывання (таксама вікінгі і г. д.) [7, с. 259–276; 10, с. 84, 143–281; 14, с. 160–213; 15, с. 19–172; 16, с. 117–140, 327–328; 19, с. 4–302]. Нягледзячы на памяншэнне першапачатковай зоны балтаў у выніку перамяшчэнняў плямёнаў, злучаных з гунамі, у той жа час адбывалася і павелічэнне іх сферы ў складзе гунскіх супольнасцей, гэта значыць прасторы новых у параўнанні з першапачатковымі балтамі этнасаў [3, с. 91–239, 453–531; 4, с. 70–130, 196–364; 9, с. 134–174, 197–282, 347–358; 10, с. 84, 279–281; 15, с. 26–36, 109, 141–172; 16, с. 15–133; 19, с. 10–301]. Таму пункт гледжання Й. Лаўрынавічуса пра негатыўны ўплыў гунаў на балцкую супольнасць некарэктны [19, с. 203–208, 220]. Качавыя народы (авары і інш.) працягвалі і падтрымлівалі гунскую стратэгію, складалі сваю значна дынамічную сферу. Іншыя народы (бургунды, цюрынгі, гепіды і інш.) фарміравалі больш дробныя зоны, пасля (незалежна ад ужывання сістэмы ўплыву гунаў) яны ўвайшлі ў згаданыя больш буйныя сферы, злучаныя з франкамі, славянамі і г. д. [3, с. 26–432, 453–529; 4, с. 70–130; 6, с. 85–165, 192–211; 8, с. 43–416; 9, с. 134–363; 16, с. 40–106, 115–140].

Такім чынам, да актыўных дзеянняў гунаў на еўрапейскім кантыненте ўжо праходзілі розныя этнічныя працэсы, якія па-за рымскай сферай не з'яўляліся ўзгодненымі і стабільнымі, раскіданыя фарміраванні перыферыі варвараў не былі арганізаваны ў адзіную цэнтральную сілу, якая бы ўраўнаважвала іх. Гуны, якія з'яўляліся новай унікальнай састаўляючай прасторы этнасаў, з другой паловы IV ст. н. э. ператварылі кантынент у зону звышэфектыўнай і цэласнай трансфармацыі этнічнай і палітычнай сферы. Уся Еўропа была ахоплена сістэмай уздзеяння гунаў. Яны ўбудоўваліся ў шматлікія звёны дадзенай сферы. У прастору Рыма ўключаліся як непадуладныя гунам плямёны, так і этнасы з іх утварэння. У гэты перыяд праходзіў працэс з'яўлення новых этнасаў (часта на базе ранейшых), а таксама палітычных фарміраванняў, якія адносяцца да шматлікіх з іх. У сферах Еўропы (этнічных, палітычных – рымскай і знешняй; геапалітычных – міжземнаморскай, атлантычнай і знешняй) сфарміраваліся свае адпаведныя этнічныя, палітычныя і геапалітычныя зоны варвараў як новыя састаўляючыя сферы этнасаў. У Міжземнамор'і яны ўсё ж стварылі значныя цэнтры этнічнага і палітычнага развіцця. Астатнія тэрыторыі Еўропы (з Галіяй і Брытаніяй) з'яўляліся ў большай ступені спрыяльнымі для варвараў, іх новыя зоны – гэта контуры важнейшых рэгіёнаў. Драбнейшыя этнасы са сваімі сферамі пазней былі паглынуты імі. Гунская сістэма ўплыву ва ўсіх дадзеных працэсах з'яўлялася канцэптуальна асноўнай (і як рухаючая сіла), прычым па-за міжземнаморскай сферай яна займала першае месца.

Супольнасць гунаў з'яўлялася сукупнасцю многіх этнасаў (не толькі гуны, але і славяне (таксама і протаславяне, раннія славяне), балты, германцы, сарматы, кельты і інш.), яны актыўна ў такім састаўным выглядзе змянялі сферы Еўропы этнічна і палітычна ва ўсіх яе частках, уяўляючы з сябе гунаў.

Літаратура

1. Тацит Публий Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / Тацит Публий Корнелий. – М.: АСТ, 2003. – 986 с.
2. Страбон. География / Страбон. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 639 с.
3. Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Феофан Византиец // Сказания Приска Панийского / Приск Панийский. – Рязань: Александрия, 2005. – 608 с.

4. И о р д а н. О происхождении и деяниях гетов («Getica») / Иордан. – М.: Изд-во восточной литературы, 1960. – 436 с.
5. Д и а к о н, П. История лангобардов / П. Диакон. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 320 с.
6. К о р с у н с к и й, А. Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.) / А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 256 с.
7. Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / под ред. Р. М. Шукурова. – М.: Алетейа, 1999. – 384 с.
8. Б у д а н о в а, В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов / В. П. Буданова. – М.: Наука, 2000. – 544 с.
9. П е т р у х и н, В. Я. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М.: Знак, 2004. – 416 с.
10. Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Бел. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009–2011. – Т. 1. А–К. – 2009. – 496 с.
11. Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыкл. / рэдкал.: В. В. Гетаў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 1993. – 702 с.
12. Р а с с а д и н, С. Е. Первые славяне. Славяногенез / С. Е. Рассадин. – Минск: Белорусский Экзархат, 2008. – 288 с.
13. Т о м п с о н, Э. А. Гунны. Грозные воины степей / Э. А. Томпсон. – М.: Центрполиграф, 2008. – 256 с.
14. К л и н д т - Й е н с е н, О. Дания до викингов / О. Клиндт-Йенсен. – СПб.: Евразия, 2003. – 245, [1] с., [20] л. ил.
15. G i m b u t a s, M. The Balts / M. Gimbutas. – London: Thames and Hudson, 1963. – 286 p.
16. М ю с с е, Л. Варварские нашествия на Европу: германский натиск / Л. Мюссе. – СПб.: Евразия, 2006. – 416 с.
17. С у л и м и р с к и й, Т. Сарматы. Древний народ юга России / Т. Сулимирский. – М.: Центрполиграф, 2007. – 191 с.
18. М а г о м е д о в, Б. В. Этнические компоненты черняховской культуры / Б. В. Магомедов // Stratum plus. – 2000. – № 4. – С. 322–330.
19. Л а у р и н а в и ч ю с, Й. Древняя Литва: Цивилизация и государство / Й. Лауринавичюс. – Минск: БГПУ, 2009. – 328 с.

U. U. GRIGORYEV

THE HUNNISH INFLUENCE ON THE EVOLUTION OF THE ETHNICAL COMMUNITIES IN THE LATE ANTIQUE AND EARLY MEDIEVAL EUROPE

Summary

Transformation of the European ethnical space in connection with influence of Huns has been investigated in the article. Ethnical processes which were before the active Hunnish changing of the given space have been shown. The author touches upon the place of strategic system of Hunnish influence and their ethnic penetration into the European commonalities. This research is topical to prove that changes of the stated ethnic and politic spheres from IV to VI centuries A. D. under the Hunnish influence has created new political, geopolitical units and ethnical communities.

УДК 94(476) «1914/1918»:930(476)

О. П. ДМИТРИЕВА

**ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 90-Х ГГ. XX – НАЧАЛА XXI В.***Институт истории НАН Беларуси**(Поступила в редакцию 26.07.2011)*

На сегодняшний день события Первой мировой войны в Беларуси представляют большой интерес для многих белорусских историков. В первую очередь это связано с тем, что на протяжении длительного времени советская историография занималась лишь отдельными вопросами истории Беларуси периода Первой мировой войны. Значительное внимание уделялось изучению боевых действий в Беларуси, политике царской России и германских властей на оккупированной территории, роли русского фронта в ведении войны и ряду других смежных вопросов.

Проблематика исследований начала меняться в начале 90-х гг. XX в. После распада СССР и создания суверенного белорусского государства главной задачей историков стало изучение культурного и исторического наследия страны. Поэтому сегодня одним из приоритетных направлений в исторической науке является изучение национально-культурного развития Беларуси, в том числе и в период Первой мировой войны.

Интересной и актуальной проблемой для исследования по данной теме представляется положение этнических меньшинств, проживавших на белорусских землях в годы Первой мировой войны. Исторически сложилось так, что в Беларуси уже не одно столетие проживают представители различных национальностей: литовцы, латыши, поляки, евреи, русские, украинцы. Эти народы на протяжении многих веков оказывали значительное влияние на культурное развитие Беларуси. Поэтому изучение национально-культурного развития этнических меньшинств, проживавших на белорусских землях в годы Первой мировой войны, даст возможность создать целостную картину национально-культурного развития Беларуси в начале XX в.

Целью данной статьи является изучение и анализ работ в отечественной историографии 90-х гг. XX – начала XXI в., посвященных положению этнических меньшинств Беларуси в годы Первой мировой войны. Как уже было отмечено ранее, в советской историографии практически не представлены работы по данному вопросу. Тем не менее, несколько исследований советского периода положили начало разработке этой проблемы. В первую очередь это исследования 80-х гг. XX в. белорусских историков И. М. Игнатенко и А. М. Бабкова [1; 2].

Значительное внимание национально-культурному вопросу на территории Беларуси в годы Первой мировой войны отводится в исследовании И. М. Игнатенко «Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии». Автор анализирует условия для развития белорусского национального движения в неоккупированной и оккупированной частях Беларуси в начале Первой мировой войны. По мнению И. М. Игнатенко, к осени 1915 г. условия для национально-освободительного движения в Беларуси осложнились. Исследователь отмечает, что в восточной, неоккупированной части Беларуси работа национальных организаций была приостановлена. В западной части Беларуси, оккупированной немецкими войсками, наоборот, получило развитие национальное движение. Его главные участники – братья Антон и Иван Луцкевичи – стали налаживать контакты с местными демократическими организациями литовцев, поляков и евреев. Они ставили целью достижение независимости Литвы и западной части Беларуси в государственной форме Великого Княжества Литовского с сеймом в Вильно. По соглашению между

братьями Антоном и Иваном Луцкевичами и местными демократическими организациями литовцев, поляков и евреев центральная власть Княжества должна была обеспечить права национальных меньшинств, которые будут проживать на его территории. И. М. Игнатенко также осветил вопросы, связанные с попыткой создания конфедерации Великого Княжества Литовского по инициативе литовских, белорусских, польских и еврейских организаций, и обозначил позицию правительства Германии по данному вопросу. Признавая роль этнических меньшинств в развитии национального движения на белорусских землях в годы Первой мировой войны, исследователь дает негативную оценку стремлениям поляков внедрить в сознание белорусов-католиков, что каждый католик – поляк [1, с. 39–40]. Анализ данной работы показывает, что белорусское национальное движение, протекающее в период Первой мировой войны, необходимо изучать с учетом специфики той территории, где оно развивалось. Можно утверждать, что политика, проводимая германскими войсками, в большей степени способствовала пробуждению национального самосознания как белорусов, так и этнических меньшинств данного региона, в сравнении с восточной частью Беларуси, где прослеживались пророссийские тенденции. Данный тезис впоследствии лег в основу некоторых исследований по истории Первой мировой войны в Беларуси [3–6].

Историк А. М. Бабков в диссертационной работе «Политика германского империализма в Белоруссии в годы Первой мировой войны», затрагивая вопрос этнических меньшинств белорусских земель, отдельно выделяет немцев и австрийцев. Исследователь отмечает, что еще накануне войны из внутренних районов России в Гродненскую и Минскую губернии переселилось много немцев-колонистов. По мнению автора, больше всего немцев проживало в Пинском, Мозырском и Речицком уездах Минской губернии, расположенных по линии Полесских железных дорог, соединявших крепость Брест-Литовск с центральными районами России. Так, в августе 1915 г. только в одном Мозырском уезде значилось оставленными на жительство 314 лиц немецкого и австрийского происхождения, что считалось небывалым количеством для того времени [2, с. 9–20]. Эти факты свидетельствуют об этническом разнообразии национальностей, населявших территорию Беларуси в начале XX в. В то же время проблема этнокультурных процессов периода Первой мировой войны, протекавших на белорусских землях, до сих пор остается недостаточно исследованной. Работы И. М. Игнатенко и А. М. Бабкова являются одними из первых исследований, где затрагиваются проблемы национальных меньшинств Беларуси в годы Первой мировой войны. В 90-е гг. XX в. **значительно возрос интерес к изучению национально-культурных аспектов истории Беларуси.** Стало появляться больше исследований по положению этнических меньшинств. В 1993 г. увидела свет работа историка Ю. Туронка «Беларусь пад нямецкай акупацыяй». В целом исследование посвящено событиям Второй мировой войны в Беларуси. Однако есть сведения и о немецкой оккупации территории Беларуси в период Первой мировой войны. Исследуя национальную структуру населения территории «Обер Ост», автор пришел к выводу, что недостаточно использовать только Первую всеобщую перепись населения 1897 г. для определения количественного состава жителей этого региона. Данные этой переписи не совсем точны для начала немецкой оккупации, так как не учитывают значительные демографические изменения, которые произошли в период с 1897 по 1914 г. За это время, как утверждает Ю. Туронк, количество населения выросло на 30% (5,8 млн), а в 1915 г. уменьшилось в два раза в результате эвакуации вглубь России и составило уже 2,9 млн человек [7, с. 14–15]. К тому же за основу определения этнического состава населения был взят язык общения. Этот аспект не всегда правдиво отражал национальную принадлежность населения Беларуси в годы Первой мировой войны. Тем не менее, некоторые исследования начала XXI в. опираются именно на перепись 1987 г. [8]. На наш взгляд, положения и выводы ученого объективны. Не совсем правильным будет основываться только на переписи 1987 г. при изучении данной проблемы. Ряд историков осознают это – с недавнего времени стали появляться работы, где помимо количественного состава населения также отслеживается этнический аспект. В частности, это исследования по проблеме беженства в Беларуси [9; 10]. Затрагивая здесь же вопрос отношения немецких властей к этническим меньшинствам Беларуси, Ю. Туронк отмечает, что помимо проблемы управления многонациональным регионом правительство «Обер Оста» должно было учитывать дополнительную специфику. Это историческое доминирование польской культуры на белорусско-литовских землях и немецкой – в Курляндии. Ученый считает, что литовская, латышская и белорусская культуры были еще слабы,

поскольку развивались в тени польской и немецкой культур. В работе также рассмотрены развитие школьного дела на территории «Обер Ост» и законы, принятые оккупационным правительством по отношению к национальным меньшинствам [7, с. 15–16]. Данное исследование легло в основу многих последующих работ по истории Первой мировой войны в Беларуси [8; 11–12].

Начиная с 90-х гг. XX в. в белорусской историографии появляются работы по истории этнических меньшинств Беларуси периода Первой мировой войны. Ряд исследований 90-х гг. XX в. посвящен положению евреев Беларуси в годы Первой мировой войны.

Так, доктор исторических наук, профессор Э. Г. Иоффе рассматривает национально-культурное развитие данной этнической группы в Беларуси в работе «Страницы истории евреев Беларуси». Исследователь отмечает, что в 1914 г. евреи продолжали составлять большинство населения во многих городах и местечках нашей страны. Усилиями евреев в Минске стала выходить еженедельная газета на идиш «Минскер вохенблат». Историк также отмечает, что важное место в культурной жизни белорусских евреев занимали синагоги. В 1917 г. в Минске их было 83, в Могилеве – 50, Бобруйске – 42, Витебске – 30, Гомеле – 26 [13, с. 59, 65]. Высокий показатель численности городского еврейского населения свидетельствует о довольно значительном влиянии этой этнической группы на социально-экономическое и культурное развитие белорусских городов в годы Первой мировой войны. Культурное развитие евреев Беларуси в годы Первой мировой войны неразрывно связано с развитием образования этого этнического объединения. Этому вопросу посвящено диссертационное исследование И. П. Герасимовой «Еврейское образование в Белоруссии в XIX – начале XX в. и отношение к нему российского самодержавия». Автор считает, что целью русского правительства и проводимой им национальной политики являлось сближение еврейской массы с коренным населением, включение ее в общее социально-экономическое пространство государства. И. П. Герасимова отмечает, что наиболее эффективным способом достижения этой цели, по мнению правительства, являлось создание государственного еврейского образования в противовес уже существующей веками традиционной национальной еврейской школе, получившей широкое развитие в Беларуси [14, с. 1–21]. Так, в годы Первой мировой войны еврейские образовательные учреждения не утратили своего значения и способствовали складыванию многонациональной системы образования в Беларуси.

Важным моментом при изучении евреев Беларуси являются благотворительные общества, деятельность которых была достаточно активной в Беларуси во время Первой мировой войны. В статье историка Э. Савицкого «Еврейская благотворительность в Беларуси в XIX–XX вв.» приводятся данные о благотворительных обществах, созданных еврейским населением с началом Первой мировой войны на белорусских землях. Так, в Витебске евреи создали Общество помощи жертвам войны. Автор отмечает, что наряду с членскими взносами и добровольными пожертвованиями денежные средства также поступали со сборов с концертов, вечеров, лекций, научных бесед [15, с. 20–21]. Это свидетельствует о некотором развитии еврейской культуры на территории Беларуси в годы Первой мировой войны.

Фрагментарно изучалось и немецкое население Беларуси в рассматриваемый период. В статье В. Титова «Немецкая дыяспара ў Беларусі ў XIX – пачатку XX ст.» приводятся данные количественного состава немцев в пяти белорусских губерниях, затронут географический аспект расселения немецкой диаспоры на белорусских землях, ее конфессиональный состав. Автор отмечает, что наибольшее количество немцев проживало в городах, самые многочисленные диаспоры были в Белостокской, Двинской, Виленской, Минской, Витебской и Бобруйской губерниях [16, с. 105–106]. Немцы представляли собой самостоятельную этническую группу, которая находилась в постоянном взаимодействии с белорусами. Как было отмечено ранее, белорусско-немецкие этнокультурные процессы требуют комплексного изучения.

Польская этническая группа была широко представлена на белорусских землях. Так, польское движение на территории Беларуси рассматривал доктор исторических наук Н. Е. Семенчик. Этому вопросу посвящена его статья «Польскі рух на Беларусі (сакавік 1917 – сакавік 1918 г.)» [17, с. 190–194].

Некоторые общие вопросы национального-культурного развития этнических меньшинств Беларуси отражены в статье историка Д. А. Мигун «Газета 10-й немецкой армии как источник к вопросу о политике Германии на территории Беларуси в 1915–1916 гг.». Д. А. Мигун отмечает, что в «Газете 10-й немецкой армии» (издавалась в Вильно с 1915 по 1916 г.) присутствовали статьи,

посвященные основным этносам, проживавшим на территории Беларуси, – полякам, литовцам, евреям, русским. Автор полагает, что в целом немецкие власти знали гораздо больше о поляках, литовцах и русских на захваченных территориях, чем о белорусах [18, с. 53–55]. Именно этот момент, на наш взгляд, в дальнейшем был препятствием белорусов на пути к построению своей государственности. Германские власти допускали идею сотрудничества с хорошо известными им поляками и литовцами, чего не скажешь об их политических отношениях с белорусами.

Белорусско-литовским и белорусско-польским отношениям по вопросу национального развития уделено значительное внимание в исследовании Ю. Веселковского «Беларусь у Першай Сусветнай вайне». Автор отмечает, что немцы в основном поддерживали литовцев, которые стремились к обретению независимости. Так, в январе 1917 г. немецкое командование позволило литовцам создать Тарибу (орган краевого представительства), после чего последние стали претендовать на белорусские земли [19, с. 93–99]. Это еще раз подтверждает отсутствие стремления немецких властей к политическому сотрудничеству с белорусами. В начале XXI в. расширяется проблематика исследований по положению национальных меньшинств Беларуси в годы Первой мировой войны. Помимо работ по отдельным этническим группам появляются исследования, затрагивающие демографические вопросы, политику оккупационных властей и Российской империи по отношению к национальным меньшинствам, образованию, культуре и национальному движению этнических групп, проживавших на территории Беларуси в рассматриваемый период.

Демографический вопрос национальных меньшинств затронут в работах В. А. Латышевой и В. Р. Корнелюка. Так, в диссертационном исследовании В. А. Латышевой «Население Беларуси по переписям 1897 и 1926 гг.: сравнительный анализ» отмечается, что Первая всеобщая перепись населения 1897 г., проведенная в белорусском регионе, определила этнический состав населения Беларуси на основе показаний респондентов о их языковой и конфессиональной принадлежности. Автор отмечает, что к белорусскоязычным себя отнесли 73,3%, к иудеям – 14, к русскоязычным – 4,3, польскоязычным – 2,4% населения. По мнению историка, это свидетельствует о большом влиянии на белорусских землях накануне Первой мировой войны культуры русской и польской этнических групп. Автор также полагает, что евреи в силу замкнутости своего культурного пространства и проводимой по отношению к ним государственной политики не оказывали большого влияния на процесс национальной идентификации белорусов [20, с. 2–3]. Интересен тот факт, что в годы Первой мировой войны население Беларуси определяло свою национальную принадлежность в соответствии с языком общения. Что касается влияния этнических групп на культуру белорусов, нельзя однозначно утверждать, что некоторые из них оказывали большое влияние, а другие – нет. Необходимо детально изучить духовную и материальную культуру белорусов данного периода, чтобы оценить уровень этнокультурного взаимодействия белорусов с различными этническими меньшинствами. В диссертационной работе В. Р. Корнелюка «Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг.» приводится характеристика структуры населения оккупированной и неоккупированной частей пяти белорусских губерний: Виленской, Витебской, Минской, Гродненской и Могилевской. Предпринята попытка определить национальный состав населения, выделить основные этнические меньшинства, проживавшие на территории Беларуси в рассматриваемый период [21]. Данная работа представляет значительный интерес, так как автор обработал большой статистический материал по численности населения Беларуси в годы Первой мировой войны, что позволит в дальнейшем историкам отойти от использования лишь данных переписи 1897 г. при исследовании белорусского населения и различных этнических групп в рассматриваемый период. В XXI в. постепенно растет интерес к изучению немецкого населения белорусских земель в период Первой мировой войны. Известный белорусский историк В. И. Адамушко отмечает, что к началу Первой мировой войны на территории Беларуси было значительное количество подданных Германии, Австро-Венгрии, Турции, Болгарии. С началом военных действий эта категория была объединена под общим понятием – подданные и выходцы из враждующих с Россией держав [22, с. 53–67].

Еще в 90-е гг. XX в. было положено начало изучению беженства в Беларуси. В XXI в. эта проблема стала одной из приоритетных для исследования. Этнический аспект беженства в Беларуси затронут в статье С. С. Рудовича – «К вопросу о половозрастном и этносоциальном составе бе-

женцев Первой мировой войны в Беларуси». Проанализировав данные об этническом составе беженцев в Воложине, Ратомке и Першях, автор отмечает, что 57,8% от общего числа беженцев признали себя белорусами, 27 – идентифицировали себя как поляки, 15,2% – назвали литовцами [10, с. 639]. Вместе с тем, нельзя судить об этническом составе беженцев по одному отдельному региону. Данные о национальной принадлежности беженцев дадут возможность изучить социально-экономическое положение этнических групп Беларуси в рассматриваемый период.

Национальное движение этнических групп в контексте белорусского национального движения постепенно становится актуальной темой исследования в первом десятилетии XX в. Так, кандидат исторических наук Н. Б. Щавлинский в своем диссертационном исследовании «Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» отмечает, что развитие белорусского национального движения происходило во взаимодействии с местными польскими, литовскими и еврейскими национальными организациями, разрабатывалась идея восстановления Великого Княжества Литовского, активизировалась культурно-просветительская деятельность, в том числе этнических меньшинств [3, с. 1–3]. Автор считает, что самыми влиятельными национальными партиями и организациями в Беларуси в период войны были еврейские. Н. Б. Щавлинский приводит перечень еврейских партий и дает их характеристику [4, с. 39–40]. Национальному движению литовцев в Беларуси уделено внимание в его работе «Государственно-политическое и национально-культурное самоопределение Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» [5, с. 33–34]. Также рассматривается проблема «возрождения исторической Литвы» в работе Н. Б. Щавлинского «Белорусская культура в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.)» Автор отмечает, что осенью 1915 г. на оккупированной территории Беларуси с целью консолидации национальных сил был создан Белорусский национальный комитет (БНК). Его лидеры совместно с представителями польских, литовских и еврейских организаций объявили своей задачей возрождение на землях Литвы и Беларуси независимого Великого Княжества Литовского. С этой целью в конце 1915 г. была создана «Конфедерация Великого Княжества Литовского», в которую вошли представители белорусских, литовских, польских и еврейских организаций. Однако уже 6 января 1916 г. в Ковно на Раде литовцев и латышей был создан «Главный Литовский комитет». Он объявил независимость ранее существовавшего Великого Княжества Литовского. Причем в третьем пункте акта провозглашения независимости земель бывшего Великого Княжества Литовского говорилось, «что белорусы могли присоединиться как третья автономная независимая часть». По мнению Н. Б. Щавлинского, такое решение было обусловлено стремлением литовцев создать свое самостоятельное государство, а также боязнью быть ассимилированными белорусами. Согласно подсчетам Белорусского товарищества помощи жертвам войны, на тот момент под властью Германии находилось 1 млн 500 тыс. белорусов. Еще одна причина неудачи «возрождения исторической Литвы» – незаинтересованность Германии, которая сама имела намерение усилить свою власть на захваченных территориях [6, с. 18–21]. Выводы исследователя во многом совпадают с точкой зрения историка Ю. Туронка.

Представляют интерес исследования А. Ф. Смоленчука, О. А. Трусова, Ю. Туронка и М. В. Цубы по вопросу национально-культурного развития отдельных этнических меньшинств.

Всесторонне рассмотрен вопрос национально-культурного развития поляков Беларуси в годы Первой мировой войны в докторской диссертации А. Ф. Смоленчука «Польскі грамадска-палітычны рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г.». Автор проанализировал этнокультурные особенности развития поляков на белорусских и литовских землях, охарактеризовал политику российских властей по отношению к польскому населению в различных аспектах, в том числе культурном, определил роль и место польского этноса в общественно-политических и национально-культурных процессах, которые протекали в Беларуси в рассматриваемый период [23, с. 1–7]. В его работе «Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864 – люты 1917 г.» также подробно рассмотрены вопросы национально-культурного возрождения белорусов и литовцев, польское общественно-политическое и культурное движение на белорусских и литовских землях в годы Первой мировой войны. Исследователь приходит к выводу, что с 1915 – начала 1916 г. «польский вопрос» постепенно приобретает чисто польское национальное содержание. Целью большинства польских партий и организаций на

белорусских и литовских землях стала борьба за создание независимого польского государства [24, с. 328–330, 359–366]. Данные работы позволяют утверждать, что в годы Первой мировой войны белорусское национальное возрождение происходило одновременно с литовским и польским. В то же время эти народы не всегда имели общие интересы.

О поддержке литовцев в вопросе построения своей государственности со стороны Германии заявляет в своей статье историк О. А. Трусов. Исследователь отмечает, что главным стремлением литовцев было включение в свое государство территории Виленской губернии [25, с. 11]. Это мнение уже прочно укрепилось в отечественной историографии. В сборнике работ Ю. Туронка «Мадэрная гісторыя Беларусі» анализируются различные взгляды белорусских историков по вопросу построения государственности на белорусских землях в годы Первой мировой войны, приводится их оценка, исследуется отношение германских властей и советского правительства к попыткам создания этой государственности [26, с. 66–73]. Данное исследование также представляет интерес, так как изучение национального движения этнических групп Беларуси невозможно без учета непосредственно белорусского национального движения.

В исследовании М. В. Цубы «Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі) 1914–1918 гг.» также уделено внимание национальному движению этнических меньшинств Беларуси, в частности польскому и еврейскому. Автор приводит ряд общественных организаций и объединений национальных меньшинств Беларуси, занимавшихся благотворительной деятельностью и оказанием помощи потерпевшим в войне, раскрывает функции благотворительных организаций [27, с. 49–55]. Данная работа интересна тем, что благотворительные организации напрямую связаны с социальной стороной общества в годы Первой мировой войны в Беларуси. Это еще один малоизученный аспект истории Беларуси данного периода. В XXI в. историки все больше обращают внимание на связь национального вопроса в Беларуси с различными этническими меньшинствами. Этот вопрос рассматривает историк Н. Е. Семенчик в статье «Еврейские организации Беларуси и национальный вопрос (март – октябрь 1917 г.)» [28, с. 115–136]. Историк М. В. Кобрин отмечает, что среди всех этнических групп, проживавших в Беларуси, особую активность к участию в национальном белорусском движении проявили литовцы [29, с. 164–166]. Кандидат исторических наук В. Г. Мазец утверждает, что национальные меньшинства Беларуси приняли достаточно активное участие в создании белорусской государственности в 1918 г. [30, с. 191–193]. Через все эти работы проходит тезис о значительной роли этнических меньшинств Беларуси в решении национального вопроса в годы Первой мировой войны.

Одним из наиболее современных исследований, освещающим проблемы национально-культурного развития на белорусских землях в годы Первой мировой войны, является коллективный труд ученых Института истории Национальной академии наук Беларуси – «На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы». Один из разделов полностью посвящен проблемам белорусской национальной идеи в конце XIX – начале XX в., в частности, освещен вопрос развития белорусской национальной идеи в годы Первой мировой войны. А. В. Унучек, автор раздела, дает оценку ряду вышеназванных работ, посвященных проблемам развития национальной идеи на белорусских землях в годы Первой мировой войны [31, с. 277–287]. Данная работа объединяет исследования историков различных направлений конца XIX – начала XX в. по развитию национального движения в Беларуси в различные периоды ее истории, в том числе в годы Первой мировой войны.

Проблема развития образования в годы Первой мировой войны также пополнила спектр проблем, интересующих современных белорусских историков. Становление и развитие образования на белорусских землях подробно изучено белорусским историком В. В. Ляховским. В его диссертационном исследовании «Адукацыя на акупіраваных Германіяй беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны» рассмотрено развитие национального образования основных этнических меньшинств данного региона в условиях германского оккупационного режима, обозначен межнациональный (польско-белорусский, русско-белорусский, немецко-еврейский и др.) контекст в регионе, повлиявший на образовательный процесс в Беларуси. В работе впервые показан процесс становления многонационального школьного дела в Беларуси [32, с. 1, 6]. В. В. Ляховский отмечает, что в связи с отменой языковых ограничений в начале XX в. постепенно стали открываться национальные школы различных этнических меньшинств Беларуси. В первую

очередь, это школы, организованные представителями польской, еврейской, литовской и латышской национальной элиты [33, с. 501–536]. В статье «Развіццё польскага школьніцтва ў заходняй частцы Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915–1918 гг.» В. В. Ляховский приходит к выводу, что наиболее активно в первоначальный период оккупации в зоне «Обер Ост» развивалась именно польская школа [34, с. 184–188]. Диссертационное исследование и научные статьи В. В. Ляховского представляют собой глубокий анализ не только школьного дела, но и культурного взаимодействия различных народов, проживавших на территории Беларуси.

В белорусской историографии начала XXI в. постепенно появляются работы, рассматривающие в целом положение этнических меньшинств Беларуси в годы Первой мировой войны. Так, изучается политика оккупационных властей и царской России по отношению к этническим группам, проживавшим на белорусских землях в рассматриваемый период.

Национально-культурной политике в отношении этнических меньшинств Беларуси (немцы, евреи, поляки) со стороны Российской империи посвящена статья С. С. Рудович «Этнічныя супольнасці Беларусі ў палітыцы царызму перыяду Першай сусветнай вайны (ліпень 1914 – люты 1917)». Исследователь проанализировал политику Российской империи по отношению к немцам, евреям и полякам, проживавшим на территории Беларуси в рассматриваемый период. Автор пришел к выводу, что царская Россия исходила из принципа неравного отношения к различным этническим меньшинствам [35, с. 177–182]. Это утверждение объясняет слабость развития национальной культуры на белорусских землях, находящихся вне зоны оккупации. Исследователь Д. А. Мигун в кандидатской диссертации «Политика Германии в отношении Беларуси (1914–1922 гг.)» к национальным меньшинствам Беларуси периода Первой мировой войны относит литовцев, евреев, поляков, латышей, русских и немцев. Таким был этнический состав населения территории «Обер Ост», включая Белостокско-Гродненский округ, по данным Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. По мнению исследователя, власти «Обер Ост» стремились придерживаться принципа одинакового отношения ко всем этническим группам в условиях руководства многонациональным регионом [8, с. 127]. В работе «Германия и Беларусь: Уроки истории» Д. А. Мигун рассматривает также некоторые аспекты национальной политики Германии по отношению к этническим меньшинствам оккупированной территории. Автор отмечает, что всем национальностям на территории «Обер Ост» была разрешена культурная деятельность и издание газет на родном языке, которые подвергались цензуре со стороны немецких властей [11, с. 12]. Некоторым вопросам национального-культурного развития этнических меньшинств Беларуси посвящены статьи Д. А. Мигун «Политика грабежа и насилия» и «Территория Беларуси в составе Обер Оста» [12, с. 145–148; 36, с. 558–570]. Работы этого историка позволяют создать общее представление о положении населения Беларуси, проживавшего на территории «Обер Ост».

Не менее интересной является работа Ю. Туронка, посвященная жизни и деятельности выдающегося белоруса Вацлава Ивановского – «Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі». Исследование затрагивает национальный вопрос на белорусских землях в период Первой мировой войны. Так, в скором времени после оккупации Беларуси немецкими войсками российское правительство позволило создание Белорусского товарищества помощи жертвам войны помимо Литовского и Польского. Таким образом, правительство Российской империи пыталось убедить белорусов в равном отношении ко всем национальностям западных губерний с их стороны [37, с. 85–86]. Как видим, прослеживается тенденция изменения отношения царских властей к различным этническим объединениям в зависимости от хода войны против Германии.

Немецкая оккупационная политика также частично рассматривается в статье О. В. Самович. Автор отмечает существование одинаковых прав для всех меньшинств на оккупированной территории, что предусматривалось одной из статей Указа об управлении «Обер Ост» от 7 июня 1916 г. За нарушение указа полагался штраф до 10000 марок или заключение в тюрьме сроком до 5 лет [38, с. 195–197]. Это свидетельствует об одинаковом отношении германского правительства ко всем этническим группам Беларуси.

Наряду с уже сложившимися направлениями в исследовании национально-культурного развития этнических меньшинств Беларуси, к примеру, положение евреев в годы Первой мировой войны [39], появляются новые аспекты для изучения. Так, в диссертационном исследовании С. Ф. Лапановича «Дзейнасць дзяржаўных і недзяржаўных арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам

у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.)» адзначаецца, што ряд благотворительных организаций оказывал помощь беженцам по территориальным и национальным признакам. Исследователь объясняет это тем, что некоторые категории населения западных губерний (прежде всего поляки и евреи) после выселения и отправления на восток оказались в непривычных для них политических и социальных условиях. Контактам беженцев с местным населением мешали языковые и религиозные барьеры. Чтобы помочь беженцам обосноваться на новом месте, были созданы обывательские и национальные комитеты. Следует отметить, что среди национальных и религиозных организаций самыми распространенными были еврейские и польские благотворительные комитеты [9, с. 5, 13, 16]. В своем исследовании С. Ф. Лапанович приводит данные количественного состава беженцев различных этнических групп, проживавших в Беларуси в годы Первой мировой войны. Эти данные можно использовать при работе над изучением количественного состава этнических меньшинств Беларуси в годы Первой мировой войны.

Имеющиеся на сегодняшний день в отечественной историографии материалы, опубликованные за последние два десятилетия, рассматривают различные аспекты положения этнических меньшинств на территории Беларуси в период Первой мировой войны. Причем по сравнению с 90-ми гг. XX в. за последние десять лет появилось достаточно большое количество работ по представленной теме. Однако до сих пор малоизученными остаются многочисленные проблемы по национально-культурному, социально-экономическому и политическому развитию этнических групп Беларуси в годы Первой мировой войны. В целом, нет комплексной научной работы, посвященной данным вопросам. На наш взгляд, эта проблема малоизучена, не нашла широкого освещения в белорусской историографии и требует глубокого и детального исследования отечественными историками. Освещение вопросов положения этнических меньшинств Беларуси периода Первой мировой войны поможет устранить ряд пробелов в отечественной историографии, а фактический материал и выводы исследования дополнят учебники и учебные пособия по отечественной истории.

Литература

1. Игнатенко, И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии / И. М. Игнатенко. – Минск: Наука и техника, 1986. – 343 с.
2. Бабков, А. М. Политика Германского империализма в Белоруссии в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / А. М. Бабков. – Минск, 1983. – 20 с.
3. Щавлинский, Н. Б. Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Б. Щавлинский. – Минск, 2000. – 21 с.
4. Щавлинский, Н. Б. Белорусское национальное движение в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) / Н. Б. Щавлинский. – Минск: РИВШ БГУ, 2001. – 136 с.
5. Щавлинский, Н. Б. Государственно-политическое и национально-культурное самоопределение Беларуси в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) / Н. Б. Щавлинский. – Минск: Мэджик Бук, 2009. – 191 с.
6. Щавлинский, Н. Б. Белорусская культура в годы Первой мировой войны (1914 – 1918 гг.) / Н. Б. Щавлинский. – Минск: РИВШ БГУ, 2002. – 78 с.
7. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Минск: Беларусь, 1993. – 236 с.
8. Мигун, Д. А. Политика Германии в отношении Беларуси (1914–1922 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Д. А. Мигун. – Минск, 2001. – 128 с.
9. Лапановіч, С. Ф. Дзейнасць дзяржаўных і недзяржаўных арганізацый па аказанні дапамогі бежанцам у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны (1914 – кастрычнік 1917 г.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / С. Ф. Лапановіч. – Мінск, 2002. – 20 с.
10. Рудович, С. С. К вопросу о половозрастном и этносоциальном составе беженцев Первой мировой войны в Беларуси // Женщина. Общество. Образование: материалы 12-й Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 18–19 декабря, 2009 г. – Минск: Женский институт «Энвила», 2009. – С. 636 – 640.
11. Мигун, Д. А. Германия и Беларусь: Уроки истории / Д. А. Мигун. – Минск: РИВШ БГУ, 2001. – 63 с.
12. Мигун, Д. А. Политика грабежа и насилия / Д. А. Мигун // Белорусская думка. – 2001. – № 8. – С. 145–148.
13. Иоффе, Э. Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий науч.-попул. очерк / Э. Г. Иоффе. – Минск: ПКФ «АРТИ-ФЕКС», 1996. – 292 с.
14. Герасимова, И. П. Еврейское образование в Белоруссии в XIX – начале XX в. и отношение к нему российского самодержавия: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. П. Герасимова. – Минск, 1996. – 23 с.
15. Савицкий, Э. Еврейская благотворительность в Беларуси XIX–XX вв. / Э. Савицкий // Евреи в Беларуси: история и культура; отв. ред. И. Герасимова. – Минск: ПКП «Арти-Фекс», 1998. – Вып. 3–4. – С. 18–21.
16. Цітоў, В. Нямецкая дыяспара ў Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. – Albarutenica / В. Цітоў // Беларуская-нямецкая грамадска-культурная ўзаемаадносіны: гісторыя, сучаснасць, перспектывы: матэрыялы міжнар. навук. канф., Мінск: Нац. навукова-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны, 1996. – Кн 7. – С. 105–106.

17. С я м е н ч ы к, М. Я. Польскі рух на Беларусі (сакавік 1917 – сакавік 1918 г.) / М. Я. Сяменчык // Гісторыя Беларусі: новае ўдаследаванне і выкладанне: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Мінск, 27 сакавіка, 1999 г. – Мінск, 1999. – Ч. 1. – С. 190 – 194.
18. М и г у н, Д. А. Газета 10-й немецкой армии как источник к вопросу о политике Германии на территории Беларуси в 1915–1916 гг. / Д. А. Мигун // Сборник трудов молодых ученых и аспирантов. Вып. 1. – Минск: РИВШ БГУ, 1999. – С. 53–54.
19. В е с я л к о ў с к і, Ю. Беларусь у Першай Сусветнай вайне / Ю. Весалякоўскі. – Беласток; Лондан, 1996. – 361 с.
20. Л а т ы ш е в а, В. А. Население Беларуси по переписям 1897 и 1926 гг.: сравнительный анализ: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. А. Латышева. – Минск, 2007. – 20 с.
21. К а р н я л ю к, В. Р. Фактары гісторыка-дэмаграфічных змен у складзе насельніцтва Беларусі ў 1913–1918 гг.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / В. Р. Карнялюк. – Мінск, 2001. – 108 с.
22. А д а м у ш к о, В. И. Архивные источники о событиях Первой мировой войны на территории Беларуси / В. И. Адамушко // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Сморгонь, 18–19 мая 2007 г.; навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі. – Мінск, 2009. – С. 53–67.
23. С м а л я н ч у к, А. Ф. Польскі грамадска-палітычны рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г.: аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.02 / А. Ф. Смелянчук. – Мінск, 2002. – 39 с.
24. С м а л я н ч у к, А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864 – люты 1917 г. / А. Смелянчук. – 2-е выд., дапрац. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 404 с.
25. Т р у с а ў, А. А. Сярэдняя Літва / А. А. Трусаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. – № 11. – С. 11–13.
26. Т у р о н а к, Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2006. – 877 с.
27. Ц у б а, М. В. Першая сусветная вайна на Беларусі ў кантэксце сусветных ваенных падзей (грамадскі і ваенны бакі) 1914–1918 гг. / М. В. Цуба. – Пінск: ПДУ, 2010. – 304 с.
28. С я м е н ч ы к, М. Я. Яўрэйскія арганізацыі Беларусі і нацыянальнае пытанне (сакавік – кастрычнік 1917) / М. Я. Сяменчык // Айчынная і сусветная гісторыя: сучасныя погляды і метады даследаванняў: У 2 ч. – Мінск: Бел. дзярж. пед. ун-т, 2000. Ч. – 1: Агульныя пытанні гісторыі Беларусі. – С. 115–136.
29. К о б р ы н, М. У. Адносіны этнічных супольнасцей Беларусі да беларускага нацыянальнага руху ў пачатку XX ст. (гіст. аспект) / М. У. Кобрын // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць; навук. рэд. У. Навіцкі, М. Сташкевіч. – Мінск, 2001. – 387 с.
30. М а з е ц, В. Г. БНР і праблемы нацыянальных супольнасцей на Беларусі / В. Г. Мазец // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць; навук. рэд. У. Навіцкі, М. Сташкевіч. – Мінск, 2001. – 387 с.
31. На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / В. В. Яноўская [і інш.]; навук. рэд. В. В. Яноўская; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – 311 с.
32. Л я х о ў с к і, У. В. Адукацыя на акупіраваных Германіяй беларускіх землях у гады Першай сусветнай вайны: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / У. В. Ляхоўскі. – Мінск, 2007. – 22 с.
33. Л я х о ў с к і, У. В. Становішча рускамоўнай адукацыі ў зоне германскай акупацыі на тэрыторыі Беларусі падчас Першай сусветнай вайны / У. В. Ляхоўскі // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Сморгонь, 18–19 мая 2007 г.; навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі. – Мінск, 2009. – С. 501–536.
34. Л я х о ў с к і, У. В. Развіццё польскага школьніцтва ў заходняй частцы Беларусі падчас нямецкай акупацыі 1915–1918 гг. / У. В. Ляхоўскі // Этнічныя супольнасці Беларусі: гісторыя і сучаснасць. Матэрыялы навук. канф. (Мінск 6–7 снежня 2001 г.) / У. І. Навіцкі, М. С. Сташкевіч. – Мінск: Дзедзіца, 2002. – С. 184–188.
35. Р у д о в і ч, С. С. Этнічныя супольнасці Беларусі ў палітыцы царызму перыяду Першай сусветнай вайны (ліпень 1914 – люты 1917) / С. С. Рудовіч // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць; навук. рэд. У. Навіцкі, М. Сташкевіч. – Мінск, 2001. – 387 с.
36. М и г у н, Д. А. Территория Беларуси в составе Ober Ost / Д. А. Мигун // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Сморгонь, 18–19 мая 2007 г.; навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі. – Мінск, 2009. – С. 501–536.
37. Т у р о н а к, Ю. Вацлаў Іваноўскі і адраджэнне Беларусі / Ю. Туронак. – Мінск: Медісонт, 2006. – 178 с.
38. С а м о в і ч, В. В. Нямецкая акупацыйная палітыка і паўсядзённае жыццё насельніцтва (1915–1917 гг.) / В. В. Самовіч // Первая мировая война: история, геополитика, уроки истории и современность: материалы междунар. науч. конф. – Витебск, 2008. – С. 195–197.
39. И о ф ф е, Э. Г. Белорусские евреи в годы Первой мировой войны / Э. Г. Иоффе // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Сморгонь, 18–19 мая 2007 г.; навук. рэд. А. М. Літвін, У. В. Ляхоўскі. – Мінск, 2009. – С. 641–656.

О. P. DMITRIEVA

ETHNICAL MINORITIES OF BELARUS IN THE FIRST WORLD WAR IN NATIONAL HISTORIOGRAPHIC WORKS OF THE 90-IES OF XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURY

Summary

This article is devoted to the different aspects of ethnic minorities' position having lived in Belarus during World War I. Researches carried out by Belarusian historians of 90th years of the XX century and of the beginning of the XXI century have been analyzed. Insufficient degree of researches has been noticed on the questions connected with national-cultural, social-economic and political development of ethnic minorities having taken place under the German occupation and under the influence of the Russian Empire government.

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

УДК 792.2.03(476-25)

А. А. САВІЦКАЯ

СУЧАСНАЯ ПРАБЛЕМАТЫКА Ё РЭПЕРТУАРЫ ДЗІЦЯЧАГА ТЭАТРА (ПРАКТЫКА БЕЛАРУСКАГА ТЭАТРА ЮНАГА ГЛЕДАЧА)

Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы НАН Беларусі

(Паступіў у рэдакцыю 13.09.2010)

Мастацтва тэатра – мастацтва рэальнага часу. Сцэнічны твор жыве па-сапраўднаму тут і зараз. Як толькі спектакль заканчваецца, ён становіцца фактам гісторыі. У прыродзе тэатральнай творчасці сучаснае прысутнічае як катэгорыя эстэтычная. Пастаноўкі класічных п’ес так ці інакш абавязкова суадносяцца з рэчаіснасцю, насычаюцца асацыятыўна-вобразнымі сувязямі з навакольным жыццём. Прама і непасрэдна свет сучаснага раскрываецца ў спектаклях, якія адлюстроўваюць рэаліі сённяшняга дня. Яны ў значнай ступені актуалізуюць грамадска-культурную дзейнасць тэатра і дэмакратызуюць яго рэпертуарную палітыку.

Мастацкае асэнсаванне з’яў рэчаіснасці вызначае характэрную тэндэнцыю ў агульным тэатральным працэсе. Разам з тым у дачыненні да дзіцячага тэатра спектаклі на сучасную тэму займаюць не толькі асаблівае, але і вельмі адказнае месца. У іх эстэтычныя мэты мусяць найбольш шчыльна знітоўвацца з пытаннямі выхаваўчымі, педагагічнымі. Аналіз гэтых прац дазваляе глыбей раскрыць спецыфіку «тэатра асобага прызначэння», у нашым выпадку – Беларускага рэспубліканскага тэатра юнага гледача.

Пытанні, звязаныя з тэатральнай распрацоўкай сучаснай тэмы, актуальныя па вызначэнню. Іх надзённасць абвастраецца ў спектаклях, адрасаваных 11–14-гадовым падлеткам, для якіх навакольная рэчаіснасць з’яўляецца не абстаноўкай, а крыніцай развіцця асобы. На сённяшні дзень айчыннаму тэатразнаўству істотна бракуе даследаванняў дадзенай праблематыкі. Яна прадстаўлена толькі ў асобных раздзелах калектыўнага выдання «Гісторыя беларускага тэатра» (т. 2 – 1985, т. 3 – 1987) і ў дзвюх манаграфіях – С. Пятровіча «Дзіцячы тэатр БССР (1931–1941 гг.)» (1983) і А. Савіцкай «Беларускі тэатр юнага гледача: вопыт эстэтычнага выхавання» (2008). Аднак і ў гэтых даследаваннях размова пра сучасны спектакль для дзяцей нагадвае больш-менш шырокі крытычны агляд адпаведных пастановак у звязку з іншымі тэматычнымі кірункамі. Асноўны пласт публікацый, якія тычацца ўвасаблення сучаснага твора, складаюць рэцэнзіі на канкрэтныя працы, рэдкія выказванні тэатральных дзеячаў, арганізаваныя абмеркаванні і водгукі гледачоў. У кожным выпадку адчувальныя абмежаванасць вопыту і пэўная наіўнасць у поглядах на дзіцячы спектакль.

Існуючыя ў пераважнай большасці побытавыя ўяўленні мусяць быць замененыя навуковымі паняццямі. Перадусім трэба адзначыць зыходны фактар у мастацкім асэнсаванні зладзённых праблем для дзіцячага тэатра. Яго вызначаюць псіхалагічныя асаблівасці найбольш крызіснага пераходнага ўзросту тых, пра каго ідзе размова ў спектаклі, і тых, каму гэты спектакль адрасаваны.

Падлеткавасць абазначае пераломную эпоху ў развіцці асобы. Маецца на ўвазе час, калі інтарэсы, перакананні, светаўспрыманне, ідэалы і маральныя нормы становяцца ўнутраным зместам, а чалавек у сабе (дзіця) ператвараецца ў чалавека для сябе (падлетка). Вызначаючы сут-

насць такога ператварэння, вядомы вучоны, аўтар фундаментальных прац у галіне псіхалогіі выхавання сталёвых людзей Л. Бажовіч піша, што ў 11–14 год «...человек перестает лишь приспособляться к обстоятельствам, а начинает вмешиваться в эти обстоятельства, «творить их», а также «творить» самого себя» [2, с. 54].

У падлеткавым узросце фарміруецца адметная структура асобы, адбываецца напружаны пераход у другі, зусім іншы эмацыянальна-псіхалагічны стан. Не выпадкова герой аповесці «Отрочество» Л. Талстога новы этап свайго жыцця адзначае наступным чынам: «Случалось ли вам, читатель, в известную пору жизни вдруг замечать, что ваш взгляд на вещи совершенно изменяется, как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной? ...Мне в первый раз пришла в голову ясная мысль о том, что не мы одни, то есть наше семейство, живем на свете, что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании» [8, с. 123, 124].

Пераходны перыяд 11–14 год праходзіць супярэчліва, напоўнены драматычнымі новаўтварэннямі. Асабліва інтэнсіўна фарміруецца пачуццё ўласнай годнасці, самапавагі. У паводзінах падлетка ў павышанай ступені праяўляюцца эмацыянальная ўзбуджанасць, запальчывасць, неўраўнаважанасць, імпульсіўнасць, унутраная незадаволенасць. Яго ўчынкі суправаджаюцца імкненнем да адзіноты, самаізаляцыі, часам варожай устаноўкай у адносінах да ўсіх, хто акружае. Гэтыя і іншыя фундаментальныя асаблівасці дадзенага ўзросту жыцця вымагаюць і ўзроставага падыходу да выхавання чалавека, у тым ліку, безумоўна, і выхавання эстэтычнага. У апошнім выпадку неабходна адзначыць яшчэ дзве акалічнасці. Першая звязана з тым, што падлетак здольны ўжо мысліць з дапамогай метафар, яго фантазія набывае творчы характар, становіцца актыўнай і адвольнай. Другая абумоўлена найбольш высокім узроўнем, на які ўзнімаюцца сацыяльныя паводзіны падлетка.

Адзначаныя асаблівасці раскрываюць сутнасць працэсаў самасвядомасці і самавызначэння і таму маюць прынцыповае значэнне ў мастацкай інтэрпрэтацыі пераходнага перыяду ад дзяцінства да сталасці. Што тычыцца дзіцячага тэатра, іх вобразнае асэнсаванне з'яўляецца як перадумовай, так і звышзадачай спектакля, асабліва спектакля на сучасную тэму. Як сведчыць сцэнічная практыка, ігнараванне гэтага палажэння цягне за сабой значныя страты і для тэатральнага мастацтва, і для грамадскага руху.

Тэатр юнага глядача Беларусі адкрыўся ў 1931 годзе – у пару шырокага разгортвання індустрыі дзіцячай культуры і мастацтва, якое ажыццяўлялася пад жорсткім ідэалагічным наглядам. Тэатральная дзейнасць цалкам абумоўлівалася грамадска-палітычнымі ўстаноўкамі, непарушным лічылася яе сацыяльнае рэгламентаванне. Так, на Першай Усерасійскай канферэнцыі па пытаннях працы тэатраў для дзяцей (1930) быў абвешчаны неабходным зварот да сучаснага жыцця і прызнаны шкодным свет казачных вобразаў і легкаважных тэм.

Зразумела, што беларускі дзіцячы тэатр мог фарміравацца выключна як тэатр сучаснай драматургіі. На сцэне ТЮГа дамінавалі творы, якія вырашалі праблемы надзённага жыцця. Так, з адзінаццаці п'ес, пастаўленых за перыяд з 1931 па 1937 год, дзевяць адлюстроўвалі бягучы дзень ці падзеі апошняга часу. Канкрэтна выбар п'ес абмяжоўваўся апрабаваным рэпертуарам дзіцячых тэатраў Масквы і Ленінграда.

Паўны поспех меў у юных глядачоў спектакль «Наш» ленінградскай пісьменніцы М. Знык (1932). У п'есе закранаецца тэма грамадзянскай вайны ў Беларусі, класавай барацьбы на вёсцы, што ўжо абумоўлівае востры сюжэт, напружанае дзеянне. Рэжысёр і мастак спектакля М. Кавязін умела скарыстаў дадзеную акалічнасць: сцэнічны твор атрымаўся хвалючым і дынамічным. Адкрытасцю і непасрэднасцю захапляў галоўны герой – Паўлік М. Заборскай, шчырым выкананнем прыцягвалі ўвагу масавыя сцэны.

Маральна-этычную праблематыку закранае п'еса А. Крона «Вінтоўка № 492116» – адна з лепшых тагачасных дзіцячых п'ес. Пасля паспяховага ўвасаблення на сцэне маскоўскага Першага дзяржаўнага тэатра для дзяцей (1929) яна шырока ставілася па ўсёй краіне. У 1933 годзе яе пастаноўку ажыццявіў і М. Кавязін.

«Вінтоўка № 492116» імпанавала педагогічнаму тэатру. У п'есе размова ідзе пра выхаванне беспрытульных дзяцей. Чатыры падлеткі па мянушцы Ірад, Разань, Паташон і Ахметка аказва-

юцца сярод чырвонаармейцаў, і тут адбываецца іх вяртанне да чалавечага жыцця. Выхавацелем у асобе камандзіра Эйна з'яўляецца Чырвоная Армія. Актуальнасць, зладзённасць тэмы была відавочная, без асаблівых удакладненняў яна і спрацоўвала ў сцэнічным творы.

З мэтай адкрыта наблізіцца да дзіцячага ўспрымання была ажыццёўлена пастаноўка п'есы «Шлях далёкі» М. Шастакова (1934). У творы закранаецца стандартная для 1930-х гадоў тэма класавага, палітычнага выхавання падрастаючага пакалення. Драматургічным матэрыялам на гэты раз паслужыла жыццё савецкіх піянераў і іх сяброўства з дзецьмі працоўных капіталістычных краін.

Спектакль «Шлях далёкі» разлічваўся на малодшых школьнікаў і прадугледжваў іх масавы ўдзел у дзеянні. Фактычна пастаноўка будавалася ў адпаведнасці з папулярнай на той час тэорыяй «спектакля-гульні». Беларускія акцёры больш-менш старанна яе «выклалі» на практыцы.

Тэматычная абмежаванасць цягнула за сабой абмежаванасць творчую. Пэўныя зрухі не беспадстаўна звязваліся з пастаноўкай нацыянальнай п'есы, і ў 1936 годзе на афішы тэатра з'явіўся спектакль «Ная» М. Зарэцкага ў рэжысуры М. Кавязіна.

П'еса «Ная» – апошні драматычны твор, які паспеў надрукаваць М. Зарэцкі. Тут аўтар звяртаецца да далёка не простага тэмы жыцця цыган, але вырашае яе ў рэчышчы аднастайных агітацыйна-прапагандысцкіх устаноў. Гістарычна выпрацаваны побыт народа, спрадвечны ўклад яго існавання выстаўляюцца ў п'есе як перажытак старога, ужо адрынутага рэвалюцыйнай грамадскага ладу. Пакласці канец негатыўным праявам можа толькі пераход цыганскага насельніцтва да аседлага жыцця ў адзінай сям'і калгаснікаў.

Цэнтральнае месца ў сюжэце твора займае вобраз дзесяцігадовай дзяўчынкі-цыганкі Наі. У двухгадовым узросце яна засталася сіратой і з тае пары жыве ў чужых людзей, сярод вандруючых цыган, зазнаючы зусім не дзіцячы клопат. Самазваныя «дабрадзеі» – Якуб, яго маці Мар'яна і жонка Зора – прымушаюць Наю красці, зарабляць грошы вулічнымі скокамі. Аднак, як бы дзяўчынка ні старалася, чужы ёй даводзіцца адно – папрокі ды лаянку, зносіць пагрозы і цярдзюць пабоі. Вырвацца з гэтага жудаснага палону і знайсці старэйшага брата Наі дапамагаюць юныя піянеры Юзік і Мікіта.

Выконваючы сацыяльны заказ, М. Зарэцкі відавочна згушчаў фарбы ў абмалёўцы нораваў цыганоў-вандруюнікаў. Якуб і яго родныя характарызуюцца не толькі жорсткім абыходжаннем з Наей, але яшчэ і зняважлівымі, грубымі адносінамі паміж сабой. Абагульненні, якія робіць драматург, істотна разыходзяцца з рэальнасцю.

Уласны голас М. Зарэцкага прагучаў у тым, што галоўным героем яго п'есы выступае «несвядомае дзяўчо». Сённяшняя крытыка слухна заўважае, што «ў гады, калі магістральнымі тэмамі літаратуры абвешчваліся калектывізацыя, індустрыялізацыя, тэма выкрыцця ўнутраных ворагаў, увага пісьменніка да скрыўджанай жыццём асобы была праяўленнем сапраўднай чалавечнасці» [4, с. 402].

Можна меркаваць, што на абарону маленькага чалавека было скіраванае і сцэнічнае прачытанне п'есы М. Зарэцкага. Такі сэнсавы акцэнт мог прыкметна вылучаць спектакль «Ная» з ліку ўсіх іншых работ тэатра. Ёсць сведчанні, што «гэта была яркая і цікавая пастаноўка, і гледачы сустрэлі яе прыхільна» [5, с. 43]. На жаль, якіх-небудзь больш канкрэтных ацэнак спектакля не захавалася. Ён прайшоў усяго некалькі разоў і быў зняты з рэпертуару як ідэалагічна не вытрыманы твор. Пастаноўка аказалася заложніцай палітычнага тэрору, ахвярай якога стаў сам аўтар п'есы.

Новае гучанне на тэатральных падмостках праблемы надзённага жыцця набываюць у другой палавіне 1950-х гадоў. Адноўлены пасля Вялікай Айчыннай вайны Беларускі рэспубліканскі тэатр юнага гледача пад кіраўніцтвам Л. Мазалеўскай (1955) адразу актыўна ўключыўся ў працу над актуальнымі творами. У спектаклях «Аркадзь Жыгалкін» Я. Пасава (1957) і «У пошуках радасці» В. Розава (1958), пастаўленых галоўным рэжысёрам, сучасная тэма атрымала па-тэатральнаму выразнае маральна-этычнае тлумачэнне, была напоўнена духоўным, агульначалавечым зместам.

Спектакль «Аркадзь Жыгалкін» можа служыць яскравым прыкладам удумлівай і плённай працы тэатра з пачынаючым драматургам. Пастаноўка мела шырокі грамадскі рэзананс. Настаўнікі

дыскуціравалі наконт праблемы «цяжкага» падлетка, правільнага–няправільнага выхавання. Тэатральныя крытыкі абмяркоўвалі характар і спосабы яе мастацкага вырашэння. Гледачы ж, якім адрасаваўся спектакль, знаходзілі ў ім шмат пазнавальнага і захапляліся блізім: «Аркадзь Жыгалкін (яго ролю выконваў сёння ўсім вядомы беларускі кінарэжысёр І. Дабралюбаў. – А. С.) надоўга стаў кумірам для многіх мінскіх школьнікаў» [7, с. 29].

Этычны складнік спектакля быў для Л. Мазалеўскай не менш важкім і каштоўным, чым складнік эстэтычны. Гэтым тлумачыцца яе асабліва зацікаўленасць да драматургіі В. Розава.

Сямейныя клопаты, непаразуменні паміж дарослымі і дзецьмі раскрываюцца В. Розавым з асаблівым унутраным напружаннем, канцэнтравана, і таму яны, звыклыя ў побыце, у мастацкім творы напаўняюцца абагульняючым, агульначалавечым сэнсам. Розаўскае светаўспрыманне адчувалася ў спектаклі. Яго стваральнікі і перш-наперш рэжысёр Л. Мазалеўская, як і драматург, былі гранічна шчырыя ў раскрыцці чалавечай прыроды. Адэкватна праяўляўся крытычны струмень, пад які падпадалі пошласць, нядобрасумленнасць, бязмежная прага да нажывы, маральная спустошанасць. Аднак у галоўным сцэнічная версія, як і яе літаратурная аснова, была мастацкім выказваннем аб светлых і чыстых пачуццях, якія праносіць чалавек праз усё сваё жыццё.

Не ўсе выканаўцы арганічна ўвайшлі ў задуманы рэжысёрам спектакль. Незавершаным застаўся вобраз Алега, якога прадстаўляў нядаўні выпускнік Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў І. Слатвінскі. Перадусім ён не змог вызначыцца з тым, як трактаваць узрост свайго героя: у адных сцэнах яго не ўлічваў, у другіх – занадта педаліраваў, што ўносіла фальш у ігру. З выклікам, правакацыйна дэманстравала мяшчанскія замашкі Леначка В. Козмер, з-за чаго вобраз выбіваўся з агульнага псіхалагічна абгрунтаванага дзеяння. А вось дзве інтэрпрэтацыі Фёдора пераконвалі ў неадназначнасці дадзенага характару: «У Фёдора – Лебедзева воля зломана назаўсёды. Характар Фёдора – Дубашынскага – гэта часовая аслепленасць, невялікае патуранне капрызам любімай жанчыны, але верыцца, што ён яшчэ зразумее сваю памылку і стане, кім быў» [6]. Новыя грані таленту Э. Аўчыннікавай праявіліся ў ролі Таццяны. Душэўную разгубленасць Генадзя і адначасова яго нацэленасць на дабро выразна раскрываў Б. Барысёнак. Нарэшце Ю. Фляйто стварыла пераканаўчы, эмацыянальна напоўнены вобраз Клаўдзіі Васільеўны – Маці з вялікай літары.

Спектаклю «У пошуках радасці» бракавала паслядоўнасці дзеяння, стройнасці выканання. Аднак гэта ніколькі не адмаўляла яго значнасці ў дыялогу з гледачом. Вельмі важна і тое, што пастаноўка адпавядала праграмным пазіцыям тэатра.

Аднак дасягнутае Л. Мазалеўскай не атрымлівае належнага працягу і развіцця. У наступныя дзесяцігоддзі назіраецца рэзкае пагаршэнне сітуацыі з сучасным рэпертуарам для падлеткаў, адбываецца як колькаснае, так і якаснае звужэнне дадзенай рэпертуарнай лініі. Рэдкімі астраўкамі вылучаюцца адмыслова задуманыя і выразна выкананыя спектаклі «Пузыркі» А. Хмеліка (1965), «Пойдзем у кіно?..» А. Алексіна (1978) і «Уся надзея» М. Рошчына (1986).

У п'есе «Пузыркі» А. Хмелік арыгінальна трактуе дзяжурны сюжэт, калі галоўнай дзеючай асобай выступае лепшы прадстаўнік класнага калектыву, асноўнай жа характарыстыкай юных герояў з'яўляецца іхняя грамадска-карысная дзейнасць. Сапраўды, цэнтральнае месца ў п'есе займае старшыня савета атрады 7-га класа «А» Юра Узюмаў і ён жа аказваецца завадатарам далёка не лепшых дзеянняў сваіх аднакласнікаў. З аднаго боку, падлеткі свой вольны час не трацяць: збіраюць металалом, макулатуру, аптэчныя пузыркі, даглядаюць за хворымі старымі. З другога – дзеля перамогі ў спаборніцтве ламаюць жалезную агароджу ля сквера; крадуць каўпакі ад новага «Масквіча»; занепакоеныя тым, каб бабулька як мага даўжэй хварэла, што павялічыць колькасць сабраных пузыркоў. І ў абарону такой, мякка кажучы, ганебнай справы Юра знаходзіць гучныя аргументы: «не для сябе берем, для государства!», са здабытага металалому «построят тепловоз и напишут: «Пионерский» [10, с. 81]. Многае сыходзіць з рук гора-актывістам, толькі няхітрая махінацыя з пузыркамі якраз і не прайшла.

У п'есе героі-падлеткі надзелены характэрнымі, тыповымі рысамі. Лёгка ўявіць сабе нават Машку Грыбаедаву, якая непасрэдна ў дзеянне не ўключаецца. Адметнымі і пазнавальнымі атрымаліся яны і ў спектаклі, пастаўленым У. Маланкіным. Нязмушаная манера ігры, на якой настойваў рэжысёр, дапамагала актёрам арганічна існаваць у ролях хлопчыкаў і дзяўчынак.

Яны знаходзілі персанальныя матывіроўкі ўчынкаў кожнага ў здзяйсненні агульнай справы. Самаўпэўнена і па-смешнаму напышліва спраўляў свае паўнамоцтвы Юра Р. Маленчанка; з гукарам прадстаўлены А. Фурманавай небарака Пеця Нечытайла поўнасьцю адпавядаў свайму прозвішчу; наадварот, кемлівым, спрытным выканаўцам даручанай справы быў Валодзя Лапцеў у выкананні К. Мізгайла; мяккімі лірычнымі фарбамі малявала вобраз наіўнага Гарыка Еўрумяна Ю. Палосіна; шустрым і не па гадах спрактыкаваным выглядаў першакласнік Пятроў З. Паўлоўскай; у кампаніі хлапчукоў іскрыстым праяўленнем характару вылучалася Таня Скрыпцына А. Бендавай. Агульнае і галоўнае было тое, што кожны персанаж уяўляўся асобай.

Выстаўляючы на асуджэнне на першы погляд бяскрыўдныя прыдумкі Юры і яго сяброў, А. Хмелік недвухсэнсавы ўказвае на адказнасць дарослых, грамадства за выхаванне юных душ. У. Маланкін уважліва паставіўся да аўтарскай пазіцыі. Яна дакладна праяўлялася ў глыбокіх і трапных характарыстыках, вынаходлівых мізансцэнах. Крытычна, аднак, успрымалася вострая сатыра, з дапамогай якой рэжысёр імкнуўся калі-нікалі абагульняць сцэнічнае дзеянне. Яна прарэчыла незласлівай мяккай танальнасці п'есы, ды і ўвогуле сатыра як форма мастацкага асэнсавання рэчаіснасці не з'яўляецца арганічнай для ўспрымання падлеткаў, якім у першую чаргу адрасаваўся спектакль «Пузыркі».

Характэрныя рытмы і танальнасць выказвання ўласцівы п'есе А. Алексіна «Пойдзем у кіно?..». І без таго няспешную хадку падзей драматург быццам бы знарок прытрымлівае, прапануючы ўгледзецца ў кожную дзеючую асобу, услухацца ў любое слова і не спяшацца з высновамі. Галоўнай матывацыяй дзеяння з'яўляецца першае, юнацкае каханне, чым і абумоўліваецца своеасаблівы лірызм твора. Гэта непаўторнае пачуццё раскрываецца праз учынкi рэальнага і ўяўнага герояў. Рэальны – васьмікласнік Андрэй з 1969 года, уяўны – яго дзядзька Валодзя, матчыны брат, які загінуў на фронце ў час Вялікай Айчыннай вайны.

Андрэй адкрывае для сябе наступнае: «...любить надо только того человека, который достоин любви. А радость дарить тому, кто нуждается в радости!» [1, с. 176]. Драматурга, здаецца, не бянтэжыць некаторая штучнасць фармулёвак падлетка. Галоўнае – сутнасць учынкаў, якія вызначаюць душэўныя зрухі юнага героя. Прадмет кахання Андрэя – Ліля не толькі не падзяляе яго пачуцця, але і кпіць з яго. Андрэй здолеў узняцца над уласнай крыўдай і папрасіць высакамерную васьмікласніцу, каб яна больш клапацілася аб сваім бацьку. Праз трыццаць гадоў у старой энцыклапедыі Андрэй знаходзіць «Ліст у 1970-ы год», напісаны дзядзькам Валодзем да сваёй каханай. У пошуках адрасата ён аказваецца перад маральным выбарам: зрабіць фармальна і аддаць ліст той, якая і ў школе не звяртала ўвагі на Валодзю і цяпер ледзь успомніла яго, ці ўтаіць праўду і прынесці свята з лістом той, хто Валодзю кахаў і ўсё яшчэ кахае. Андрэй спыняецца на апошнім. Перажыванні героя, праца яго душы зусім не штучныя, пытанне ж «пойдзем у кіно?» становіцца сувязным звязом у дыялогу пакаленняў.

Спектакль «Пойдзем у кіно?..» вырашаўся ў жанры лірычнай драмы. Рэжысёр І. Папоў не проста перадаваў стыль аўтарскага пісьма. У яго інтэрпрэтацыі лірычны матыв узбагачаўся псіхалагічнымі фарбамі і адценнямі, што дазваляла паміж іншым зняць пэўную рытарычнасць «датскай» п'есы. На тую пару было прыныцовым, што да гэтага ўзбагачэння рэжысёр ішоў праз выяўленне акцёрскай індывідуальнасці, праз дасканалую распрацоўку характараў.

Выразна раскрываліся лёсы трох розных жанчын: маці Андрэя Людмілы Васільеўны, Клаўдзіі Філімонавай і Мар'яшы. Актрысы Р. Маленчанка, С. Ніканчык і Л. Горцава будавалі ролі на празрыстым перапляценні мінулага – юнацтва і цяперашняга часу – сталасці сваіх гераінь, што рабіла вобразы адметнымі, іх сцэнічнае жыццё эмацыянальна напоўненым. Крыху аднабоковым успрымаўся Міхалёў (Б. Барысёнка). Выканаўца засяродзіўся на побытавых складанасцях, няўпэўненасці персанажа перад жонкай і дачкой, але не выявіў матываў такога душэўнага стану Міхалёва. Колішняе юнацтва не ўвайшло ў біяграфію вобраза, і ён пазбавіўся характэрнай лірычнай афарбоўкі.

Сапраўднай рухаючай сілай спектакля быў у пэўнай ступені антыпод Міхалёва – яго малады сучаснік Андрэй у выкананні С. Жураўля. Рэжысёр дапамог акцёру выйсці з кола аднатыпных прац і ўпэўнена раскрыцца ў ролі васьмікласніка, які праходзіць складаны шлях сталення асобы.

Абнаўленчыя павевы адчуваліся ў спектаклі «Уся надзея» М. Рошчына. У сцэнічным творы шчырую цікавасць выклікалі і актуальная праблема, і яе мастацкае асэнсаванне.

У драме М. Рошчын знаходзіць своеасаблівы паварот так званай «тэмы падлеткаў». У адрозненне, напрыклад, ад розаўскіх хлопчыкаў яго гераіні – учарашнія школьніцы і сённяшнія навучэнцы ПТВ – Надзя Белаглазава, яе сяброўкі Лянок, Бухара і Жырафа не бунтуюць, не ламаюць меблі ў кватэры дзеля таго, «каб дом быў чысты». У сям’і кожная існуе прыстойна. Сапраўднае жыццё гэтых дзяўчынак – вуліца, тут яны сцвярджаюць сябе, сцвярджаюць дзёрзка, часам бязлітасна.

Праз вобразы Надзькі, Лянка, Бухары і Жырафы ў п’есе і асабліва ў спектаклі раскрывалася абвостраная ўспрымальнасць дзяўчынак, іхняя агульная ўнутраная цяга да дабрыні, ад якой яны самі ж і бягуць, як ад чумы. Разам з тым тэатр, уваходзячы ў становішча «цяжкага ўзросту», жорстка ставіў пытанне і перад дарослымі: ці не з’яўляецца ў сапраўднасці адвольнае стаўленне дарослых да падлеткаў прамым вытворным іх раўнадушша? У хуткім часе і чыноўнікі ад мастацтва мусілі загаварыць аб тым жа: «Мы павінны прызнаць, што іх (падлеткаў. – А. С.) пагарду да свету дарослых мы заслужылі – сваім двудушшам, канфармізмам, гатоўнасцю да кампрамісаў, непамерным ужываннем гучных слоў і прыгожых фраз» [9, с. 28].

Рэжысёр У. Караткевіч драматызаваў дзеянне праз асобныя эмацыянальна напружаныя сцэны, у якіх раскрываўся жыццёва верагодны і адначасова па-мастацку абагульнены вобраз. Так, драматургічным вузельчыкам стала сцэна ў парку, дзе Лянок, Бухара і Жырафа па звычцы разыгрывалі прахожых, выпрошваючы ў іх пятакі ды двушкі; Надзька ж, як і належыць «лідару», разжаліўшы жанчыну сваім уяўным сіроцтвам, дзеля забавы атрымлівала ад яе слоік венгерскага кампоту. Абвастрала канфлікт сцэна ў кватэры мамкі Клаўдзі, дзе, не цырымонячыся перад дзяўчынкамі, раскрывала душу мамка Шура, якая прыляцела за Надзенькай з Далёкага Усходу і не прапускала цяпер моманту назваць яе сваёй «ракавой памылкай». Узнімала градус драматызму сцэна, калі Надзька, якую, здавалася, ужо нічым не проймеш, якая нават і прасіць не ўмела – адно патрабаваць, маліла лейтэнанта Арлоўскага ўзяць яе ў Свядлоўск – гэта значыла туды, дзе жыццё пачнецца па-новаму, без абрыдлага ўжо «балдзення», без адчування ўласнай непатрэбнасці.

Ашаламляльныя, насцярожваючыя, кранальныя – гэтыя і іншыя падзеі адбываліся ў спектаклі на фоне дарогі, якая ахоплівала ўвесь заднік сцэны. Роўная і вялікая, яна з’яўлялася важным сэнсавым кампанентам у сцэнаграфіі Л. Рулёвай. Мастак быццам бы ў здзіўленні пыталася: хіба цяжка правільна прайсці па ёй?! Раздзяляльная паласа засцерагае ад сутыкнення з сустрэчным рухам. Дарожныя знакі дрэннае забараняюць, пра небяспечнае папярэджваюць. Які ж шлях выберуць дзяўчынкі? Зараз іх захапіла вуліца, яна стала для іх месцам для забаў, для жыцця, па сутнасці запаўняючы духоўны вакуум, які акружаў кожную з іх у сям’і. Нібы дзейны заклік, драматычным падтэкстам гучалі словы вучонага-псіхалага: «Родитель! С тебя лепится первообраз мира! Глубина отпечатка, оставляемого тобой в душе, никакому сравнению не поддаётся – сильнее этого только сама Природа» [3, с. 313].

Ставячы неабходны эмацыянальна-лагічны акцэнт на цяжкім узросце дзяўчынак, рэальна, часам натуралістычна адлюстроўваючы ценявыя бакі сямейных адносін, стваральнікі спектакля ў сваім вырашэнні «тэмы падлетка» не ідэалізавалі гераінь. Выканаўцы роляў Надзькі (В. Кавалерава), Лянка (Г. Ільчанка), Бухары (Р. Астрадавінава) і Жырафы (А. Перавожкіна) надзялялі сваіх персанажаў запамінальнымі індывідуальнымі рысамі, якія ўносілі жывыя фарбы ў паводзіны кожнай з сябровак.

З падмосткаў бескампрамісна даводзілася, што кола інтарэсаў гераінь вузкае, але не замкнёнае. Абмежаванае сёння духоўнае жыццё дзяўчынак заўтра можа і павінна абавязкова напоўніцца сапраўднымі чалавечымі пачуццямі і каштоўнасцямі. Пастаноўкай гэтага прынцыпова важнага пытання У. Караткевіч імкнуўся раскрыць сацыяльна-этычныя праблемы нашага грамадства.

Своеасаблівая супярэчнасць выяўляецца ў тым, што з «перабудовай», якая надзвычай абвастрыла грамадскую свядомасць, у ТЮГу сучасная тэма атрымлівае пераважна аблегчанае сцэнічнае ўвасабленне. Больш за тое, аналіз пастановак адкрыта пацяшальнага характару паказвае, наколькі актыўна яны «пазбаўляліся» ад маральных устаноў і мастацкага густу. Дэманструючы надуманую верагоднасць сюжэта, спектаклі «Аперацыя «Дарагі хлопчык» С. Міхалкова і «Як я быў вундэркіндам» А. Вольскага і У. Машкова (абодва – 1986) яшчэ вылучаліся шэрагам жывых

эпізодаў, нязмушаным выкананнем асобных роляў. Сцэны са школьнага жыцця «Супер-ША» (1992, 1995) і «2222» (1999), прыдуманая і пастаўленыя Ю. Вута, ужо абсалютна выбіваліся з этычнай і культурна-мастацкай плоскасці. У выніку такіх неабдуманых і нядбайных адносін да актуальнай тэмы аказваецца, што з канца 1990-х гг. сучаснасць увогуле знікае з падмосткаў ТЮГа, і гэта істотна абмяжоўвае прастору дзіцячага тэатра.

Даследаванне праблем сцэнічнага адлюстравання рэчаіснасці і характару іх вырашэння ў практычнай дзейнасці Беларускага тэатра юнага гледача дазваляе заключыць наступнае. Сучасная праблематыка з'яўляецца неад'емнай сферай творчых пошукаў тэатра для дзяцей і падлеткаў. Спектаклі гэтага кірунку складаюць сутнасць дачыненняў тэатра са сваёй своеасаблівай аўдыторыяй. Практыка такіх узаемаадносін супярэчлівая і неадназначная. Ад пачатку калектыв ствараўся як тэатр сучаснай тэмы, і яе матывацыю вызначалі перш за ўсё сацыяльныя механізмы ўключэння дзяцей у свет прыгожага. Са зменай грамадскіх прыярытэтаў узнікаюць магчымасці інтэрпрэтаваць сучасную праблематыку з пункту гледжання агульначалавечых каштоўнасцей, аднак тэатр фактычна самаўхіляецца ад працы над ёй. Адсутнасць сучаснай п'есы ў рэпертуары ТЮГа сведчыць пра вельмі дрэннае становішча нацыянальнага дзіцячага тэатра.

Літаратура

1. Алексин, А. Пойдем в кино?.. / А. Алексин // Театр. – 1977. – № 7. – С. 157–176.
2. Божович, Л. И. Избранные психологические труды. Проблемы формирования личности / Л. И. Божович. – М.: Международ. пед. акад., 1995.
3. Леви, В. Л. Нестандартный ребенок / В. Л. Леви. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1990.
4. Мушынскі, М. У барацьбе за годнасць мастака і грамадзяніна / М. Мушынскі // Зарэчкі, М. 36. тв.: у 4 т. – Мінск, 1989 – 1992. – Т. 4. – С. 390–407.
5. Пятровіч, С. А. Дзіцячы тэатр БССР (1931 – 1941 гг.) / С. А. Пятровіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983.
6. Пятровіч, С. У адной маскоўскай кватэры / С. Пятровіч // Мінская праўда. – 1958. – 13 верас.
7. Пятровіч, С. Шукаць сваё, непаўторнае / С. Пятровіч // Тэатральны Мінск. – 1981. – № 2. – С. 25–29.
8. Толстой, Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 1: Детство. Отрочество. Юность / Л. Н. Толстой. – М.: Худож. лит., 1978.
9. Тэатр – дзецям // Тэатральны Мінск. – 1988. – № 4. – С. 27–33.
10. Хмелик, А. Друг мой, Колька! Пьесы / А. Г. Хмелик. – М.: Сов. писатель, 1980.

A. A. SAVITSKAYA

MODERN PROBLEMS IN THE REPERTOIRE OF THE CHILDREN'S THEATRE (PRACTICES OF THE BELARUSIAN THEATRE OF THE YOUNG SPECTATOR)

Summary

In the article one of key problems of the children's theatre functioning – creation of modern repertoire for teenagers has been considered. Author marks prominent features of teenage age and opens their value for performances on a vital topic. Social, cultural and art aspects of its embodiment at different stages of activity of the Belarusian Theatre of the young spectator have been investigated.

УДК 72.012(476)

Н. В. МУРИНА

**АУТЕНТИЧНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА
СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ БЕЛАРУСИ***Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы НАН Беларуси**(Поступила в редакцию 02.08.2011)*

На протяжении всей истории развития архитектуры можно наблюдать естественное стремление людей к образу совершенства в искусстве зодчества и самовыражению через создание индивидуальных художественных образов. В разные времена такие стремления рождали устойчивые формы и особые аутентичные образы и образцы жилых и гражданских зданий, сооружений.

Существование такого рода аутентичных образцов стало главной особенностью развития архитектуры и формирования человеком своего окружающего пространства. В основе их формообразования концентрировались накопленные знания и эволюционно проверенный опыт поколений. Это в значительной мере и определило механизмы генезиса архитектуры в той форме, которую мы наблюдаем сейчас, ее существование как культурного явления. А. В. Иконников раскрывает сложную зависимость архитектурной формы от общественного назначения произведений зодчества. Здесь же автор отмечает закономерности восприятия и эстетической организации формы: «Форму определяют среда, культура и функция» [1–2; 3, с. 21].

Ощущение аутентичности среды обитания в локальной местности исторически определялось тем конкретным пространством, в котором некогда проживали люди, создавшие селения и освоившие ландшафт. Эта локальная среда в совокупности с природными и рукотворными объектами обретала неповторимый уникальный образ. Природно-ландшафтные особенности местности и предметно-пространственной среды закреплялись в сознании, делались архетипом и, в конечном итоге, становились компонентами образного представления о родном крае, родном уголке. В психоэмоциональном понимании «родны кут» ассоциировался с конкретным пейзажем. Где бы человек ни находился, вспоминая родные места, он рисовал в воображении дорогие сердцу «краявіды» [4]. Родная среда современного поколения белорусского народа – это крупные и малые города, местечки и деревни, это сочетание новых технологий и архаичных традиций, которые влияют друг на друга, видоизменяются и создают колорит современной Беларуси.

М. В. Шубенков смотрит на проблемы и генезис архитектурного формообразования с точки зрения «структурной архитектоники», которая характеризует естественнонаучное изучение строения пространственной формы архитектурных объектов и приводит к поискам закономерностей, объясняющих механизмы пространственного формообразования и формоизменения. Исследователь отмечает, что структура представляет собой совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, т. е. сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях [5].

Вопросы структуры, комбинация оси симметрии с плоскостями симметрии, использование различных модулей природного происхождения в законах композиции различных видов искусств рассматриваются в исследованиях А. В. Шубникова: «Понятие симметрии входит в искусствознание через понятие структуры. Искусство как образная форма познания и моделирования мира должно отражать и действительно отражает его структурную сторону. Структурность – достаточно общий закон, форма существования и движения материи, и этому закону подчинены также продукты научного и художественного творчества» [11].

Обращение к природным формам и образам прослеживается на протяжении всей истории архитектуры. Пространственные сочетания этих форм становились прообразами таких художественных архитектурных решений, как мотив лотоса в колоннаде египетских храмов, мотив леса в интерьерах готических соборов и т. д. В современной архитектуре сформировалось целое направление, в основе которого лежит обращение к природной форме и процессам ее формообразования, это направление получило название архитектурная бионика. Исследования в отношении формообразования с позиции архитектурной бионики выявляют, например, что для формы, структуры и пространства в динамике исторического развития характерно включение в себя предыдущих достижений. Происходит сложение и накопление опыта, часто приводящее к усложнению форм. Это проявляется во все усложняющейся современной системе градостроительного пространства, хотя отдельные здания, сооружения могут быть и простыми, несмотря на сложность их конструктивной структуры. Развитие функции, наоборот, основывается на принципе исключения: новое не может в итоге сосуществовать со старым и происходит замена устаревшего новым [10, с. 2, 29].

Принципы формообразования в природе созвучны традиционным. Так, геометрические орнаменты в архитектуре и других видах изобразительного искусства совпадают по построению с проекциями структур кристаллов. Другими словами, жизнь и ее проявления присутствуют и развиваются в универсальных геометрических формах. Особенности перехода от плоскости к пространству, взаимодействие имеющих определенную форму двумерных фигур и трехмерных существ, способных передвигаться в пространстве, характерны для творчества М. К. Эшера, который стремился иллюстрировать динамику явления. М. К. Эшер создал уникальную галерею картин, которые иллюстрируют теорию относительности А. Эйнштейна, строение материи, геометрические преобразования, топологию, кристаллографию, физику, и исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии. Одним из любимых геометрических объектов художника была лента Мебиуса. Он создавал на своих картинах оптические иллюзии, в основном с помощью светотени. Например, на картине «Куб с полосками» невозможно определить, в какую сторону обращены объемные «пуговицы», расположенные на ленте. Многогранники в работах М. К. Эшера играют роль как основной фигуры, так и вспомогательных элементов «игры» с логикой пространства.

Проблема поиска национальной и индивидуальной аутентичности, поиски новой национальной аутентичности и собственного места в новом европейском сообществе стали как никогда актуальными после образования Европейского союза. Пластичная природа художественного в архитектуре обуславливает постоянную трансформацию в контексте историко-культурных изменений. Возникает проблема аутентичности художественного в условиях современной культуры.

Вопрос об аутентичном сознании всегда представлен в историко-культурном контексте, в обстоятельствах которого взвешиваются шансы нации и индивидуума на выживание в новую эпоху. Обращение к корням, национальной уникальной культуре, культурно-исторической аутентичности актуализируется в эпоху «перемен» на протяжении всей истории искусств, как в архитектуре, так и в других видах искусства.

Однако в современных условиях технического прогресса, с появлением компьютерных технологий, множественность образов современной архитектуры упраздняет соотношение оригинал-копия. Снижаются актуальность и необходимость существования оригинала как основы репрезентации. Сегодня стремительный рост количества художественных образов разнообразного характера благодаря возможности их технического репродуцирования обуславливает сущностную трансформацию природы художественного в архитектуре.

Аутентичность произведения искусства невозможно воспроизвести. Усиление процессов репродуцирования привело к дифференциации аутентичности, выделению некоторых ее уровней. Тема идентичности и аутентичности искусства многонациональной культуры рассматривается сегодня как одна из важнейших проблем начала XXI в. Принцип аутентичности (принцип соответствия самому себе) является важным ретранслирующим средством идентификации современных произведений архитектуры.

Анализ современной белорусской архитектурной практики показывает развитие традиционных подходов, которые ориентируются на создание пластических, контекстуальных, насыщенных

деталью объектов, и их взаимосвязь с современными техническими достижениями. Так, применение больших прозрачных остекленных поверхностей в городской среде способствует размытию границ, облегчению объема здания. Заслуживают внимания верхний уровень сооружений, элементы завершения зданий и входные группы. Детали высотных завершений способны дополнить ощущение легкости, воздушности. Усложнение взаимоотношения пространства и объема традиционно для Беларуси. Разрушение жесткости границ и внедрение наружного и внутреннего воздушного пространства во многом становились основой психологического комфорта архитектурной среды. В современной архитектурной практике этот композиционный принцип активно используется на основе новых конструктивно-технических решений [6].

В архитектурно-художественных решениях сельской среды прослеживается преемственность традиционного: более мелкий масштаб и этажность, скромность в использовании декора, верность традиционному планировочному решению, пропорциональные соотношения основных частей здания, общего решения и деталей, особенно в таких регионах, как Центральная Беларусь, Поозерье, Понеманье. Общее направление развития принципов в формообразовании архитектуры и их аутентичная составляющая выявляются при рассмотрении строительной культуры городской и сельской среды, градостроительной иерархии и типологической дифференциации в Беларуси.

Сегодня процессы архитектурной деятельности предопределены высокими технологиями и быстрым темпом развития строительной индустрии. Во все ее сферы активно проникают компьютерные технологии. Скорость и обширность замены традиционных профессиональных инструментов и методов грозят потерей накопленного предшествующими поколениями опыта и подменой его универсальной технократической культурой, обслуживающей сегодня области инженерно-технического и информационно-технологического проектирования. Ведь основные из применяемых сегодня архитекторами проектных программ первоначально разрабатывались для решения инженерных, а отнюдь не художественно-эстетических задач, и это определило характер их интерфейсов.

Благодаря новым технологиям сегодня репрезентативность в архитектуре получила невероятные возможности для художественного выражения акцентированием вертикали. Процесс вертикального роста городов глобален и копируется. Необдуманное следование моде на небоскребы, погоня за новыми национальными и иными символами вызывают художественную дисгармонию с традиционными архитектурными и историко-культурными ландшафтами. Учитывая развитие технологий и возрастающую с каждым днем цену земли, в обозримом будущем высотные постройки станут совершенно обыденными, и небоскреб перестанет быть символом успеха, а вектор успешности будет иным. Анализируя взаимосвязь и влияние различных факторов, художественно-конструктивных тенденций и стремлений архитектурной мысли в процессе формообразования высотных групп Беларуси, остается лишь надеяться на рациональный подход архитекторов при проектировании таких объектов.

Обращение к традициям национальной культуры, спроецированное на современность, позволяет учесть трудноисправляемые ошибки, с которыми столкнулись многие мировые города. В них трехмерность и величина искусственного ландшафта вызывающе конкурируют с природными формами окружения и исторической аутентичной застройкой, подавляя ее, нарушая связность и преемственность уже построенного и строящегося. Необходимо соединить имеющееся архитектурное наследие эпох в единый минимально разбалансированный эстетически ансамбль. Так, в традиционной культуре Беларуси имеются архетипы высотной застройки, выраженные в архитектуре башенных форм. Высотные доминанты гармонично поддерживаются ландшафтом. Их появление обусловлено большими открытыми пространствами. Развивая и поддерживая традицию ратуш и башен, формировавших систему доминант, служивших средством закрепления нового пространства, современное высотное строительство сохраняет аутентичные подходы к формообразованию в архитектуре. Наряду с практическим назначением башен возникли символические смыслы башенных форм. Для белорусской культуры эти смыслы образует глубинный пласт значений, общий для современного города и его исторических прототипов. Частичный перенос этих значений на современный город мог бы соединить эпохи, стимулировать творческий поиск

новых средств и приемов выразительности, художественное воплощение современных и исторических достижений науки и техники, устремление сохранения и внедрения традиционных подходов в архитектурном формообразовании. Все это делает архитектуру визуальным выражением культуры страны и ее достижений.

В. Глазычев отмечает, что «архитектура – дорогое искусство, однако история доказала, что нет более выгодного капиталовложения, чем создание архитектурного шедевра... За последние 30 лет 300 миллионов человек побывали в Афинах, в Риме или Венеции только затем, чтобы «посмотреть на старые камни» [7, с. 7]. Архитектурное пространство, с одной стороны, моделирует универсум, а с другой – оно моделируется универсумом. С этим связан высокий символизм всего, что так или иначе относится к создаваемому человеком пространству его среды жизнедеятельности. «Важный аспект внутреннего диалога культуры складывается исторически: предшествующая традиция задает норму, имеющую уже автоматизированный характер, на этом фоне развивается семиотическая активность новых структурных форм» [8].

Многие исследователи традиционной архитектуры и традиций, лежащих в ее основе, выделяют принципы, которые закрепляются как некие устоявшиеся аутентичные местные нормы, отличающие архитектуру одного ареала от другого. Целостность и гармоничность такого формообразования антропогенной среды вытекают из естественности и закономерности природного мироустройства, обнаруживая свои корни и закономерности в архаической архитектурной традиции и проверенном веками коллективном аутентичном народном строительном опыте. Природно-ландшафтные особенности местности закреплялись в сознании, делались архетипом и, в конечном итоге, становились компонентами образного представления о родных местах. Локальная среда вместе с природными и рукотворными объектами формировала неповторимый образ родного уголка. «Это был мир образности, одухотворенности, гармонии... Характер застройки селения, масштаб, силуэт в сочетании с природными компонентами определяют устойчивый образ среды, психологическую привязанность к ней» [8, с.8]. Имея образ страны башен и укромных, уютных, пейзажных местечек, Беларусь и сегодня не утратила свою художественную выразительность, влияющую на облик современной архитектуры.

Итак, исходя из изложенного, аутентичность художественного образа архитектуры Беларуси заключается в многообразии форм, их преемственности и развитии.

Современной архитектуре присущи такие аутентичные формы, как:

- 1) башенные с различной формой завершений, ярусным развитием;
- 2) линейные, однорядные и многорядные в плане;
- 3) формы, раскрывающие внутреннюю сущность здания (ордера, членения, купола);
- 4) продиктованные адаптацией к среде;
- 5) формы на основе геометрических фигур, в том числе гиперболоидов, параболоидов, трапециоидов;
- 6) концептуальные производные от заранее заданной формы и конкретных параметров;
- 7) проистекающие из градостроительной контекстуальности и являющиеся переходами, шинами между зданиями и рекреациями, экранами;
- 8) органически связанные с ландшафтной архитектурой (альпийскими горками, портерами цветов и декоративных кустарников);
- 9) бионизированные, производные от форм живой природы.

Среди новейших достижений в развитии архитектурных форм можно выделить гибкие структуры, кинетические и трансформируемые формы, киберпространственные и иллюзорные формы.

Для создания всех этих форм используются различные принципы на основе малофакторного и многофакторного формообразования, как универсальные, так и специальные, как обычные, так и уникальные. Выбор этих принципов обусловлен решением конкретных градостроительных, архитектурных и социокультурных задач, продиктован логикой необходимости достижения заданных свойств конечного результата. На фоне различных универсальных принципов формообразования (принцип аутентичности, системности, целесообразности, тектоничности, гармонизации, выразительности, гибкости, органичности и другие принципы) можно выделить отличительные особенности этих принципов, присущие различным территориальным ареалам. Это

контекстуальность решений, светотеневые эффекты с помощью навесов и галерей, преобладание горизонтальных членений, пластичность фасадов и цветовая гамма колористических решений, вариации форм завершений строений, а также другие особенности. Они являются аутентичной составляющей основ формообразования и художественной выразительности в современной архитектуре. Выявление и использование этих особенностей позволит создавать современные архитектурные сооружения, имеющие аутентичные образы, развивающие ареальные различия, а также решать различные формообразовательные проблемы в современной архитектуре, проблемы, связанные с поиском национальной и индивидуальной аутентичности в природе художественного, развития традиций формообразования в архитектуре, решения художественных атрибуций.

Системный характер европейского архитектурного формообразования позволяет рассматривать процесс создания аутентичных архитектурных форм как сложную управляемую систему с различными элементами, имеющими собственные ранги в зависимости от классификации и места в иерархии этой системы. В процессе тиражирования элементов системы и их репродукции (аналоги существующих), попадая в новые условия, получают дополнительные, в том числе аутентичные, качества и свойства, ареальные отличия. Понятие универсальности в отношении системы формообразования и принципов, лежащих в ее основе, скорее затрагивает наиболее подобные и репрезентативные элементы, свойства и феномены этой системы, совокупность которых имеет как мировое, так и универсальное значение.

Литература

1. Арсланов, В. Г. Западное искусствознание XX века / В. Г. Арсланов. – М. : Традиция : Академический проект, 2005. – 861 с.
2. Зедльмайр, Г. Искусство и истина: теория и метод истории искусства / Г. Зедльмайр; пер. с нем. Ю. Н. Попова. – СПб. : Аxioma, 2000. – 272 с. : ил.
3. Иконников, А. В. Художественный язык архитектуры / А. В. Иконников. – М. : Искусство, 1985. – 175 с.
4. Локотко, А. И. Традиционная выразительность обитаемой среды белоруса: [о природ.-ландшафт. местностях Беларуси] / А. И. Локотко // Архитектура и строительство. – 2004. – № 5. – С. 28–31.
5. Шубенков, М. В. Структура архитектурного пространства: автореф. дис. ... д-ра архитектуры / М. В. Шубенков. – М., 2006.
6. Сергачев, С. Пространство и объем в архитектуре / С. Сергачев, В. Миронов // Архитектура и строительство. – 2009. – №10 (209).
7. Глазычев, В. Л. Архитектура : энциклопедия / В. Л. Глазычев. – М.: РИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»; ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 672 с. : ил.
8. Лотман, Ю. Архитектура в контексте культуры / Ю. С. Лотман. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000. – С. 677–678.
9. Локотко, А. И. Архитектурное наследие Беларуси (развитие традиций, охрана и реставрация) / А. И. Локотко. – Минск: ИООО «Право и экономика», 2004. – 303 с.
10. Лебедев, Ю. С. Архитектурная бионика / Ю. С. Лебедев. – М.: Стройиздат, 1990. – 269 с.
11. Шубников, А. В. Симметрия в науке и искусстве / А. В. Шубников, В. А. Копчик. – М.; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2004. – С. 367.

I. V. MURINA

AUTHENTICITY OF THE ARTISTIC IMAGE OF THE MODERN ARCHITECTURE OF BELARUS

Summary

This article is based on the analysis and assessment of constructions and traditions on the modern architectural shaping. Also it discloses certain approaches which contribute to development and conservation of the national peculiarities in architecture and authenticity of the artistic image.

УДК 791.43.03+821.161.3.09.(092)

К. І. РЭМІШЭЎСКІ

**МАКСІМ БАГДАНОВІЧ І ЭВАЛЮЦЫЯ МЕМАРЫЯЛЬнай ПАРАДЫГМЫ
Ў ЭКРАНнай КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСІ***Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў**(Паступіў у рэдакцыю 02.08.2011)**Да 120-годдзя з дня нараджэння
Максіма Багдановіча*

Розныя аспекты жыцця і творчасці выдатных беларускіх празаікаў, паэтаў, драматургаў прыцягвалі ўвагу беларускіх кінематаграфістаў з моманту ўзнікнення нацыянальнай кінаіндустрыі, аднак доўгі час гэтая праблематыка заставалася на перыферыі тэматычных прыярытэтаў. У першую чаргу гэта тлумачыцца тым, што мемарыяльная парадыгма, у рамках якой часцей за ўсё ствараліся такія фільмы, стала звыклым інструментам ідэалагічнага суправаджэння тэматычнага плана дакументальнай і навукова-папулярнай кінавытворчасці толькі ў канцы 1950 – пачатку 1960-х гадоў. Выключэннем з’яўляецца першы ў беларускім кіно дакументальны фільм-партрэт «Народны паэт» (1952), створаны на кінастудыі «Беларусьфільм» да 70-годдзя класіка беларускай літаратуры Якуба Коласа. Да стварэння 20-хвіліннай стужкі былі прыцягнуты найбольш вопытныя на той момант кадры беларускай кінематаграфіі: рэжысёр Юрый Тарыч і аператар Уладзімір Акуліч. Сцэнарый быў напісаны Максімам Лужаніным, а дыктарскі тэкст – Андрэем Макаёнкам. Гэта рэдкі і, верагодна, унікальны прыклад, калі функцыі аўтараў сцэнарыя і дыктарскага тэксту былі размежаваны.

Толькі дзесяццю гадамі пазней у беларускім неігравым кіно быў створаны другі дакументальны фільм-партрэт – стужка «Янка Купала» (1962), прысвечаная 80-годдзю вялікага беларускага паэта. Гэта быў фактычна першы вопыт рашэння задач канструявання апавядання «адлюстравана», галоўным чынам на іканаграфічным матэрыяле – да моманту стварэння фільма Я. Купалы ўжо дваццаць гадоў не было ў жывых. Лірычная інтанацыя кінаапавядання была прадвызначана пранікнёным і разам з тым інфармацыйна ёмістым дыктарскім тэкстам, напісаным беларускім паэтам, пісьменнікам і кінасцэнарыстам Анатолем Вялюгіным.

Зразумела, двума фільмамі-партрэтамі класікаў беларускай літаратуры экранны кіналетапіс Беларусі, што адлюстроўваў падзеі і персаналіі літаратурнага жыцця рэспублікі, на той момант не вычэрпваўся. Асобныя падзеі (юбілеі, сходзі, прэм’еры і іншыя культурныя мерапрыемствы, якія маюць грамадскі рэзананс) фіксаваліся на кінаплёнку і ўключаліся ў форме падзейных хронікальных сюжэтаў у выпускі кінаперыёдыкі: сюжэт «Памяці народнага песняра», прысвечаны чацвёртай гадавіне смерці Я. Купалы (кіначасопіс «Савецкая Беларусь». – 1946. – № 15–16); сюжэт «Пясняр беларускага народа» пра лаўрэата Сталінскай прэміі Максіма Танка («Савецкая Беларусь». – 1948. – № 8) і шэраг іншых. Аднак вельмі абмежаваны аб’ём (1,5–2,5 хвіліны экраннага часу), кароткачасовасць выкарыстання ў пракаце і падкрэсленая інфармацыйнасць такіх сюжэтаў пазбаўлялі іх аўтараў ад неабходнасці вырашаць складаныя задачы сюжэтапобудовы, трактаваць падзеі і з’явы асаблівым чынам. Выбар персон – дзеячаў беларускай літаратуры, якія траплялі ў кадр беларускіх кінахронікёраў у сувязі са здымкамі той ці іншай падзеі, – дэманструе асцярожную выбіральнасць аўтараў і рэдактараў студыі. Фарміраванне «палітыкі памяці» ў гэтым кантэксце нярэдка разглядалася як свабодны працэс маніпуляцыі з падатлівым гістарычным ма-

тэрыялам. Часцей за іншых у кадрах хронікі пасляваеннага перыяду можна ўбачыць (і, адпаведна, пачуць згадванне іх імёнаў у дыктарскім тэксе) Я. Коласа, А. Куляшова, М. Лынькова, К. Крапіву, М. Танка, П. Броўку, П. Глебку, І. Шамякіна, драматургаў К. Губарэвіча, А. Макаёнка [2].

У выніку дбайнага аналізу велізарнага масіву беларускага кіналетэпіснага матэрыялу (датаванага раней за 1971 год), праведзенага аўтарам артыкула ў апошнія гады, згадвання паэтычнай ці публіцыстычнай спадчыны Максіма Багдановіча або памятных месцаў, звязаных з яго жыццём і творчасцю, пакуль што не знойдзена.

Відавочна, што прычынай замоўчвання былі важкія, з пункту гледжання асоб, адказных за фарміраванне сцэнарнага партфеля кінастудыі, падставы. Галоўнай прычынай такога становішча была патаемная – далёка не заўсёды відавочная – ідэйная неадпаведнасць паэтычнай і публіцыстычнай спадчыны паэта прапагандысцкай дактрыне, якая ляжала ў аснове функцыянавання ідэалагізаванай сістэмы «кінавытворчасць–кінапракат» і шчодро забяспечвала матэрыяльнымі рэсурсамі яе паскоранае развіццё (асабліва ў 1960-я гады) [9].

З пазіцый сённяшняга часу няпроста растлумачыць феномен, што ў 1960-я гады, калі інтэнсіўнасць вытворчасці неігравых фільмаў у Беларусі дасягнула свайго апагея – у год стваралася да 40 дакументальных, навукова-папулярных і вучэбна-прапагандысцкіх стужак агульнай працягласцю да 90 частак (15 гадзін экраннага часу) – аб дзеях нацыянальнай літаратуры, за выключэннем ужо згаданага фільма пра Я. Купалу, не было створана практычна ніякай аўдыявізуальнай прадукцыі. 1960-я гады – перыяд выбухной «фармальнай эмансipaцыі» сусветнага неігравога кіно (у тым ліку і беларускага), экспансіі ў неведомыя раней тэматычныя і стылёвыя прасторы – на паверку аказваюцца даволі скупымі і кансерватыўнымі ў дачыненні да культурнай тэматыкі. Удвайне гэтае сцвярджэнне справядліва ў тых выпадках, калі такая тэматыка магла справакаваць нечаканы «выхад» у нацыянальную культурную ідэю.

Тэматычны «прырыў» прыйшоўся на пачатак 1970-х, калі і на кінастудыі «Беларусьфільм», і ў нядаўна створаным творча-вытворчым аб'яднанні «Тэлефільм» Дзяржтэлерадыё БССР актывізаваўся працэс стварэння стужак, прысвечаных выдатным дзеячам беларускай літаратуры. Толькі за два гады (1971–1972) на студыі «Летапіс» былі зняты фільмы «Якуб Колас» (сцэнарый Г. Бекарэвіча, рэжысёр В. Сукманаў), поўнаметражны пра Я. Купалу «А зязюля кукавала...» (сцэнарый А. Вялюгіна, рэжысёр В. Дашук), пра А. Куляшова «Край крынічны» (сцэнарый В. Бязручкінай, рэжысёр В. П. Цяслюк), а таксама некалькі фільмаў у аб'яднанні «Тэлефільм» (у цэнтры ўвагі апынуліся Я. Купала, П. Броўка, А. Куляшоў, М. Лужанін).

Відавочна, што тэма спадчыны М. Багдановіча магла аказацца ў «сферы доступу» беларускіх кінематаграфістаў толькі пасля «ідэйнай рэабілітацыі» паэта ў «верхнім эшалоне» літаратурнай крытыкі і літаратуразнаўства. Для гэтага афіцыйны пункт гледжання на ўклад пісьменніка ў нацыянальную літаратуру неабходна было прывесці хоць бы ў прыблізную адпаведнасць з аб'ектыўным значэннем яго творчай спадчыны [4; 5; 7]; канчаткова і беспаваротна пераадолець абвінавачванні ў прыхільнасці да эстэтыцы сімвалізму, прыналежнасці да «міфалагічнай школы», а значыць, і ў дэкадэнцтве, і, ускосна, у нацдэмакратызме, які звязвалі з імем М. Багдановіча ў 1930–1950-я гады [1; 6; 8].

Менавіта да пачатку 1970-х гадоў намаганнямі шматлікіх беларускіх літаратараў і даследчыкаў, у прыватнасці, пісьменнікаў Алеся Бачылы, Барыса Бур'яна, бібліёграфа Ніны Ватацы (яе найцікавейшы артыкул «Пошукі творчай спадчыны Максіма Багдановіча» ўвайшоў у зборнік успамінаў «Шлях паэта» [11, с. 289–299]), вучонага-літаратуразнаўцы Мікалая Грынчыка і іншых, удалося выявіць шматлікія, раней неведомыя творы і ўзбагаціць нацыянальную культурную памяць новымі звесткамі аб яго жыцці. Паступова сфарміраваўся паліятыўны пункт гледжання, што хаця М. Багдановіч і не праявіў таго эпічнага размаху, уласцівага, напрыклад, Купале, аднак старанна распрацоўваў, шліфаваў кожны верш, кожны радок, і гэтыя радкі бліскаюць рознакаляровымі іскрачкамі, як сапраўдныя брыльянты.

Што тычыцца экраннай (галоўным чынам – кінематаграфічнай) рэпрэзентацыі культурнай памяці пра Багдановіча, забягаючы наперад, можна сказаць, што з рэжысёрамі, якім давялося сродкамі экрана знаёміць гледача з творчасцю паэта, гэтай тэме пашанцавала (як і экраннай культуры Беларусі ў цэлым).

Першы зварот кінематаграфістаў да М. Багдановіча адбыўся ў 1971 годзе, калі ў Беларусі ўпершыню шырока адзначаўся 80-гадовы юбілей паэта. Па сцэнарыі Алеся Бачылы на хранікальна-дакументальнай студыі «Летапіс» рэжысёрам Пятром Аліферанкам быў зняты двухчасткавы (19 хвілін экраннага часу) фільм «Максім Багдановіч». Рабочыя назвы фільма – «І вее верш мой дзівоснай казкай», «Цярновы вянок паэта» – даволі дакладна вызначаюць аўтарскія акцэнты ў падачы тэмы.

Нягледзячы на тое, што фільм атрымаў толькі другую катэгорыю (групу аплаты), яго ні ў якой меры нельга назваць няўдалым. Наадварот, агульныя падыходы і асобныя знаходкі, па-майстэрску рэалізаваны ў стужцы: выкарыстанне фрагментаў успамінаў бацькі паэта, архіўных фотаматэрыялаў 1907–1916 гадоў, запрашэнне акцёра П. Кармуніна для запісу дыктарскага тэксту, выкарыстанне лірычнай музыкі Ю. Семянякі, уключэнне кадраў, якія захавалі легендарную Зоську Верас (Людвіку Антонаўну Сівіцкую-Войцік) у Вільні (на жаль, у дзень здымак група не мела сінхроннай камеры) – былі творча перапрацаваны і дапоўнены ў больш позніх фільмах.

Звяртае на сябе ўвагу тое, што ва ўступных словах дыктарскага тэксту Багдановіча называюць толькі «вядомым» беларускім паэтам, што, безумоўна, уяўляецца недастатковым, палавінчатым азначэннем, улічваючы непераўздызены артыстызм формы яго твораў, радыкальнае ўзбагачэнне нацыянальнай паэзіі дасягненнямі сусветнай літаратуры.

Данінай традыцыі таксама можна лічыць згадванне такога факта яго біяграфіі, як удзел у сходках і мітынгх у яраслаўскі перыяд жыцця. Курортныя ялцінскія пейзажы далёка не зайсьдэспалучаюцца з закадравым тэкстам па сэнсе, а аб’ём крымскіх «прыгажосцей» у выяўленчым шэрагу фільма празмерна вялікі ў параўнанні з карцінамі беларускай прыроды. Відавочна, што аўтары не змаглі вырашыць праблему «недахопу карцінкі», – некаторыя партрэты, напрыклад, пісьменніка З. Бядулі, акцёра і драматурга У. Галубка, вучонага-географа А. Смоліча, іншыя архіўныя фота ці нацюрморты бессэнсоўна падманціраваны кавалкамі даўжынёй па 5–6 і болей секунд.

У дыктарскім тэксце, які, як гэта нярэдка здаралася ў кінадакументалістыцы пасляваеннага перыяду, «жыве» незалежным ад выявы жыццём, няма згадак ні пра нядаўнія ганенні на паэта, ні пра погляды Багдановіча на нацыянальную ідэю і ролю нацыянальнай інтэлігенцыі. Для асвятлення гэтых тэм у 1971 годзе час яшчэ не прыйшоў, аднак пачатак экраннай рэпрэзентацыі тэмы жыцця і творчасці Багдановіча быў пакладзены.

У 1975 годзе вытворчае аб’яднанне «Тэлефільм» ажыццявіла пастаноўку 30-хвіліннага тэлефільма «Ля сінняй бухты» па сцэнарыі вядомага беларускага журналіста, рэдактара і пісьменніка Барыса Бур’яна. Рэжысёр У. Станкевіч і апэратар У. Пранько стварылі даволі жывапісную тэатралізаваную кінаілюстрацыю ялцінскага перыяду жыцця М. Багдановіча: марскі прыбой, крымскія цяніны, пікнікі і прагулкі з дамай сэрца вярхом на конях, маляўнічыя захады і... размовы аб маючай адбыцца рэвалюцыйнай барацьбе. Несумненна прафесійная, але некалькі «пагалівудску» традыцыяналісцкая апэратарская праца Уладзіміра Пранько разам з чароўнай мелодыяй «Зоркі Венеры» кампазітара Сямёна Рак-Міхайлоўскага на словы Максіма Багдановіча стварае дваістае адчуванне: у наяўнасці ўсе неабходныя атрыбуты экраннага твора, але мэта і ідэя фільма зусім не ясныя. У адсутнасці драматургічнага канфлікту, які ляжыць у аснове сцэнарыя, гэты праект адбыўся як нейкая эцюдная замалёўка, але не больш...

Нягледзячы на відавочныя недахопы, верагодна дзякуючы выяўленчасці і вельмі імпазантным акцёрам (ролю Максіма выканаў акцёр Рускага тэатра (Мінск) Валерый Шушкевіч, Веранікі – вядомая актрыса Святлана Пенкіна) у другой палове 1970-х гадоў тэлефільм неаднаразова знаходзіў сваё месца ў сетцы беларускага тэлевяшчання і, у нейкай ступені, уносіў лепту ў папулярызацыю творчасці паэта...

1981 год – год 90-гадовага юбілею паэта – стаў рубіконам у справе ўшанавання імя М. Багдановіча ў экраннай культуры Беларусі. На працягу аднаго года на экран выйшлі тры цалкам розныя (і па відавочнай, і па жанрава-стылёвай класіфікацыі) кінастужкі.

Першым па храналогіі стаў сюжэт «Паэтычная спадчына Максіма Багдановіча», уключаючы ў кіначасопіс «Савецкая Беларусь» 1981 г., № 9 (рэжысёр кіначасопіса А. Карпаў, апэратар Ю. Плюшчаў). Менш чым троххвілінны кінасюжэт – па сутнасці, падзейны кінарэпартаж, са-

мастойна зняты нядаўнім выпускніком Інстытута кінематаграфіі, маладым аператарам Юрыем Плюшчавым, – пачынаецца з кадраў традыцыйнай выставы-продажу твораў беларускіх пісьменнікаў і паэтаў, арганізаванай у кінатэатры «Кастрычнік» у рамках свята беларускай паэзіі. Затым сюжэт працягваецца кадрамі ўрачыстага пасяджэння (у першым шэрагу сярод іншых – беларускія паэткі Яўгенія Янішчыц і Таісія Бондар) і сінхроннымі планами пленарнага выступлення старшыні праўлення Саюза пісьменнікаў БССР Максіма Танка.

Адаючы даніну памяці Максіма Багдановіча, М. Танк кажа аб паэце як аб паўнапраўным, нароўні з Я. Коласам і Я. Купалам, удзельніку класічнага трыўмвірату беларускіх класікаў: «Ён так непарыўна звязаў свой лёс з жыццём народа і так глыбока ўжыўся ў стыхію беларускай мовы, што стаў адным з самых выдатных майстроў беларускага мастацкага слова...».

Услед за хранікальным сюжэтам выйшаў адначасткавы дакументальны фільм «Зорка Максіма» студыі «Летапіс» кінастудыі «Беларусьфільм», які атрымаў рэгістрацыйнае пасведчанне ў канцы снежня 1981 года і выйшаў на экраны ўжо ў наступным годзе (у цітрах пазначаны 1982 год выпуску).

Юбілейная матывацыя ўключэння фільма пра М. Багдановіча ў тэматычны план пацвярджаецца з першых кадраў урачыстага пасяджэння, прысвечанага 90-годдзю з дня нараджэння паэта (некаторыя кадры запазычаны з хранікальнага сюжэта, знятага Ю. Плюшчавым).

Абмежаванне аб'ёму стужкі адной часткай (10 хвілін) шмат у чым абумовіла абраны дасведчаным рэжысэрём-дакументалістам Рышардам Ясінскім храналагічны стыль выкладання матэрыялу – жыццю паэта ў Беларусі адведзена палова экраннага часу; ніжагародскаму, яраслаўскаму і ялцінскаму перыядам – астатнія 5 хвілін амаль роўнымі долямі.

Закадравы наратыў пісьменніка Валянціна Тараса цалкам вызначае рытм і канструкцыю апавядання: неабходнасць хоць бы пункцірна пазначыць асноўныя жыццёвыя этапы прымусіла стваральнікаў фільма не толькі быць вельмі лаканічнымі, але і перыядычна пераходзіць на скарагаворку.

Выяўленчы рад, створаны аператарам Анатолем Сіманавым, адрозніваецца высокім прафесіяналізмам: убачаны і зафіксаваны дзіўна зменлівы і кароткачасовы імпрэсіяністычны стан прыроды ідэальна спалучаецца з паэзіяй М. Багдановіча; старанна падабраны натура і прадметнае асяроддзе; з нешматлікага іканаграфічнага матэрыялу, які быў у распараджэнні кінагрупы, створаны ўдалыя нацюрморты.

Але якой бы стылістычна дакладнай ні была б выява, яна толькі ілюструе дыктарскі тэкст, які выконвае дамінуючую функцыю і недыхсэнсавы ўстанаўлівае каштоўнасныя прырытэты. Так, калі супаставіць аб'ём тэксту, прысвечанага прыналежнасці Багдановіча дзвюм культурам (як мінімум!) – беларускай і рускай, а таксама сувязям сем'яў Багдановічаў і Пешкавых, з тэмай беларускага нацыянальнага адраджэння, якая складала ядро светаадчування паэта і вяла яго па жыцці, то параўнанне апынецца засмучана сімптоматычным. Дзевяціхвілінны наратыў паспявае прыпісаць паэту ўдзел у напісанні рэвалюцыйных пракламацый у яраслаўскі перыяд жыцця, аднак у ім не знаходзіцца месца для колькі-небудзь выразнага выкладання яго поглядаў на беларускую нацыянальную ідэю ва ўмовах, калі сама назва Беларусь была пад забаронай, а ў дачыненні да шасці губерняў Беларускага генерал-губернатарства і Літоўскага генерал-губернатарства выкарыстоўваўся пазатэнічны тэрмін «Паўночна-Заходні край Расійскай імперыі».

Вопытны рэжысёр Р. Ясінскі не мог не разумець абмежаванасці дакументальных стужак, змадэліраваных выключна на іканаграфіі. Таму моцным бокам фільма з'яўляецца спроба ажывіць кінаапавяданне інтэрв'ю з чалавекам, знойдзеным раней, яшчэ ў 1971 годзе рэжысёрам першай стужкі пра Багдановіча П. Аліферанкам. Паплечніца паэта Зоська Верас ярка і пранікнёна распавядала пра Максіма, але ў канчатковы мантаж увайшоў толькі той фрагмент, які ілюстраваў зусім не першарадны па значэнні аспект жыцця паэта, – яго перажыванні з нагоды сваёй бяздзетнасці і прадчування, што ў яго так і не атрымаецца працягнуць галіну свайго прозвішча.

Менш за год прайшло з моманту стварэння рэжысёрам Р. Ясінскім дакументальнай стужкі «Зорка Максіма» ў студыі «Летапіс», а кіраўніцтва Дзяржтэлерадыё БССР палічыла мэтазгодным запусціць у вытворчасць новы тэлевізійны праект, прысвечаны М. Багдановічу пад назвай «Я не самотны». Яго пастаноўка была даручана рэжысёру Ігару Калоўскаму – аднаму з найбольш адораных і творча вынаходлівых рэжысёраў-неігравікоў Беларусі.

У 1980-я гады і жанрава-стылёвыя падыходы, і сама тэхналогія вытворчасці тэлефільмаў практычна нічым не адрозніваліся ад фільмавытворчасці для «вялікага экрана» – у абодвух выпадках здыманне ажыццяўлялася на 35-міліметровую кінаплёнку. Аднак каштарыс, склад групы, тэрміны вытворчасці і, такім чынам, пастанавачныя магчымасці былі зусім не аднолькавымі.

Справа ў тым, што жанрава-відавы фармат тэлевізійнага фільма (і, што вельмі важна, яго каштарыс!) бесперашкодна дазваляў уключаць у тканіну экраннага апавядання ігравыя эпізоды, значна больш шырока выкарыстоўваць прыёмы з арсенала «вялікага кіно»: здыманне ў спецыяльна пабудаванай павільённай дэкарацыі для гістарычнай рэканструкцыі падзей ўсімі даступнымі мастацка-пастанавачнымі сродкамі, выкарыстоўваць спецыяльныя віды здымання (у прыватнасці, рапід) і дадатковыя аператарскія прыстасаванні (краны, цялежкі, ветрадуі, піратэхніку і г. д.). Дзякуючы гэтаму палітра сродкаў экраннай выразнасці, якой валодалі аўтары тэлефільма «Я не самотны», была значна шырэй тых, без перабольшання мінімальна магчымасцей, якімі валодалі кінадакументалісты – аўтары хранікальна-дакументальных фільмаў, якія ствараліся на студыі «Летапіс» кінастудыі «Беларусьфільм».

Тым не менш бясспрэчны творчы поспех 20-хвіліннага тэлефільма «Я не самотны», які дзякуючы таленту аўтараў і паглыбленню ў тэму вылучаецца асобна ў цыкле фільмаў пра Максіма Багдановіча, было б несправядліва лічыць толькі вынікам гэтых асаблівых пастанавачных магчымасцей.

Закадравы тэкст, напісаны беларускім пісьменнікам Раманам Тармолам, у значнай ступені грунтуецца на ўспамінах бацькі паэта, Адама Ягоравіча Багдановіча, сабраных ім у артыкуле «Матэрыялы да біяграфіі М. А. Багдановіча» (1923) і ўключаных складальнікам Нінай Ватацы ў зборнік успамінаў пра паэта [11, с. 10–54]. Вышэйзгаданы зборнік пабачыў свет у Мінску ў выдавецтве «Мастацкая літаратура» ў 1975 годзе, гэта значыць зусім незадоўга да 90-гадовага юбілею паэта і запуску фільма ў вытворчасць.

Аўтары не пайшлі па пракладзеным дакументалістамі шляху вербальнага пералічэння асноўных біяграфічных вех на фоне ўжо знаёмага па папярэдніх стужках і, у прынцыпе, вельмі абмежаванага іканаграфічнага матэрыялу (з прадметаў, якія належалі паэту, захаваўся толькі кішэнны гадзіннік фірмы «Павел Бурэ»). Драматургія фільма грунтуецца на цалкам апраўданым у творчым плане дапушчэнні – выдуманых, часам вельмі асабістых і крайне суб'ектыўных па змесце гутарках Адама Ягоравіча, бацькі паэта з сынам Максімам. Гэтыя гутаркі насычаны індывідуалізаванымі перажываннямі, часам нават цалкам даравальнымі недакладнасцямі і, што вельмі важна для разумення псіхалагічнага падтэксту іх узаемаадносін, спробай пераадолення комплексу віны бацькі перад сынам. У сваіх успамінах аб апошніх днях жыцця Максіма, па фатальным збегу акалічнасцей, што супалі з тымі перадрэвалюцыйнымі днямі, калі «старое рухнуло, а новае яшчэ не отлилось в устойчивые формы» [11, с. 52], Адам Ягоравіч піша: «Хотя в этой непрерывной сутолоке мне было не до личных дел, но в начале мая я тревожился, что не получил от Максима ответа на два последние письма. В это время заехал попутно с фронта мой второй сын Лева, и мое внимание сосредоточилось на нем, грязном, оборванном и обовшившем... А Максим в это время доживал свои последние дни, умирая в полном одиночестве и заброшенности» [11, с. 52].

Вельмі шмат складаных тэм і праклятых пытанняў ім абодвум хацелася адзін з адным абмеркаваць, і так мала магчымасцей ім дала для гэтага багіня лёсу Мойра! А апошнія дні жыцця паэта былі сапраўды трагічныя: паэт «слег за неделю до смерти, когда пошла кровь горлом. Кровь или текла струей, или выкашливалась крупными сгустками. Была приглашена сестра милосердия, которая за ним ходила, видимо, только днем, ибо он умер совершенно один ночью» [11, с. 52].

Мабыць, галоўная заслуга аўтараў тэлефільма заключаецца ў тым, што яны беспамылкова адчулі, што ідэйны канфлікт, які вынікае з рознасці тэмпераментаў і жыццёвых пазіцый Адама Ягоравіча і Максіма, можа стаць той спружынай сюжэта, якая дасць магчымасць расправесці не толькі праўдзівую ў псіхалагічных і гістарычных адносінах, але і высокую па пачуццях кінагісторыю.

Адчуўшы гэтую іх узаемную прыхільнасць і незавершанасць не толькі сямейнага, але і агульначалавечага дыялога, рэжысёр І. Калоўскі трансфармаваў *аповед Бацькі пра Сына*, а менавіта

такім ён паўстаў у літаратурным варыянце ўспамінаў А. Я. Багдановіча, у *серыю дыялогаў Бацькі з Сынам і Сына з Бацькам* (курсіў мой. – К. Р.), прычым дыялогаў незвычайна сардэчных, інтэлектуальна насычаных і вельмі неабходных абодвум суразмоўцам.

Канстатуючы абсалютную творчую правамернасць і кінематаграфічную эфектыўнасць такога рашэння з пункту гледжання сюжэтапобудовы, застаецца загадкай выпадкова ці ж наўмысна гэты драматургічны прыём нагадвае фрагмент эпілога бессмяротнага булгакаўскага рамана «Майстар і Маргарыта»: «От постели к окну протягивается широкая лунная дорога, и на эту дорогу поднимается человек в белом плаще с кровавым подбоем и начинает идти к луне. Рядом с ним идет какой-то молодой человек в разорванном хитоне и с обезображенным лицом. Идущие о чем-то разговаривают с жаром, спорят, хотят о чем-то договориться».

Звяртае на сябе ўвагу яшчэ адно падабенства: і ў пісьменніка М. Булгакава, і ў рэжысёра І. Калоўскага старэйшы, куды больш дарослы і дасведчаны суразмоўца апраўдваецца перад малодшым за баязлівасць ці, па меншай меры, слабасць, якую ён праявіў у вырашальны момант і якую ўжо ніколі не прадставіцца магчымасць выправіць ...

Тым не менш матывы сірочага жыцця паэта і смерці ў адзіноце складваюць толькі малую долю той глабальнай калізіі, якая разгарнулася паміж Бацькам і Сынам у папярэднія гады. Гаворка, зразумела, ідзе аб іх стаўленні да будучыні Беларусі, аб ідэі нацыянальнага адраджэння і беларускай мове як неад’емнай частцы гэтай ідэі.

З жыццёвых прагматычных пазіцый такое нявер’е бацькі паэта, нежаданне ўключацца ў справу беларускага нацыянальнага адраджэння можна зразумець і прабачыць. Энциклапедыст Адам Ягоравіч лепш за многіх іншых ведаў, што з 40-х гадоў XIX стагоддзя ўрад Расійскай імперыі заўзята ўзяўся за нівеліраванне беларускага народа, за масавае перарабленне беларусаў у вялікаросаў, як канфіскоўваліся і спальваліся кнігі перыяду Вялікага Княства Літоўскага, што было цалкам забаронена кнігавыданне і ліквідавана богаслужэнне на беларускай мове, што знішчана судаводства, заснаванае на беларускім праве, што амаль пад корань ліквідавана ўніяцтва – канфесія, якая выконвала кансалідуруючую ролю ў жыцці беларускага грамадства амаль што да канца XVIII стагоддзя.

З’яўляючыся чалавекам адначасова і інтэлігентным, і практычным, бацька паэта выразна бачыў, што «дзяржаўны суверэнітэт – катэгорыя не «душэўная», а прагматычная» [10, с. 391–392], што дасягненне спрадвечнай духоўнасці, ярка выяўленай этнічнасці, пераход да актыўнага карыстання беларускай мовай, стварэнне самабытных мастацкіх твораў і нацыянальная ідэя ў цэлым павінны разглядацца і тым больш рэалізоўвацца галоўным чынам у сацыяльна-палітычным ключы.

Сам Максім Багдановіч таксама вельмі негатыўна ацэньваў сітуацыю, якая склалася ў Беларусі ў 1880–1890-я гады. Ён лічыў, што культурны пласт насельніцтва Беларусі складаўся з агульнаімперскіх адходаў, польскіх нацыяналістаў і яўрэйскай буржуазіі, якія былі ў сваёй масе іншароднымі цэламі... Ніякага колькі-небудзь прыкметнага беларускага руху тады не было, паколькі нацыянальная самасвядомасць не магла развівацца ў народзе без дапамогі беларускай інтэлігенцыі, а яна толькі яшчэ пачала фарміравацца. У канцы XIX стагоддзя першыя інтэлігенты-беларусафілы з ліку студэнцкай моладзі Санкт-Пецярбурга былі аб’яднаны вакол часопіса «Гоман», але толькі ў канцы першага дзесяцігоддзя XX стагоддзя шэрагі нацыянальнай інтэлігенцыі сталі актыўна папаўняцца.

Вяртаючыся да аналізу тэлефільма, неабходна заўважыць, што поспех арыгінальнай драматургічнай канструкцыі, задуманай аўтарамі, залежаў ад таго, наколькі гістарычна дакладным і эмацыянальна пераканаўчым будзе персанаж, які перадасі яркую і шмат у чым супярэчлівую асобу аднаго з самых блізкіх паэту людзей – выяву яго бацькі Адама Ягоравіча Багдановіча. Такі падыход да сюжэтапобудовы і жанрава-стылёвай канцэпцыі фільма дазволіў вырашыць некалькі разнапланавых задач.

Па-першае, апавяданне ад імя канкрэтнай гістарычнай асобы дало магчымасць выканаўцу ролі бацькі паэта (гэтую ролю з найвялікшым тактам і годнасцю рэалізаваў на экране народны артыст Беларускай ССР Павел Васільевіч Кармунін) ад першай асобы вымаўляць тэкст нядаўна апублікаваных успамінаў, не прытрымліваючыся пры гэтым строга пэўнай паслядоўнасці

фрагментаў і нават часам не звяртаючы ўвагі на дакладнасць цытавання друкаванай версіі ўспамінаў, напісаных у 1923 годзе (напрыклад, на першай хвіліне фільма Адам Ягоравіч, седзячы ля магілы Максіма ў Ялце, кажа: «Я перажыў сына на 23 гады...»).

Па-другое, дакладны падбор фрагментаў успамінаў дазволіў пазбегнуць празмернага тэматычнага разгрупавання – аўтары былі абмежаваныя 20-хвілінным лімітам экраннага часу.

Абраўшы шлях наўмыснага тэматычнага самаабмежавання, у іх атрымалася сфакусаваць увагу выключна на тым, што ўяўлялася самым важным: прадчуванні паэтам свайго хуткага сыходу з жыцця, яго тугі і болю ў сувязі з немагчымасцю працягнуць галіну свайго прозвішча (...Ад усіх цяпер патомкі ёсць, // Ды няма адных – Страцімавых. «Страцім-лебедзь»). Адваротным бокам гэтай трагічнай тэмы з'яўляюцца глыбокія і шчырыя перажыванні Адама Ягоравіча аб тым, што паспей ён да хворага сына ў Ялту на некалькі дзён раней, магчыма, удалося б пазбегнуць бяды і «...какая несуразность, что не он обо мне, а я о нем должен писать свои воспоминания» [11, с. 54].

І, нарэшце, па-трэцяе, псіхалагічна матываваная непаслядоўнасць, фрагментарнасць успамінаў і мастацка апраўданая ўмоўнасць іх экраннага ўвасаблення забяспечыла магчымасць адмовіцца ад якой-небудзь «рэканструкцыі факта». Спадзяючыся на праўду ўнутраную, аўтарскую, праўду гора і пакуты – калі глядач верыць, што ўсё было сапраўды так і не патрабуе дадатковых пацвярджэнняў – аўтары стужкі пайшлі па шляху аўдыявізуальнага мадэліравання ўнутранай сутнасці падзей. З вялікай доляй упэўненасці можна выказаць здагадку, што рэжысёр Ігар Калоўскі беспамылкова адчуў, што прапорцыя паміж праўдаю і фальшу будзе залежаць, галоўным чынам, ад дакладнасці ключавой асобы апавядальніка.

Дзякуючы майстэрству акцёра з вялікай літары П. Кармуніна ўсё склалася ў вышэйшай ступені ўдала: атрымалася дасягнуць найвышэйшага партрэтнага падабенства, дакладнасці ў грыве (мастак-грывёр А. Тонкі), у касцюме (мастак па касцюмах Б. Грын), у аднаўленні прадметнага асяроддзя (мастакі-пастаноўшчыкі Б. Кавецкі і А. Лагун). Пры здымках у дэкарацыі, калі ў адным кадры адначасова прысутнічалі і бацька паэта, і сам Максім, рэжысёр і аператар (Л. Слобін) будавалі кампазіцыю з выкарыстаннем напаўпразрыстага люстэрка – адзіны персанаж быў бачны на прасвет, другі – у адлюстраванні, што дазваляла дасягнуць містычнага эфекту і падкрэслівала нерэальнасць, выдуманасць размовы, якая адбываецца паміж імі.

Амаль абсалютнае мастацкае «пападанне» ў дачыненні да вобраза Адама Ягоравіча задало аналагічныя патрабаванні і да вобраза паэта (яго ролю выканаў Сяргей Журавель). На жаль, вобраз Максіма не атрымаўся такім жа магутным і паўнакроўным: драматургія, пабудаваная «ад Адама», расстаўляе акцэнт на такім спецыфічным чынам, што таленавітаму акцёру С. Журавелю ў некаторых эпізодах проста «няма чаго іграць»; ён вымушаны выконваць «прыкладную» ролю пры П. Кармуніне, маўкліва прысутнічаць у якасці слухача маналогаў свайго бацькі. Гэтая сітуацыя пагаршаецца і мінімальнай колькасцю тэксту, дэлегаванага аўтарамі самому паэту; акцёр спрабуе прыдумаць якія-небудзь «прыстасаванні», якія дазваляюць «схавацца» за фізічнае дзеянне, але практычна нічога, акрамя пакашлівання і іншых сімптомаў фізічнага недамагання, выкліканых сухотамі, знайсці не атрымоўваецца.

Але ўсё ж, стрыжнёвая тэма фільма – гэта ідэя веры ці нявер'я ў будучыню беларускага народа, беларускай мовы, у беларускую ідэю ў цэлым. Максім не толькі ўсёй душою ў яе верыць, але і гатовы зрабіць беларускую ідэю сэнсам свайго жыцця: «Беларусь, твой народ повстречается // С ярким солнцем грядущего дня // Погляди, как заря разгорается // Сколько в тучах залетных огня!» (У фільме гэтыя паэтычныя радкі дадзены ў рускім перакладзе. – К. Р.). Бацька паэта не без гонару падкрэслівае: «Такая энергия в его годы, да еще при его болезни, просто непостижима!». Успамінаючы Максіма, ён кажа: «Его всегда тянуло в Беларусь... Мне думается, его тяга ко всему белорусскому есть дело наследственности. Эта преданная, нежная любовь к своему родному, далекому, которое кажется таким прекрасным...».

З гэтых пазіцый цалкам высвятляецца шматслаёвы падтэкст назвы фільма «Я не самотны». У першым, відавочным пласце змяшчаецца адсылка да вядомых паэтычных радкоў М. Багдановіча з адзінага прыжыццёвага зборніка «Вянок»: «У краіне светлай, дзе я ўміраю, // У белым доме ля сіняй бухты, // Я не самотны, я кнігу маю // З друкарні пана Марціна Кухты». Але ў на-

зве фільма ёсць і другі, больш глыбокі падтэкст: *беларуская нацыянальная ідэя сфарміравала і аб'яднала новыя парасткі беларускай інтэлігенцыі, таму паэт не адзінокі* (курсіў мой. – К. Р.), ён не сумуе і не шкадуе аб тым, што зрабіў выбар на карысць Беларусі, яе мовы і народа, адмовіўшыся ад месца ў выратавальным Ноевым каўчэгу: «Ды не плыў к яму з мора сіняга // Страцім-лебедзь – горды, моцны птах». Высокая місія служэння інтэлігенцыі свайму народу – для М. Багдановіча ў гэтым не было сумнення – прадвызначае гатоўнасць да поўнага самаахвяравання.

У фільме «Я не самотны» рэжысёр І. Калоўскі сродкамі экраннай пластыкі па-майстэрску стварыў чароўны прасторава-часавы тунэль, які не толькі актуалізаваў праблему прыхільнасці беларускай інтэлігенцыі да нацыянальнай ідэі, але і ярка прадставіў яе сваім сучаснікам. Да гэтага варта дадаць, што стужкай пра Багдановіча І. Калоўскі вельмі ганарыўся, гэта быў адзіны з яго самых любімых фільмаў.

Трагічным чынам жыццё рэжысёра шмат у чым паўтарыла падзеі жыцця самога паэта: імкнучыся да поўнай творчай самарэалізацыі, сістэматычна працуючы «на знос», Ігар Калоўскі да часна падарваў сваё сэрца і пайшоў з жыцця праз два месяцы пасля свайго 50-годдзя (у лістападзе 1988 года).

Яшчэ праз дзесяцігоддзе, у 1990 годзе, у рамках юбілейнага тэматычнага планавання студыя «Летапіс» ініцыіруе стварэнне новага, на гэты раз вучэбнага фільма пра паэта – «Максім Багдановіч. Апокрыф» (рускомоўны фільм здымаўся па заказе Міністэрства народнай адукацыі БССР).

Рэжысёр фільма Вадзім Сукманаў – адзін з тых дакументалістаў, каго з поўным правам варта аднесці да катэгорыі тонка адчуваючых і «думаючых» рэжысёраў – не быў бы самім сабой, калі б не пачаў сваю версію кінаапавядання пра Багдановіча з яго ж філасофскай прытчы «Апокрыф» – глыбокіх разважанняў аб сутнасці і прызначэнні духоўнага пажытку: «22. Цяжка працаваў гаспадар і вось бачыць: паміж збожжа ўзраслі васількі. 23. І сказаў ён ў сэрцы сваім: хлеб адбіраюць у мяне гэтыя сінія кветкі; бо поўныя вагі каласы маглі бы ўзрасці на месцы васількоў. 24. Але яшчэ з маленства краса іх прыйшлася мне да душы. Таму я не вырву з каранём іх, як усякае благое зелле. Няхай растуць і радуюць, як у маленстве сэрца маё» (М. Багдановіч «Апокрыф»).

Прыпавесць «Апокрыф» – гэта, па сутнасці, мікрафільм у фільме, які задае вельмі дакладны паэтычна-выяўленчы камертон, эмацыянальна наладжвае глядача на наступны прагляд. Выбар В. Сукманавым такога неардынарнага кампазіцыйнага прыёму – сведчанне высокага рэжысёрскага майстэрства, дазваляючага задзейнічаць стылеўтваральную функцыю пралога экраннага твора. Акрамя таго, выкарыстанне назвы прыпавесці ў назве фільма забяспечыла дадатковую нюансіроўку тых ацэнак, якія, на думку аўтараў стужкі, яшчэ не цалкам былі пераадолены ў той час у адносінах да паэта: відавочна, што «апокрыф» – не цалкам прызнаны (або нават непрызнаны) твор, які не ўвайшоў у канон. Выкарыстоўваючы такі троп, аўтары фільма маглі іншасказальна, але ясна данесці да глядача думку пра несправядлівасць недаацэнкі творчай спадчыны М. Багдановіча. Распавядаючы аб дзяцінстве Максіма, аўтары прама кажуць, што не толькі не атрымалася захаваць для нашчадкаў дом паэта, але і што дакладнае яго месцазнаходжанне невядома.

Эмацыянальная і шчырая інтанацыя закадравага тэксту (аўтар Алег Лойка) разам з уважлівым стаўленнем да фактаграфіі, умелы падбор апорных сэнсаўтваральных элементаў сюжэтапабудовы робяць гэтую стужку, задуманую і рэалізаваную ў якасці вучэбнага фільма (аўтары памяталі аб утылітарнай функцыі асветніцкага кіно), адным з лепшых да гэтага часу фільмаў пра М. Багдановіча ў сваёй відавой катэгорыі.

У 1992 годзе калекцыю неігравых фільмаў пра М. Багдановіча папоўніў Беларускі відэацэнтр, які незадоўга да гэтага пачаў сваю працу (у 1989 годзе). Да векавога юбілею паэта быў зняты 40-хвілінны відэафільм «Максім Багдановіч. Сто» (сцэнарый Р. Барадуліна, рэжысёр В. Каралёў, апэратар С. Пушкін), у які ўвайшлі рэпартажныя матэрыялы святкавання юбілею Багдановіча ў Беларусі і за мяжой (імя паэта было ўнесена ў мемарыяльны спіс ЮНЕСКА дзясяццю гадамі раней). На жаль, недасканаласць тэхнічнай базы Белвідэацэнтра пачатку 1990-х гадоў вымусіла ажыццяўляць гэты відэапраект ў фармаце S-VHS, што істотна знізіла каштоўнасць рэпартажна знятага матэрыялу для паўторнага выкарыстання.

Радыкальныя сацыяльна-палітычныя трансфармацыі пачатку 1990-х, доўгачаканае набыццё Беларуссю дзяржаўнага суверэнітэту адкрывалі новыя магчымасці для экраннай трактоўкі і рэпрэзентацыі нацыянальнай культурнай спадчыны з улікам вынікаў найноўшых даследаванняў

і магчымасці доступу да раней закрытых архіўных даных. Аднак, нягледзячы на асобныя лакальныя прарывы, да ліку якіх можна аднесці творчасць кінадакументаліста Анатоля Алая і некаторых іншых рэжысёраў, гэтыя чаканні «творчага ўсплёску» ў цэлым не апраўдаліся. Узамен публіцыстычна завостранай кінадакументалістыкі – бескампраміснага даследчага кіно – галоўны вектар жанрава-стылёвых пошукаў перамясціўся ў бок постмадэрнісцкага дыскурса, навяянага замежнай фестывальнай практыкай. Пачалася эпоха фільмаў для фестываляў і ... фільматэкі. (Гаворка ідзе аб адсутнасці механізма прэзентацыі кінадакументалістыкі патэнцыяльным гледачам.) Гэта было выклікана і развалам савецкай сістэмы «кінавытворчасць–кінапракат», і новымі эканамічнымі рэаліямі фільмавытворчасці, і зменай пакаленняў творчых кадраў кінаіндустрыі, якая была адзначана сыходам «старых» майстроў і прыходам новага пакалення, што стварае іншыя каштоўнасці.

Спецыфічнасць сітуацыі канца 1990-х і першага дзесяцігоддзя новага стагоддзя заключалася перш за ўсё ў тым, што рэжысёр, прыступаючы да здымак кароткаметражнага неігравога фільма, арыентаваўся, галоўным чынам, на магчымы фестывальны поспех зробленай ім карціны. Надзея на атрыманне ангажэмента, прывабнага па творчым і фінансавым баках кіна-, відэа- ці тэлепраекта, які залежаў ад прысутных на фестывальных праглядах экспертаў розных замежных адборачных камісій, прымушала мірыцца і з вельмі недасканалай арганізацыяй неігравой кінавытворчасці, і з больш чым сціплай аплатай творчай працы. На думку многіх рэжысёраў, дзяржаўная кінастудыя была патрэбна толькі як прамежкая інстанцыя на шляху да фестывалю. А далей – рынкавая латарэя і рынкавыя зносіны канкрэтнага аўтара з патэнцыяльнымі наймальнікамі...

Такое становішча, у сваю чаргу, накладвала адбітак і на тэматычныя перавагі, і на трактоўку матэрыялу, і на эстэтычныя ўстаноўкі. Тэндэнцыі «фестывальна-элітарнага» кінематографа прадугледжвалі прытрымліванне модзе на непрафесійнае, стылізаванае пад аматарскае кіно. Гэта – адна з граняў постмадэрнісцкага ўплыву, чарговы віток захаплення натуралістычнымі здымкамі, этнаграфічным або яркім фенаменалагічным «жыццёвым матэрыялам», але нярэдка пры гэтым ніяк эмацыянальна не афарбаваным; матэрыялам, які падаваўся з падкрэсленай нявызначанасцю аўтарскіх пазіцый.

У 1996 годзе на студыі «Летапіс» быў створаны чарговы двухчасткавы фільм пра М. Багдановіча «Забытыя нябёсы». Лічылася, што рэжысёр фільма Віктар Асюк, на той момант нядаўні выпускнік майстэрні рэжысуры дакументальнага фільма (мастацкі кіраўнік В. Дашук) Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў, ужо валодаў дастатковым творча-вытворчым вопытам, прафесійнымі навыкамі і майстэрствам для рэалізацыі праекта. Аднак завершаная стужка паказала, што рэжысёру ўласціва зусім іншая, чым другім рэжысёрам, якія да яго звярталіся да тэмы Багдановіча, форма арганізацыйна-функцыянальнага мыслення: створаны фільм быў не пра Багдановіча!

Кінаапавяданню папярэднічаў цітр: «Прысвячаецца Максіму Багдановічу і Сяргею Палуяну». (С. Палуян – беларускі публіцыст, прэзаік і літаратуразнаўца, адзін з заснавальнікаў Беларускай прафесійнай крытыкі, які скончыў жыццё самагубствам у 1910 годзе ва ўзросце 20 гадоў.) Але ні выяўленчы рад (аператары А. Казаеў і В. Бандаровіч), ні закадравы тэкст (В. Асюк), ні музычна-шумавое рашэнне (гукааператар У. Мірашнічэнка) не ўнеслі нічога новага ў веданне, разуменне і засваенне творчай спадчыны ні М. Багдановіча, ні С. Палуяна. Адвольная кампіляцыя рыфмаваных (што належаць М. Багдановічу), прэзаічных (якія належаць С. Палуяну) і аўтарскіх (напісаных В. Асюком) фрагментаў тэксту на фоне экспазіцыі музея «Беларуская хатка», гарадскога экстэр'еру і шматзначных, асветленых кантрасным аднабаковым святлом партрэтаў акцёра І. Дзянісава не дазваляла разабрацца, пра якія менавіта «забытыя нябёсы» наогул ідзе гаворка, бо страціць можна толькі тое веданне, якім чалавек валодаў раней.

Аўтарская рэфлексія – правамерны кампанент неігравога фільма, аднак у адсутнасці масіву фактаграфічнага матэрыялу, рацыянальнага пачатку, яна папросту правісла ў змястоўнай пустэчы.

Здаецца, што кінапраект 1996 года ў чарговы раз пацвердзіў некалькі правілаў. Першае тычыцца таго, што калі прыярытэтнасць «эстэцкага» накіравання ў якасці сэнсаўтваральнай функцыі мастакоўскай свядомасці дасягае крытычнай велічыні, твор можа ператварыцца ў дарагі помнік самалюбавання. Другое правіла сведчыць, што акунуцца з галавой у сферу кінавыяўленчасці значна прасцей, чым надзяляць высокім сэнсам тэматычны заказ, нават і прымеркаваны да юбілею.

З фільмам «Забытыя нябёсы» адбылася рэч некалькі дзесяцігоддзяў таму неверагодная: сэнсавая змястоўнасць неігравага фільма цалкам перастала адпавядаць гістарычнай і сацыяльнай сутнасці з’яў; экранны вобраз страціў кантроль над рэчаіснасцю і сувязь з ёй, а сама рэчаіснасць «рэжысёрам-канцэптуалістам» была выдалена як чужародны элемент.

У 2010 годзе, напярэдадні 120-гадовага юбілею паэта, Беларускі відэацэнтр ажыццявіў вытворчасць новага відэафільма (сцэнарый К. Князева, рэжысёр М. Князеў, аператар А. Казазаеў), прысвечанага памяці паэта. Карціна атрымала назву «Максім Багдановіч. Пераадоленне».

Не жадаючы ісці пракладзеным шляхам юбілейных фільмаў-партрэтаў, аўтар сцэнарыя і рэжысёр шукалі новы, нетрадыцыйны погляд на тэму творчасці Багдановіча і кампазіцыйную структуру кінаапавядання. У выніку фільм быў пабудаваны з дзвюх паралельных, пераходных перасякальных ліній, кожную з якіх вёў асобны персанаж.

Першая лінія – «тэатральная» – заснаваная на фрагментах новай пастаноўкі Рэспубліканскага тэатра беларускай драматургіі – спектакля «Дзённік паэта» (аўтар п’есы С. Кавалёў, рэжысёр спектакля В. Баркоўскі). Галоўны дзеючы персанаж гэтай лініі фільма – малады акцёр Д. Паршын, выканаўца ролі Максіма ў тэатральнай пастаноўцы.

У якасці «рухавіка» другой, больш традыцыйнай (літаратурна-біяграфічнай) лініі была абрана маладая супрацоўніца музея М. Багдановіча Л. Сасонка, якая ў якасці «гаспадыні» музея і агучвала мінімальна неабходны набор факталагічных звестак пра жыццё паэта.

Аднак ні ў цэлым, ні паасобку гэтыя лініі не склаліся ў важкую па зместавых і фармальных характарыстыках кампазіцыю.

Па-першае, механічна завучаны абаяльнай супрацоўніцай музея аповед асноўных біяграфічных вех паэта не выйшаў за межы школьнай праграмы, а прэзентуемы набор іканаграфічнага матэрыялу – фатаграфій, паштовак, карцін, прадметаў ужытку – паўтараў тое, што ўжо неаднаразова выкарыстоўвалася ў папярэдніх фільмах іншымі рэжысёрамі.

Па-другое, экзістэнцыяльны погляд на праблему «жыццёвага шляху» М. Багдановіча, пакладзены ў аснову спектакля, калі і дадаў нешта новае ў разуменне ўнікальнай прыроды мастацкай і публіцыстычнай творчасці паэта, то знайскі гэта рацыянальнае зерне ў зафіксаваных і ўзятых у мантаж відэафрагментах немагчыма.

Біяграфічная інфармацыя, што агучваецца супрацоўніцай музея Л. Сасонкай, адрасавана акцёру Д. Паршыну, які ўважліва слухае экскурсавода. Маецца на ўвазе, што гэта неабходна для паглыблення ў вобраз Максіма. Парадокс сітуацыі ў тым, што маладому артысту для рэалізацыі рэжысёрскай задумкі ў пастаноўцы авангардысцкай накіраванасці няма ніякай неабходнасці знаёміцца з асаблівасцямі светаўспрымання паэта – жанрава-стылёвыя асаблівасці спектакля (і гэта выразна відаць па прадстаўленых у фільме яго фрагментах) гэтага не патрабуюць.

Сёння вышэйпералічанымі стужкамі калекцыя фільмаў пра Максіма Багдановіча, створаных беларускімі кіна- і відэавытворцамі, вычэрпваецца. Да 120-гадовага юбілею вялікага беларускага паэта кінастудыя «Беларусьфільм» і Беларускі відэацэнтр плануюць да запуску новыя стужкі.

Хочацца спадзявацца, што ў будучых дакументальных (а магчыма, і ігравых) стужках пра Максіма Багдановіча і іншых вялікіх дзеячаў беларускай культуры зноў будзе вернуты ў творчую практыку і атрымае перавагу такі шлях вывучэння рэчаіснасці, які можна па праве зваць даследчым, аналітычным. Яго сутнасць фармулюецца вельмі проста і лаканічна: *ад фіксацыі бачнага да разумення існага*.

Завяршыць артыкул пра паэта хочацца словамі, якія вялікі беларускі пісьменнік Ніл Гілевіч напісаў амаль тры дзесяцігоддзі таму і якія непасрэдна адрасуюцца тым, хто фарміруе гістарычную памяць народа: «... імя Багдановіча за межамі нашай краіны пакуль што, на вялікі жаль, мала вядома. Прыходзіцца гаварыць: на вялікі жаль, таму што ён – як адна з самых выдатных постацей не толькі ў беларускай, але і ў агульна-славянскай, а можа быць і ў сусветнай культуры – заслугоўвае іншай вядомасці» [3, с. 174].

Да гэтага застаецца дадаць, што ў дасягненне гэтай «іншай», значна больш шырокай вядомасці, несумненна, зробіць уклад і экранная культура, якая – хочацца верыць – будзе прырастаць ў Беларусь інтэлектуальна і эмацыянальна насычанымі, адухоўленымі жарам сапраўднага даследавання твораў.

Літаратура

1. Беларускія пісьменнікі: біябібліяграфічны слоўнік: у 6 т. / Інстытут літаратуры імя Янкі Купалы АН Беларусі; пад рэд. А. І. Мальдзіса. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1992. – Т. 1. – 542 с.
2. Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов: справочник / авт.-сост. С. В. Жумарь; Белорус. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела. – Минск, 2002. – Ч.1: Кинодокументы. – 716 с.
3. Гі л е в і ч, Н. Слова пра Максіма Багдановіча / Н. Гілевіч // Покліч жыцця і часу: публіцыст. выступленні і арт. – Мінск: Беларусь, 1983. – С. 173–187.
4. Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / НАН Беларусі; Ін-т літаратуры імя Я. Купалы; [рэд. кал.: У. В. Гніламёдаў і інш.]. – 2-е выд. – Мінск : Беларус. навука, 2002. – Т. 2. – 903 с.
5. Г р и н ч и к, Н. М. Максим Богданович и белорусский фольклор: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Гринчик // АН БССР; Ин-т литературы им. Я. Купалы. – Минск, 1958. – 20 с.
6. М а й х р о в і ч, С. Максім Адамавіч Багдановіч (літаратурна-крытычны нарыс) / С. Майхровіч // М. Багдановіч. Выбраныя творы. – Мінск: Дзярж. выдавецтва БССР, 1946. – С. 3–29.
7. М у ш ы н с к і, М. І. Беларуская крытыка і літаратуразнаўства. 40-я – першая палавіна 60-х гадоў / М. І. Мушыньскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 343 с.
8. Н а в у м е н к а, І. Максім Багдановіч / І. Навуменка // Гісторыя беларускай літаратуры XIX стагоддзя. – Мінск, 1999. – Т. 1. – С. 265–318.
9. Р е м и ш е в с к и й, К. «Летопись» и кинолетописцы (первые четыре десятилетия белорусского неигрового кино) / К. Ремишевский // Белорусское кино в лицах. – Минск: Белорус. гос. ин-т проблем культуры, 2004. – С. 225–241.
10. Ч е р н я в с к а я, Ю. В. Белорусы. От «тутэйшых» – к нации / Ю. В. Чернявская. – Минск : ФУАинформ, 2010. – 512 с.
11. Шлях паэта: зб. успамінаў і біяграфічных матэрыялаў пра Максіма Багдановіча. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1975. – 332 с.

K. I. REMISHEVSKY

MAXIM BAGDANOVICH AND EVOLUTION OF THE MEMORIAL PARADIGM IN THE BELARUSIAN SCREEN CULTURE

Summary

A wide array of audio-visual products (non-fiction films, video and television films), produced in the Republic of Belarus over the past four decades on themes of life and creativity of the great Belarusian poet Maxim Bogdanovich (1891–1917) has been analyzed in the article.

On examples of the complex and contradictory processes of cultural memory about M. Bogdanovich formation the establishment and development of the Belarusian screen culture memorial paradigm has been examined. Mechanisms of the Study of Literature's mutual influence on the screen culture have been discovered. Regularities of content, genre and stylistic approach evolution of the audiovisual works devoted to M. Bogdanovich, depending on the dominant at a particular stage of the historical axiological evaluation of poet's heritage as well as the change of the national non-fiction film making development priorities have been based, too.

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

УДК 882.6.09–3

П. П. ТКАЧОВА

МАСКА Ў САТЫРЫКА-ГУМАРЫСТЫЧНАЙ ЛІТАРАТУРЫ: ТРАНСФАРМАЦЫІ ВОБРАЗА АЎТАРА Ў МАСТАЦКІМ ТВОРЫ

Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі

(Паступіў у рэдакцыю 01.06.2010)

Вобраз аўтара ў мастацкім творы праяўляецца праз змястоўна-фармальныя якасці твора: выбар тэмы, пастаноўку праблемы, ідэю, пафас, жанрава-стылістычныя асаблівасці і г. д. Такім чынам, вобраз аўтара – гэта ўяўленне чытача аб тым, хто напісаў мастацкі твор. Безумоўна, вобраз аўтара шмат у чым можа быць падобны на самога аўтара, бо менавіта яго думкі і пачуцці закладваюцца ў твор, але ёсць выпадкі ў мастацкай літаратуры, калі вобраз аўтара падпарадкоўваецца законам стварэння мастацкага вобраза ўвогуле. У такім выпадку мы маем справу з інавацыйнай трансфармацыяй вобраза аўтара.

Пытанні, звязаныя з праблемай так званай «аўтарскай маскі», – спосабу прыхавання пісьменнікам уласнага твару з мэтай стварэння ў чытача вобраза аўтара, які адрозніваецца ад рэальнага чалавека, што насамрэч напісаў дадзены твор, перыядычна ўзнімаліся ў літаратуразнаўстве. Адна з першых спроб асэнсавання ролі аўтарскай маскі ў творчасці пісьменніка належыць М. Валошыну («Лица и маски», 1910) [1]. У свой час да гэтай праблемы звярталіся Ю. Тынянаў, І. Груздзеў, А. Люцікава і іншыя [2–4]. Адна з арыгінальных канцэпцый на гэту тэму з’явілася на пачатку 20-х гадоў мінулага стагоддзя. Яе аўтар М. Бахцін закранаў не толькі пытанні, традыцыйна звязаныя з гэтай тэмай, напрыклад, паралель: аўтар – чытач, але і не менш значную: аўтар – герой [5]. Своеасаблівы падыход да аўтарскай маскі належыць постмадэрнісцкай эстэтыцы. А. Асоўскі сцвярджае, што постмадэрнісцкая эстэтыка ўспрымае аўтарскую маску «как важный структурообразующий принцип повествовательной манеры постмодернизма» [6]. Адсюль вынікае, што ў літаратурнай практыцы заходняга постмадэрнізму ў апошні час аўтарская маска набывае большае значэнне, чым асоба самога аўтара. Так, у прадмове да свайго аўтабіяграфічнага рамана «Моя тайная история» П. Тэру з іроніяй пісаў: «Что до самого рассказчика, Пол Теру из книги похож на меня чрезвычайно, но и он – участник маскарада. Хранит кое-что в тайне – по-прежнему привилегия писателя, и он вправе использовать вместо маски собственное лицо. Вот тут уж я никаких вольностей себе не позволял. Пускай рассказчик вымышленный, но маска – самая настоящая» [7].

Каб разабрацца ў дадзенай праблеме, трэба, на нашу думку, перш-наперш звярнуцца да першапачатковага прызначэння маскі, яе існасці ў культурна-эстэтычным жыцці чалавека. Маска (ад франц. *masque*, з араб. *maṣḥara* – «насмяхацца», «рабіць смешным, а таксама «жарт») – гэта накладка з проразамі для вачэй, найчасцей з выявай чалавечага твару ці галавы жывёлы, птушкі, міфалагічнай істоты і г. д. Зыходзячы з гэтага азначэння, можна сцвярджаць, што першапачаткова маска (абрадавая, рытуальная, тэатральная і г. д.) прызначалася для змянення твару пад адпаведны вобраз. Так, напрыклад, у антычным тэатры маска з’яўлялася элементам тэатральнага грыву і адлюстроўвала пэўны тыповы характар, а часам нават і адпаведны настрой героя [8–12].

Калі мы разглядаем маску, якая пры апрананні цалкам закрывае твар, то бачна, што нязменнымі («сваімі») застаюцца толькі вочы. Гэта акалічнасць, на нашу думку, з’яўляецца сімвалічнай менавіта для аўтарскай маскі, бо змяняючы аблічча, аўтар так ці інакш перадае ўласнае бачанне свету, свае пачуцці і ўяўленні. Толькі спосаб і манера, прыёмы і стыль і г. д. могуць змяняцца пад уздзеяннем маскі, што прымушае нас гаварыць пра інавацыйныя трансфармацыі вобраза аўтара, асабліва, калі мы гаворым пра аўтарскую маску ў сатырычным (гумарыстычным) творы, дзе «я» героя, часцей за ўсё, гэта «я» – гумарыстычнага ці сатырычнага персанажа, якога аўтар высмейвае.

Адной з праяў інавацыйнай трансфармацыі вобраза аўтара можна лічыць подпіс-псеўданім пад мастацкім творам. Аднак не кожны псеўданім цалкам выконвае гэтую ролю, для трансфармацыі вобраза аўтара патрэбна з’яўленне псеўданіма-маскі.

Смех у сатырычным (гумарыстычным) творы ахоплівае, на нашу думку, усе бакі творчасці сатырыка (гумарыста), у тым ліку ўплывае і на псеўданім-маску (адсюль з’яўленне пэўнай «жыццёвай» праграмы, адпаведнага стылю, погляду, нават асабістага светаўспрымання. Пісьменнік нібы пераўвасабляецца ў той вобраз, які мае на мэце стварыць. Чаму пісьменнік выбірае новае імя? Таму, што яму патрэбны іншы вобраз аўтара, іншая асоба, паколькі ён сам «не здольны» выканаць тую праграму, якую стварае для маскі. Паспрабуем разгледзець усё вышэйсказанае на прыкладах.

Класічным прыкладам у дадзеным выпадку, на наш погляд, з’яўляюцца творчасць і літаратурная маска К. Атраховіча – «Крапіва». Трэба заўважыць, што гэта самы вядомы, але не адзіны яго псеўданім. Ён падпісваўся, напрыклад, як Астапчук, Доўгі Мацей, але гэтыя псеўданімы не атрымалі шырокай папулярнасці. Крапіва – псеўданім, які найбольш яскрава ўвасобіўся ў творчасці пісьменніка. Гэта сапраўдная маска. Паколькі для яе быў абраны адпаведны стыль, створана асабістая праграма. Ролю праграмы «выконвае» гумарыстычны верш:

Я ў мастацкім агародзе
Толькі марная трава.
А якая? Смех, дыг годзе:
Я – пяхучка-крапіва.
Я расту вась тут пад плотам
І не так даўно ўзышла,
А ўжо многім абармотам
Рукі-ногі папаякла.

Хто палез за агуркамі,
Хай той носіць пухіры –
Мяне голымі рукамі
Асцярожна, брат, бяры.
Хто сустрэўся, быў са мною,
Дакрануўся раз ці два,
Дык той ведае ўжо, хто я:
Я – пяхучка-крапіва [13, с. 12].

Трэба адзначыць, што «марная трава» «ў мастацкім агародзе» – зашыфраваны вобраз, аздоблены своеасаблівым планам дзеяння: пячы, апякаць яскравым, гарачым смехам. «Пяхучка-крапіва» папаякла «абармотам» «рукі-ногі». Хто ж тыя «абармоты», што «палезлі за агуркамі»? А іх шмат: гэта і героі баек, і адмоўныя персанажы фельетонаў, памфлетаў, сатырычных ды гумарыстычных апавяданняў і, канечне ж, героі яскравых камедый К. Крапівы.

Крапіва – псеўданім, які практычна цалкам ахоплівае творчасць К. Атраховіча, як маска, якой пісьменнік падпарадкаваў, за малым выключэннем, практычна цалкам сваю творчасць, фактычна – гэта другое «я» мастака. Тое ж самае мы назіраем і ў творчасці ўкраінскага пісьменніка Астапа Вішні (сапр. Паўло Губенка). Тут, праўда, не назіраецца, як у першым прыкладзе, прамой сувязі абранага псеўданіма са смехам (сапраўды, Крапіва – пяхучка, а Вішня – нешта круглае, смачнае, прывабнае). Праўда, сам П. Губенка адзначаў, што вішні таксама бываюць і кіслыя. У той жа час – зноў адпаведная праграма, стыль і нават свой жанр «усмешкі» – жанр, які быў створаны спецыяльна для гэтай мянушкі-маскі (у прыватнасці, «Усмешкі кааператыўныя, гандлёвыя і іншыя», «Крымскія ўсмешкі», «Усмешкі калгасныя...» і г. д.).

Ёсць аўтары, творчасць якіх, узятая разам, пакідае ўражанне, што аўтар пражыў некалькі розных жыццяў. Так, напрыклад, адбылося з творамі У. Высоцкага. Безумоўна, пад яго творамі маглі б з’явіцца подпісы (псеўданімы-маскі), але гэтага не адбылося па аб’ектыўных прычынах. Пры жыцці пісьменніка практычна нічога не было надрукавана, творы захаваліся ў асабістым выкананні аўтара на магнітных стужках. У творчасці гэтага пісьменніка назіраецца інавацыйнае

сумяшчэнне вобраза аўтара з вобразамі галоўных герояў яго твораў, ад імя якіх вядзецца аповед. І пацвярджэннем гэтаму з'яўляецца тое, што У. Высоцкага прымалі і за франтавіка, і за альпініста, і за былога палітычнага зняволенага і г. д. І ўсё гэта быў адзін чалавек, таму як бы атрымалася, што ён адзін пражыў шмат розных жыццяў. Аднак вобраз аўтара, сабраны разам, па-першае, не адпавядае цалкам У. Высоцкаму (напрыклад, ён не быў на фронце, бо нарадзіўся ў 1938 годзе, ён не сядзеў у лагеры і г. д.), па-другое, вобраз аўтара настолькі разнастайны, што яго і сапраўды хопіць на некалькі жыццяў. Трэба таксама адзначыць, што з трансфармацыяй вобраза аўтара ў яго творчасці адбываюцца і стылістычныя трансфармацыі. Адсюль можна зрабіць выснову, што мы маем справу зноў-такі з мастацкай маскай, якую апранае аўтар дзеля стварэння дадзенага вобраза. І для творчасці У. Высоцкага гэта вельмі натуральна, бо ён быў выдатным акцёрам, а яго новы герой – гэта чарговая роля, якую трэба было сыграць, і сыграць так, каб усе паверылі, што ўсё адбываецца на самай справе: «Я – актер, я играл много ролей и в театре, и в кино и очень часто бывал в шкуре других людей. И мне, возможно, проще так работать – писать «из другого человека». Я даже, когда пишу, уже предполагаю и проигрываю будущую песню от имени этого человека, героя песни, – еще и потому почти все мои песни написаны от первого лица. Сначала прикидываешь, что за характер у персонажа, и идешь от характера. Если вы обратили внимание, исполняя эти вещи, я, в общем-то, даже стараюсь *показать* вам персонаж, от имени которого поется песня» [14, с. 215].

Толькі ў 4-ю томным зборы твораў У. Высоцкага 65 твораў пачынаюцца з «я»: «Я – Баба Яга...», «Я был слесарем шестого разряда», «Я – летчик, я – испытатель», «Я несла свою Беду...», «Я скачу, но я скачу иначе...», «Я – «Як», истребитель, – мотор мой звенит...» і г. д. [14, с. 395–397]. Трэба адзначыць, што большасць твораў У. Высоцкага напісана ад першай асобы, сам жа ён успамінаў: «Мне пишут в письмах, был ли я тем, от имени кого пишу: не был ли шофером, не воевал ли, не «трудился» ли на Севере, не был ли шахтером и так далее. Это все происходит оттого, что почти все мои песни написаны от первого лица: я всегда говорю «я», и это вводит некоторых людей в заблуждение. Они думают, что если я пою от имени шофера, то я им был; если это лагерная песня, то я обязательно сидел, и так далее. Просто некоторые привыкли отождествлять актера на сцене или экране с тем, кого он изображает. Нет, конечно, понадобилось бы очень много жизней для этого. Кое-что на своей шкуре я все-таки испытал и знаю, о чем пишу, но в основном, конечно, в моих песнях процентов 80–90 домисла и авторской фантазии. Я никогда не гнался за точностью в песне. Она получается как-то сама собой, не знаю отчего.

Я думаю, что вовсе не обязательно подолгу бывать в тех местах, о которых пишешь, или заниматься той профессией, о которой идет речь в песне. Просто нужно почувствовать дух, плюс немножечко фантазии, плюс хоть немножечко иметь какие-то способности, плюс чуть-чуть желания, чтобы зрителю было интересно. Поэтому я рискую говорить «я» вовсе не в надежде, что вы подумаете, что я через все это прошел» [14, с. 214].

Трэба сказаць, што герой У. Высоцкага, народжаны ад «я» – аўтарскага «я», ёсць не што іншае, як увасобленае інавацыйнае аўтарскае «я» (аўтарскія думкі, перажыванні, аўтарскія пачуцці) у вобразе яго героя (так сказаць, у вобразе іншага чалавека), а дакладней, пэўнай мастацкай асобы (калі ўлічыць «я» – папугая, мікрафона, нават «я» душы загінуўшага героя ў творах «Черные бушлаты», «Песня о звездах» і інш.).

«Меня часто отождествляют с героями моих песен, но никто и никогда не догадался еще спросить, не был ли я волком, лошастью или истребителем, от имени которых я тоже пою: ведь можно писать от имени любых предметов, в них во все можно вложить душу – и все!...

...В детской пластинке «Алиса в стране чудес»... есть история попугая, который рассказывает, как он дошел до жизни такой, как он плавал, пиратом был и так далее... Я там за попугая пою сам. Это в принципе снимает многие вопросы: был ли я тем, от имени кого пою? Попугаем я не был – ни в прямом, ни в переносном смысле. Если говорить серьезно, я на самом деле никогда никому не подражал и считаю это занятие праздным...» [14, с. 217].

Не пераймаючы і не з'яўляючыся ўсімі сваімі героямі адначасова, У. Высоцкі выкарыстоўвае маску як прыём пабудовы літаратурнага дыскурсу. Ствараючы вобраз галоўнага героя, ад імя якога вядзецца аповед, У. Высоцкі вызначае суадносна з гэтым дыскурс, элементы якога пада-

браны настолькі дакладна, што ствараецца ўражанне адзінства аўтара і вобраза галоўнага героя. Безумоўна, У. Высоцкі не быў «папугаем», аднак вобраз Папугая з «Песни Попугая» прадстаўлены настолькі яскрава, што не пакідае сумненняў у існаванні гэтага героя на самай справе. Гэтага аўтар дасягнуў пры дапамозе стварэння маскі Папугая, праз адпаведны змест і форму дадзенага твора.

Змест уяўляе сабой «аўтабіяграфічны» апавед, які вядзецца ад імя «я» галоўнага героя. У адпаведнасці з тым, што такі апавед аб пірацкіх прыгодах мог належаць чалавеку, а не птушцы, трэба канстатаваць, што перад намі – алегарычнае апавяданне, наяўнасць жа ў ім маралі падштурхоўвае чытача да думкі, што перад намі – байка. Знойдзеная намі ў «Песне Попугая» алітэрацыя (характэрная рыса класічнай байкі І. Крылова) таксама падкрэслівае думку аб байцы (тэкст дадзенага твора насычаны гукамі [р], [к], [п], [ш] і г. д.). Наяўнасць рысаў байкі, з аднаго боку, і маска Папугая – з другога, дазволілі аўтару ўключыць у дадзены твор дадатковыя філасофскія сэнсы, а пад відам дыскурсу жартаўлівай песенкі перадаць прыхаваны змест. Таму гэта не проста гісторыя Папугая, а гэта гісторыя чалавека, які быў неадукаваны, патрапіў у няволю, навучыўся (наперакор абставінам) шмат чаму, прычым гэты чалавек не стаў рабом, ён паўтараў толькі тое, што жадаў сам, і адчуваў сябе пры гэтым індывідуумам. І можна сказаць, што гэта гісторыя народа, якога захопнікі хацелі падпарадкаваць сабе, каб атрымаць адукаваных рабоў, але народ стаў адукаваным і ў той жа час застаўся вольным і моцным духам. Наяўнасць некалькіх філасофскіх сэнсаў – таксама характэрная рыса байкі. Аднак на гэтым падабенства да класічнай байкі заканчваецца. У. Высоцкі ўскладняе жанр дадзенага твора інавацыйнымі прыёмамі [15–18].

Па-першае, ён змяняе вобраз-сімвал – Папугай (той, хто ўвесь час паўтарае за кімсьці) на супрацьлеглы – Папугай у «Песне Попугая» паўтарае толькі з мэтай нешта вывучыць і толькі тое, што сам жадае:

Давали мне кофе, какао, еду,
Чтоб я их приветствовал: «Хау ду ю ду!»
Но я повторял от зари до зари:
«Карамба!», «Коррида!» и «Черт побери!» [19, с. 412].

Па-другое, вобраз галоўнага героя падаецца аўтарам як станоўчы (у класічнай байцы часцей – адмоўны), бо вобраз Папугая аўтар напісаў з усмешкай, але выклікае гэтая ўсмешка пачуцці спакушвання і нашы станоўчыя адносіны да галоўнага героя.

Па-трэцяе, для пабудовы твора У. Высоцкі выкарыстоўвае не разнастопны ямб, што характэрна для класічнай байкі, а амфібрахі (трохскладовая стапа з націскам на другім складзе). Прычым асноўныя радкі напісаны чатырохстопным амфібрахіем, а радкі, якія ўдакладняюць асноўны сэнс, – трохстопным амфібрахіем. Гэта стварае адпаведны рытмічны малюнак, які ў сваю чаргу падтрымліваецца своеасаблівым размеркаваннем радкоў: два, чатыры, пяць, чатыры. Гэты рытмічны малюнак (2–4–5–4) паўтараецца тройчы. Ён звязаны з колькасцю міні-кульмінацый твора і мае адпаведную схему рыфмоўкі: аа/бвбв/ггдд/ееее (альбо ееежж). Такая форма спрыяе найбольш поўнаму раскрыццю зместу, паколькі яна стварае эфект напружання, руху, дазваляе ў малую форму закласці большы змест.

Трэба адзначыць, што маскі У. Высоцкага не з'яўляюцца застылымі. Яны падобны да «масак-трансфармацый» з некалькімі тварамі, якія імгненна змяняюць свой знешні выгляд, іншымі словамі, маскі У. Высоцкага наслойваюцца адна на адну. Напрыклад, пад маскай Папугая ў дадзеным творы мы бачым маску чалавека, а галоўны герой мае нібы два твары.

Аўтарскія маскі У. Высоцкага ляглі ў аснову яго творчай лабараторыі, яны вызначаюць унутраны стан жанраў, асаблівасці стылю, паколькі гэта своеасаблівае бачанне аўтарам рэчаіснасці [20–21].

«Наша Ніва» – выданне не сатырыка-гумарыстычнае, але і на старонках так званых «сур'ёзных» выданняў мы сустракаемся са смехабачаннем як з адным з кампанентаў светабачання ўвогуле. Смеханапаўненне «Нашай Нівы» – тэма вельмі шырокая. Сюды ўваходзіць шэраг розных пытанняў, звязаных перш-наперш з выкарыстаннем жанравай палітры і нацыянальнымі своеасаблівасцямі жанравых форм. На смеханапаўненне ўплываюць тэма, ідэя, аб'ект сатыры і гу-

мару, сюжэтно-кампазіцыйныя асаблівасці пабудовы твора і г. д. Трэба адзначыць, што значную ролю адыгрываюць подпісы пад творамі: «Тамаш Булава», «К. Альбуцкі», «Тарас Гушча», «Агарак», «Дзядзька Карусь», «Марцін», «Стары Шут», «Дземянаў Гуз», «Андрэй Сацыяліст», «Пятрусь Дзягель», «Янук з-пад Мінска», «Левы», «Вайдэльота», «Дзядзька Пранук», «Сымонка», «Альберт Пав-ч» і г. д. У дадзеным выпадку, на нашу думку, трэба гаварыць зноў-такі не проста аб псеўданімах, а аб псеўданімах-масках.

Пад псеўданімамі-маскамі на старонках «Нашай Нівы» друкаваліся К. Міцкевіч, Ф. Умястоўскі, У. Голуб, І. Луцэвіч, А. Паўловіч і іншыя. К. Міцкевіч падарыў чытачу «Якуба Коласа», але гэта была яго, так сказаць, «сур'ёзная маска», якая ахоплівае большую частку яго творчасці. Між тым і «Тамаш Булава», «К. Альбуцкі», «Тарас Гушча», «Агарак», «Дзядзька Карусь», «Марцін», «Стары Шут», «Дземянаў Гуз», «Андрэй «Сацыяліст», «Пятрусь Дзягель» і г. д. – гэта таксама К. Міцкевіч. Паўстае пытанне: навошта пісьменнік выкарыстаў цэлы шэраг літаратурных псеўданімаў-масак? На нашу думку, гэта дало яму магчымасць пісаць на розныя тэмы, з розных жыццёвых пазіцый, прыцягваць увагу розных чытачоў. Для прыкладу возьмем псеўданімы «Агарак» і «Стары Шут».

Пад псеўданімам-маскай «Агарак» на старонках «Нашай Нівы» друкуюцца сатырыка-гумарыстычныя апавяданні-гісторыі з жыцця мужыкоў.

Сатырыка-гумарыстычнае апавяданне «Андрэй-выбаршчык» прысвечана тэме выбараў у Думу. У ім выкарыстаны дасціпныя вясковыя жарты, народная мова. Сюжэт апавядання трымаецца на славутым пытанні: «Хто ва ўладзе?». Здавалася б, зусім іншай тэме прысвечана апавяданне «У балоце»: «Загразла ў балоце панская каляска разам з панскаю сям'ёю, слугамі, конямі, са ўсім панскім скарбам. Урэзалася яна ў гразь па самыя калодкі, засела на сярэдзіне балота. Палеглі на чэравах коні і ... ні «тпррру», ні «но!» (...) Першым апомніўся пан і ўзяўся за работу. Перш-наперш трэснуў ён кулаком хурману ў спіну, вылаяўся на ўсё балота і пусціў у ход усю машыну. Хурман, узяўшы цугу, высвенцаў коней. Коні задрыгалі нагамі, заварушыліся, перавярнуліся з аднаго боку на другі, і ... машына стала». Тут з'явіліся мужыкі, а разам з імі і вясковыя жарты, своеасаблівая мова.

Гэтыя апавяданні розныя па тэме, кірунку, але аднолькавыя па стылю, бачанню праблемы, жанру. Мяннецца псеўданім-маска – мянецца і ўсё астатняе. За подпісам «Стары Шут» К. Міцкевіч змяшчае ў «Нашай Ніве» карацелькі-жарты.

Вось, напрыклад, у № 1 за 1907 год чытаем:

«– Ітак, браціе, сам Бог павелевае ўважаць власць...
– Бацюшка! І вураднік – власць?
– Власць.
– Ад Бога?
– Ад Бога.
– А, ото ж усадзіў Бог власць, як у пень!..» [22, с. 3].

Падобная да гэтай і карацелька «З судовай практыкі ў Мінскім павеце».

Такім чынам, у аднаго пісьменніка можа быць некалькі псеўданімаў.

Цэлую галерэю псеўданімаў-масак стварыў А. Аверчанка, што прывяло да вялікай колькасці аб'ектаў смеху ў творчасці гумарыста. Праблему смеху і аб'екта смеху ў творах А. Аверчанкі ў той ці іншай ступені закраналі практычна ўсе даследчыкі. Гэта адзначае і А. Міхайлаў ва ўступе да кнігі «Избранные рассказы» [23].

Закранае гэтае ж пытанне і С. Ніканенка. Ён падкрэсліў такую асаблівасць аверчанскага таленту, як пісаць пра ўсё на свеце: «Создается впечатление, что подобно мифическому царю Мидасу, от чьего прикосновения все превращалось в золото, Аверченко способен любую материю обратить в смех. Вероятно, нет такого литературного приема, к которому прибегали бы в прошлом и используют его сегодня сатирики и юмористы, которым бы в совершенстве не владел писатель. Если бы можно было собрать целиком все наследие Аркадия Аверченко, то оно могло бы служить наглядным пособием и иллюстрировать любой прием создания комического в литературе» [24, с. 18].

З гэтым нельга не пагадзіцца. Даследчыкі адзначалі смехавую разнастайнасць, залежнасць смеху ад аб'екта смеху і г. д., але ніхто не звярнуў увагі на тое, што дало магчымасць пісьменніку дасягнуць такой разнастайнасці, што дазволіла ацэньваць яго творчасць як творчасць розных людзей. Нагадаем, напрыклад, якую адзнаку дае А. Аверчанку К. Чукоўскі ў сваім артыкуле «Устрицы и океан» (Речь. – 20.03.1911. – № 77). А. Аверчанка, з яго слоў, – і «Фридрих Ницше», і «придворный щекотальщик».

Даследчыкі не звярнулі ўвагі на тое, што самім лёсам пісьменнік быў пастаўлены ў такія ўмовы, пры якіх пісаць інакш ён не мог. Пачынаючы яшчэ з харкаўскага «Штыка», дзе, па яго ж словах, ён быў і за рэдактара, і за журналіста, і за мастака, і за карэктара... А. Аверчанка становіцца адзіным у некалькіх асобах: ён з самага пачатку сваёй журналісцкай дзейнасці вымушаны быў пісаць на розныя тэмы, з розных пунктаў гледжання. Рабілася гэта, каб чытач «Штыка» не адчуваў недахопу ў «спецыялістах». Менавіта гэта і дапамагло яму зрабіць адно з цікавейшых адкрыццяў, якое, у сваю чаргу, спрыяла здзяйсненню мары пісьменніка – падабца ўсім чытачам, прыцягваць да выдання публіку.

«Сатирикон» не меў недахопу ў супрацоўніках. Між тым, А. Аверчанка пакідае за сабою права (будучы на пасадзе рэдактара) пісаць і пісаць шмат. А каб мець магчымасць размаўляць з любым чытачом, ён стварае галерэю псеўданімаў-масак. Цэльны, аб'ёмны вобраз – маска жыве на старонках «Сатирикона» «асабістым» жыццём і атрымлівае «ўласны» ганарар. Маскі А. Аверчанкі – цэлы штат супрацоўнікаў выдання: Мядуза Гаргона, АВЕ, Воўк, Фальстаф, Фама Апіскін і інш. І што, на наш погляд, асабліва цікава: маскі ў «сваіх» творах выказваюць супрацьлеглыя думкі. Такім чынам, кожная маска «мае» на старонках выдання свой уласны погляд на жыццё, свой стыль, смехавую палітру, свае тэмы, жанры, аб'екты смеху. Палітычны памфлет Мядузы Гаргоны ніколі б не падпісаў Фама Апіскін. А інтэлігентны АВЕ не ўзяўся б за тэмы, што з задавальненнем «распрацоўвае» Воўк. Менавіта са стварэннем масак і звязана разнастайнасць аб'ектаў смеху і самога смехавага свету ў творчасці А. Аверчанкі. Усё гэта лёгка прасачыць, калі даследаваць яго творы па часопісах, дзе захаваліся ўсе подпісы, дзе добра бачна першапачатковая задума аўтара. Калі ж даследчык знаёміцца з кніжным выданнем А. Аверчанкі, то ён і сапраўды губляецца ў разнастайнасці тэм, кірункаў, стыляў і г. д. Дарэчы, трэба заўважыць, што ўсё вышэйадзначанае цалкам датычыцца толькі творчасці А. Аверчанкі да 1917 г. Пасля эміграцыі галерэя масак губляе свой сэнс (загадам урада была прыпынена дзейнасць «Нового Сатирикона»). У творчасці пісьменніка пачынае пераважаць палітычная тэматыка, а да яе ў дадатак ён піша яшчэ і пра тое, што нараджаецца гэтай палітыкай, – жыццё, побыт эмігрантаў. Зрэдку ён піша аб дзеях і зусім рэдка аб мастацтве (ці да мастацтва!). Таму, пры даследаванні масак мы будзем разглядаць толькі даэмігранцкую творчасць гумарыста. Наша задача, як ужо было заўважана, перш-наперш у тым, каб прасачыць залежнасць смеху ад маскі. Таму, на нашу думку, не пашкодзяць невялічкія моўныя партрэты самых яркіх масак А. Аверчанкі.

Мядуза Гаргона – дама вядомая – займаецца палітычнай сатырай, за яе подпісам зладзённыя памфлеты. Яе партрэт – вобраз даволі арыгінальны, паколькі чытач уяўляе яе старай свецкай дамай, якая любіць плёткі і асабліва палітычныя: ведаць, што робіцца ў вышэйшых колах грамадства, – яе абавязак. Яна здэкуецца з кожнага вядомага палітыка, смех яе – дзёрзкі, рэзкі, саркастычны. Яе не цікавяць дробязі жыцця, вось буйныя палітычныя сваркі – іншае пытанне.

З'яўленне гэтай маскі было вызначана самой гісторыяй. Да дня нараджэння «Сатирикона» (красавік 1908 г.) першая руская рэвалюцыя была падаўлена. Былі забаронены шматлікія сатырычныя і гумарыстычныя выданні («Пулемет», «Заря», «Жупел», «Зритель», «Зарево» і г. д.). А. Аверчанка сам казаў, што спазніўся са сваім жаданнем займацца сатыраю: «... Я приехал в столицу в наиболее неудачный момент – не только к шапочному разбору, но даже к концу этого шапочного разбора, когда уже почти все получили по шапке...» [25, с. 6].

Назаўсёды захаваўся ў гэтых радках подых часу. А. Аверчанка адчуваў увесь драматызм становішча прэсы таго часу, між тым, сам ён бярэцца за справу, у дапамогу выкарыстоўвае «эзопавую мову», сістэму кодаў, якую выпрацавалі часопісы 1905–1906 гг. На першы погляд, памфлеты Мядузы Гаргоны – не зусім зразумелыя і не вельмі смешныя. Іх смех (рэзкі, саркастычны) добра прыхаваны самою гісторыяй, і толькі калі аднавіць палітычны малюнак таго часу (безумоўна, вядомую сучасніку гумарыста), то можна зразумець, якое смехавае напаўненне мелі гэтыя творы.

За подпісам Мядузы Гаргоны выйшла шмат памфлетаў, сатырычных мініячюр. Яе сатырычны погляд закрануў амаль усіх вядомых палітыкаў таго часу.

Пра каго піша Воўк? Пра генерал-губернатараў, пра членаў таварыстваў, дэпутатаў і ўрад, пра звычайных людзей і г. д. Здаецца, што яго задача – толькі заўважыць, схпіць, а затым – «ў кусты».

Фельетон «Крутые времена» пачынаецца паведамленнем, якое аўтар хутчэй за ўсё прачытаў у газеце: «В Саратовском отделении русского народа касса оказалась абсолютно пуста. Не хватило даже на посылку телеграммы Дубровину» [26, с. 3].

Што далей? Далей у характэрнай для аверчанкаўскіх фельетонаў манеры распавядаецца, як уяўляе сабе гэтую карціну сам аўтар. Але недарэмна гэты фельетон выйшаў у свет за подпісам «Воўк». Напісаны ён са з'едлівай ухмылкай, сцісла, без усялякіх літаратурных упрыгожванняў ды філасофіі.

Атмасфера саюза, вобразы яго лідараў, планы – усё гэта перадаецца праз дыялогі герояў. Воўк – назіральнік, ён у баку ад падзей. Пра яго адносіны да ўсяго, што адбываецца ў фельетоне, мы даведваемся толькі праз тое, які матэрыял падаецца, паколькі ўласныя аўтарскія меркаванні адсутнічаюць. Героі фельетона – палітыкі-дылетанты з Саратава. Ім трэба адправіць тэлеграму, але грошай няма, бо ў казне пуста. І Воўк раскрывае тайну, чаму там пуста. Робіць ён гэта ў самым канцы фельетона, у загадкавым, нечаканым заключэнні. Чытач даведваецца, куды падзеліся грошы з казны Саратаўскага аддзела Саюза рускага народа, высьвятляецца, што члены саюза проста іх прапілі. Такім чынам Воўк паказвае, якія на самай справе палітыкі ў гэтым саюзе.

Калі ўлічыць вышэйадзначанае, можна сказаць, што мініячюры Воўка падобныя да невялічкіх анекдотаў з канцом, які кожны разумее па-свойму.

Так, у сатырычнай мініячюры «Отчаянное средство» (Сатирикон. – 1909. – № 17) распавядаецца, як прадстаўнік грамадзян Адэсы прапанаваў грамадзянам Калугі памяншаць губернатарамі. Але калужане адмовіліся браць сабе губернатара з Адэсы, таму прадстаўніку з горада Адэсы нічога не заставалася, як павесіцца на дрэве ў гарадскім садзе.

Твор гэты мала зразумелы сёння, а між тым адчуваецца смех ад адчаю. Такая тэматыка і такі кірунак не характэрны больш ні для адной з масак А. Аверчанкі. Воўк не надта часта трапляецца на старонках «Сатирикона». Але само з'яўленне гэтай маскі гаворыць шмат аб чым. А. Аверчанку цікавіла не толькі высокая палітыка, не толькі элітарнае мастацтва, яго цікавіў і просты чалавек, жыхар невялічкага гарадка, з якога калісьці выбраўся ў свет і сам гумарыст.

AVE – будзь здаровы! Гэтая маска дае адказы на лісты ў «Почтовом ящике». Але перш-наперш AVE – крытык. Ён вядзе сваю тэатральную старонку ў «Сатириконе», піша аб жывапісу, паэзіі і г. д. AVE выступае супраць мадэрнізму, авангардызму...

Перамяніў маску А. Аверчанка – змяніўся аб'ект яго смеху (была Мядуза Гаргона – была палітычная сатыра, быў Воўк – быў смех з адчаю, смех з сябе, затым з'явіўся AVE ў шыкоўнай тэатральнай вопратцы, у гальштуку, адукаваны і выхаваны – змяніўся аб'ект смеху, і размова пайшла аб мастацтве).

Аднойчы AVE ў «Весах» прачытаў успамін К. Бальмонта аб наведванні Яснай Паляны. Менавіта з гэтага і пачынаецца фельетон «Великий писатель земли Русской у Льва Толстого». К. Бальмонт успамінае: «Великий старик добрым голосом говорил, подтрунивая: «А вы все декадентские стихи пишете? Нехорошо, плохо».

Я ему прочел «Аромат Солнца», а он ... беззвучно посмеивался и приговаривал: «Ах, какой вздор! Аромат Солнца. Ах, какой вздор!». Он попросил прочесть еще что-нибудь. Я прочел... Лев Толстой притворился, что и это стихотворение ему не нравится...». Гэтыя словы К. Бальмонта і сталі матэрыялам для фельетона, сталі аб'ектам смеху. Далей аўтар іранізуе, пасмейваецца з Бальмонта. У прыватнасці AVE расказвае аб тым, як К. Бальмонт з'явіўся да Толстого з прапановай пачытаць вершы:

«– Ну, уж так и быть... – Прочту свои стихи! Что уж с Вами делать!...

Едва сдерживая душившую его радость, он притворился хладнокровным, сказал:

– Может быть, стишки бы того ... по боку! А?» [27, с. 3].

А. Аверчанка выкарыстоўвае размоўны стыль. Смех перадаецца пры супастаўленні таго, што мог сказаць Талстой, і таго, што яго «прымушае» казаць А. Аверчанка. Далей К. Бальмонт прапануе Талстому паслухаць «Аромат Солнца».

«По мере чтения его врожденная шутливость и природный юмор возрастали, и на третьем стихотворении великий старик закричал хриплым голосом, притворяясь испуганным:

– Эй, люди! Сюда... Ко мне!!

Вбежало несколько человек прислуги.

– Уведите этого человека – устройте, чтобы он поскорее уехал! – попросил он, притворяясь негостеприимным.

– А я вам еще хотел почитать свой «Скрежет Млечного пути»...» [27, с. 3].

Трэба адзначыць, што ў AVE – выдатны густ. Ён мог бы быць выдатным «... істам», каб не быў супраць абстрактнага мастацтва. Заўважым, як трапна ён знайшоў новы загалавак вершам К. Бальмонта «Скрежет Млечного пути», які нічым не горш за «Аромат Солнца». Цікава падазена і рэакцыя самога Талстога: «Притворяясь, что заглавие этого стихотворения кажется ему не совсем удачным, великий старик запустил в меня маленькой скамеечкой для ног и вскричал, тщательно скрывая свое преклонение перед мощью моего таланта:

– Отказываюсь раз и навсегда от своей вздорной теории «О непротивлении злу»!!

Так перед грандиозностью гения рушатся мелкие вздорные теории. Когда я ехал обратно, то возница притворился, что хочет получить с меня за проезд деньги, а станционный кассир сделал вид человека, принимающего меня за сумасшедшего» [27, с. 3].

AVE ведае мастацтва, прычым ведае яго дасканала: кірункі, школы, плыні... Ён улюбёны ў прыгожае і не можа пагадзіцца з існаваннем «гультаёў» у творчым свеце. Яго фельетоны прасякнуты і сціслай іроніяй, і адкрытым сарказмам. AVE вітае геніяльнасць, але карае бяздарнасць.

Сярод крытыкаў таго часу былі і такія, што спрабавалі «выехаць» на навамодных плынях у мастацтве, надавалі вагу тым, хто нічога не рабіў для сапраўднага мастацтва. У фельетоне «Выставки (Союз русских художников)» (Сатирикон. – 1909. – № 11) AVE распавядае пра тое, як аднойчы ён (малады фельетаніст) дамовіўся з мастакамі пайсці на выставу сучаснага мастацтва, і што з гэтага наведвання атрымалася.

Фальстаф – вобраз вядомы. Мы сустракаемся з ім у драме «Король Генрих IV». І якім сатварыў яго Шэкспір – свавольнікам, вясёлым ілгуном – такім ён і «перайшоў» да А. Аверчанкі. Фальстаф назірае за жыццём. Тут жонка здрадзіла мужу, там пляменнік пакрыўдзіў цётку, а на суседняй вуліцы састарэлы мужчына чакае сына, а той гуляе з п'янымі сябрамі.

Гумарыстычныя мініяцюры Фальстафа добра зразумелыя і ў наш час. Ды толькі Фальстаф не проста смяшыць чытача. На першы погляд, лёгкі смех гумарыстычных мініячюр Фальстафа лечыць чалавечыя душы, дапамагае чытачу зразумець і іншых, і сябе.

Наступная маска – Фама Апіскін. Вобраз гэтага ханжы стварыў Ф. Дастаеўскі ў апавесці «Село Степанчиково и его обитатели», «узяты» на працу А. Аверчанкам у «Сатирикон». Гэта, бадай што, адна з самых любімых масак гумарыста. У яе надзвычайны лёс. Фама Апіскін перажыў свой часопісны час і «выступіў» з «асабістаю кнігай». У 1914 г. у Санкт-Пецярбурзе пабачыла свет кніга А. Аверчанкі «Сорные травы» за подпісам Фама Апіскін. Гэта адна з самых складаных масак А. Аверчанкі. Пра што ён толькі не піша! На першы погляд, ён аб'ядноўвае ўсе маскі, бо цікавіцца ўсімі людскімі заганами (Наследственность // Сатирикон. – 1909. – № 36), пісьменнікамі, іх творчасцю (Писатели // Сатирикон. – 1909. – № 12), палітыкай (Парадный обед // Сатирикон. – 1909. – № 7) і г. д. Піша амаль пра ўсё. Але сказаць, што Фама Апіскін – гэта і AVE, і Воўк, і Мядуза Гаргона, і Фальстаф, было б няправільна. Паглядзім, напрыклад, чым адрозніваюцца (у агульных рысах) фельетоны Фамы Апіскіна ад твораў Мядузы Гаргоны. Як мы падкрэслівалі вышэй, Мядузу Гаргону цікавяць палітычныя плёткі, адносіны паміж партыямі ў Думе, канстытуцыя, адносіны паміж палітычнымі дзеячамі і інш.

Героямі Фамы Апіскіна таксама з'яўляюцца палітычныя дзеячы, але яго цікавіць не вытанчанасць высокай палітыкі. Перш за ўсё яго цікавяць інстынктыўныя жывёльныя праявы палітычных дзеячаў (А Фальстаф?). Але Фальстаф мае сваю мастацкую палітру, яго смех больш лёгкі, яскравы, поўны яркіх фарбаў.

Фама Апіскін бліжэй да маскі Ваўка. Ён, мабыць, як і Воўк, «выйшаў з народа». Між тым Фама Апіскін – кемлівы, разумее мастацтва, але яму не хапае адукацыі, якую «атрымаў» АВЕ, ён піша проста, не закранаючы вышэйшых матэрыяў. Яго смех – гэта смех-здзек, смех-нянавісць. Ён нагадвае старога, што шмат у жыцці бачыў, які жыве, як жабрак, і за гэта ненавідзіць увесь свет. Возьмем фельетон «Ошибка» (Сатирикон. – 1909. – № 8). Сюжэт нескладаны, ды і тэма, абраная для размовы, не надта высокая (Мядуза Гаргона і не глянула б на такую тэму). У палацы, дзе амаль цёмна, у сваім пакоі сядзяць акцыбрысты. Яны «ненавідзяць» кадэтаў. Тут узнікае рашэнне – злавіць кадэта і яго разарваць. У цемні акцыбрысты ідуць у пакой кадэтаў і выманьваюць адтуль чалавека. Вырашаюць, што з ім рабіць, але раптам бачаць, што злавілі свайго. Для Мядузы Гаргоны гэта – не факты, няма чаго і пісаць. Фама Апіскін лічыць інакш, ён жадае паказаць унутраную сутнасць акцыбрыстаў. Таму Апіскіна цікавяць рэплікі, словы, учынкi, і з гэтай драбязы ён стварае выдатны твор. Свайго аўтарскага майстэрства Фама Апіскін дасягае пры дапамозе невялікіх з’едлівых заўваг, азначэнняў і г. д. (напрыклад, пра тое, што акцыбрысты ненавідзяць кадэтаў, зразумела чытачу не толькі з іх слоў, а з заўвагі аўтара, аб тым, што шпалеры ў пакоі кадэтаў паабляталі, так што нават цэгла, якая вытыркаецца з-пад іх, «пратэстуе» разам з акцыбрыстамі і г. д.).

Удзельнічаюць у абмалёўцы вобразаў і ўчынкі «напалову». Так, акцыбрысты прыдумваюць, што ім зрабіць са злоўленым кадэтам, а адзін з акцыбрыстаў прапануе абліць кадэта напалову кіпенем – а гэта проста цёплая вадзічка.

У сатырычным апавяданні «Ошибка (Восточное сказание)» (Сатирикон. – 1909. – № 6) Фама Апіскін распавядае аб тым, як персідскі губернатар-злodeй узяў сабе руку сумленнага паштальёна, а яму аддаў сваю. Губернатар стаў сумленным, а паштальён пачаў красці, і яны абодва пакутавалі ад гэтых пераўтварэнняў. З аднаго боку, відавочна палітычная тэматыка, бо выкрываецца чыноўнік-злodeй і г. д., але з другога – усё гэта зроблена зусім не тымі сродкамі, якімі карыстаецца Мядуза Гаргона – праз асабістае жыццё герояў, праз, на першы погляд, нязначныя ўчынкі. Фельетон «Тяжелый крест» (Сатирикон. – 1909. – № 46) прысвечаны Гучкову. Але гэта зусім не той Гучкоў, якога мы ведаем па фельетонах Мядузы Гаргоны. Тут Гучкоў – палітык, праўда, амаль няздольны рабіць у палітыцы нешта самастойна (Веселая прогулка // Сатирикон. – 1909. – № 24), але ж палітык.

У фельетоне «Тяжелый крест» перад намі паўстае Гучкоў – прыстасаванец ды яшчэ і палахлівец. Ён з кожным гатовы «абдымацца», абы толькі хто дрэнна пра яго чаго б не падумаў. Пра палітыку – ніводнага слова, а між тым, дзея адбываецца ў Думе. Гучкоў усім спрабуе дагадзіць, бяжыць – толькі скажы! – па газету, па цыгарэты і г. д. Між тым, і гэтым фельетонам Фама Апіскін па-свойму сказаў слова менавіта пра Гучкова-палітыка, якому нельга давяраць.

Маскі звязаны з часопісам, яны народжаны ім. Кожная маска, як мы бачым, мае свой смех, свой аб’ект смеху, свой жанр, стыль. У кнізе іншая справа – там А. Аверчанка непрадказальны. Але так можна сказаць толькі тады, калі разглядаць смех твораў А. Аверчанкі без сувязі з псеўданімамі-маскамі.

Псеўданімы-маскі вызначаюць смехавы свет пісьменніка, яго стыль. Ад іх залежыць татальнасць смеху, сістэма жанраў. Ёсць маскі, так сказаць, шырокага выкарыстання, бо яны выходзяць за межы творчасці адной асобы, іх праграма – вобраз перажывае стваральніка. Так адбылося, напрыклад, з Францішкам Вядзьмаком-Лысагорскім, які быў створаны для сатырыка-гумарыстычнай паэмы «Сказ пра Лысую гару». Сапраўднае імя аўтара не раскрыта, яно і па сённяшні дзень з’яўляецца тайнай (хаця час ад часу з’яўляюцца чарговыя гіпотэзы). Між тым, гэты псеўданім-маска выкарыстоўваецца іншымі аўтарамі. Трэба адзначыць, што чытач часам адгадвае своеасаблівасць літаратурнай гульні, асабліва, калі маска мае звязаны з сатырай ці гумарам сэнс. Але ў літаратурным жыцці нямала кур’эзаў. Так, пісьменніку У. Правасуду, які шмат гадоў прысвяціў часопісу «Вожык», лёс нібы знарок даў прозвішча, якое лёгка можна прыняць за псеўданім-маску.

Мы разгледзелі некалькі варыянтаў стварэння аўтарскай маскі: а) праз «я» літаратурнага героя і пераўвасабленне аўтара ў літаратурны персанаж (ці ў некалькі персанажаў); б) пры дапамозе псеўданіма-маскі, подпісу, які дазваляе аўтару выбіраць іншыя стылі, тэмы і г. д.

Але ёсць выпадкі ў літаратуры, калі абодва прыёмы прысутнічаюць адначасова. Мы маем на ўвазе «Запіскі Самсона Самасуя» А. Мрыя [28]. Сама маска-псеўданім «Мрый» нібы прадвызначыла лёс пісьменніка. Каб зразумець гэта, дастаткова прыгадаць жыццёвы і творчы шлях А. Шашалевіча, які абраў сабе ў якасці літаратурнага псеўданіма гэткую маску. Каб высветліць паходжанне маскі-псеўданіма «Мрый», звернемся да значэння гэтага слова: «Мара – мана, блазн, морок, морока, наваждение, обаяние, грёза, мечта, призрак, привидение, обман чувств и самый призрак» [29, с. 298], а таксама «мрыять – мельтешить, маячить, брезжить, мерцать, чуть посвечивать, неясно видеться, обозначаться во мраке, в сумерках; мря – непроницаемый туман, во время которого идет густой снег» [29, с. 355]. Такім чынам, атрымліваецца, што «Мрый» – гэта не толькі і не столькі мара ў сэнсе «мечта», а хутчэй за ўсё – прывід альбо нешта ледзь бачнае ў змроку. Аднак у «Запісках Самсона Самасуя» маска-псеўданім «Мрый» аб'ядноўваецца з маскай «я» – галоўнага героя Самсона, ад імя якога вядзецца апавед. Імя Самсон перакладаецца як «сонечны» (і імя, і вобраз дадзенага героя змяшчаюць не толькі сатырычны і гумарыстычны смех, але і міфалагічны смех, звязаны з сонечнай сімволікай [30, с. 89–122]). Аднак аб'яднанне маскі «сонечнага» героя з маскай-псеўданімам «Мрый» (прывід, змрок) толькі на першы погляд змяшчае супярэчлівасць. Міфалагічны «сонечны» Самсон, дзякуючы гэтым сваім якасцям, нацэлены на перамогу, і Самсон Самасуй дзякуючы сваёй мэце атрымлівае перамогу, але перамога сатырычнага героя – гэта перамога кар'ерыста і прыстасаванца, і менавіта ў гэтай перамозе яскрава бачна змрочнае будучае. Аб'ядноўваючы дзве розныя маскі дзеля стварэння сатырычнага вобраза аўтара «Запісак...», А. Шашалевіч здолеў увасобіць у сваім творы сатырычны малюнак тагачаснага жыцця і перадаць яго праз самавыкрыццё.

Характэрная рыса сатыры і гумару – выдаваць адно за другое, хаваць сапраўднае і маскіраваць яго пад уяўнае. На несупадзенні сапраўднага і ўяўнага ставараюцца смешныя эпізоды, менавіта гэта з'яўляецца адной з асноўных рыс, напрыклад, пародыі, а іронія ўвогуле заўсёды змяшчае падвойны сэнс, дзе сапраўдным з'яўляецца не прамы сэнс, а супрацьлеглы яму. Аўтарская маска таксама маскіруе сапраўдны твар, яна дазваляе пераўвасобіцца аўтару ў літаратурны персанаж, выбраць своеасаблівы стыль і г. д. Менавіта ў сатырычным (гумарыстычным) творы аўтарская маска найбольш яскрава знаходзіць сваё прымяненне, бо яе стварэнне вельмі падобна на характар пабудовы і асаблівасці ўсяго астатняга ў сатырычным (гумарыстычным) творы. Такім чынам, даследаванне маскі вельмі істотна пры аналізе стылю пісьменніка, яго творчай лабараторыі, асабліва калі гэта датычыць творчасці сатырыка, гумарыста.

Літаратура

1. В а л о ш и н, М. А. Лики творчества / М. А. Валошин. – Л.: Наука, 1988.
2. Т ы н я н о в, Ю. Н. Достоевский и Гоголь (К теории пародии) / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977.
3. Г р у з д е в, И. Лицо и маска / И. Груздев // Серапионовы братья: Альманах. – Берлин, 1922.
4. Б а х т и н, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979.
5. О с ь м у х и н а, О. Ю. Авторская маска в русской культуре: генезис, эволюция, специфика функционирования / О. Ю. Осьмухина // Обсерватория культуры. – 2007. – №4. – С. 46–63.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001.
7. Т е р у, П. Моя тайная история / П. Теру // Иностранная литература. – 2000. – № 3. – С. 3.
8. А в д е е в, А. Д. Маска и ее роль в процессе возникновения театра / А. Д. Авдеев // VII Междунар. конгресс антропологических и этнографических наук. – М., 1964.
9. И в л е в а, Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре / Л. М. Ивлева. – СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 1994.
10. И в л е в а, Л. М. Окрутки, хухляки, страшки... / Л. М. Ивлева // Жив. старина. – 1995. – № 2. – С. 29–30.
11. Маска и маскарад в русской культуре XVIII–XX вв. Сб. ст. – М., 2000.
12. Л е в и-С т р о с, К л о д. Путь масок / Клод Леви-Строс. – М.: Республика, 2000.
13. К р а п і в а, К. Выбранные творы: у 2 т. / К. Крапіва. – Мінск: Маст. літ., 1986. – Т. 1. – С. 12.
14. В ы с о ц к и й, В. С. Собр. соч.: в 4 т. / В. С. Высоцкий. – М.: Время, 2008. – Т. 4.
15. Т к а ч о в а, Р. Р. To a question on self-organizing literary genres: chaos, structure, system, model in the literature, author's innovative genres / Р. Р. Tkachova // CHAOS 2009. Book of Abstracts. 1–5 june 2009, Chania, Crete, Greece. – P. 88.
16. Т к а ч о в а, П. П. Да праблемы межаў гумару і сатыры ў сістэме родаў літаратуры / П. П. Ткачова // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2007. – № 4. – С. 92–95.

17. Ткачова, П. П. Узнікненне інавацыйных аўтарскіх жанраў на аснове працэсаў самаарганізацыі ў літаратуры / П. П. Ткачова // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2010. – № 2. – С. 98–106.
18. Ткачева, П. П. Инновационный подход к классической басне (по творчеству В. С. Высоцкого) / П. П. Ткачева // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. – М.; Ярославль: Ремдер, 2010. – С. 514–520.
19. Высоцкий, В. С. Собр. соч.: в 4 т. / В. С. Высоцкий. – М.: Время, 2008. – Т. 3.
20. Ткачева, П. П. Жанровые границы произведения В. Высоцкого «Про дикого вепря» / П. П. Ткачева // Фалькларыстычныя даследаванні. Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі. – Мінск: Бестпринт, 2008. – Вып. 5. – С. 210–215.
21. Ткачева, П. П. Символическое пространство в произведении В. Высоцкого «Очи черные» / П. П. Ткачева // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. – М.: Ремдер, 2009. – С. 352–358.
22. Наша Ніва. – 1908. – № 14. – С. 3.
23. Михайлов, О. Н. Аркадий Аверченко / О. Н. Михайлов // Аверченко, А. Т. Избранные рассказы. – М.: Сов. Россия, 1985. – С. 5–18.
24. Никоненко, С. С. Король смеха / С. С. Никоненко // Аверченко, А. Т. Бритва в киселе. – М.: Правда, 1990. – С. 18.
25. Новый Сатирикон. – 1913. – № 23. – С. 6.
26. Аверченко, А. Т. Крутые времена / А. Т. Аверченко // Сатирикон. – 1909. – № 22. – С. 3.
27. Аверченко, А. Т. Великий писатель земли Русской у Льва Толстого / А. Т. Аверченко // Сатирикон. – 1908. – № 3. – С. 3.
28. Мрый, А. Творы: Раман, апавяданні, нататкі / А. Мрый. – Мінск: Маст. літ., 1993.
29. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Рус. яз., 1982. – Т. 2.
30. Карасев, Л. В. Философия смеха / Л. В. Карасев. – М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1996.

P. P. TKACHOVA

MASK IN SATIRE AND HUMOR LITERATURE: TRANSFORMATIONS OF THE AUTHOR'S IMAGE IN THE WORK OF ART

Summary

Image of the author is an imagination of reader about the one who has written the art product. Certainly, image of the author in many respects is similar to the author, because the author's ideas and feelings have been incorporated into his creation. But there are some cases in fiction when image of the author completely has been subjected to laws of the art image creation. In such cases we deal with a innovative transformation of image of the author. In the given article some questions connected to the problem of the so-called "author's mask" have been considered. Such mask allows the author to transform into the literary character to choose original style etc. Thus, the research of innovative transformation of image of the author as well as his mask is rather essential for analysis of style of the writer, of his creative laboratory, especially when it concerns to creativity of the satirist, humorist.

МОВАЗНАЎСТВА*УДК 070(476) Наша Ніва**Т. М. МАРАКУЛІНА***ЗАГАЛОЎКІ ПУБЛІЦЫСТЫЧНЫХ ТЭКСТАЎ ГАЗЕТЫ «НАША НІВА»:
ФУНКЦЫЯНАЛЬНЫ І СТРУКТУРНЫ АСПЕКТЫ ДАСЛЕДАВАННЯ***Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі**(Паступіў у рэдакцыю 14.12.2010)*

Адным з перспектывных напрамкаў сучаснай беларускай функцыянальнай стылістыкі з'яўляецца даследаванне заканамернасцей функцыянавання беларускай мовы ў сферы яе актыўнага ўздзеяння на грамадства – у сродках масавай інфармацыі і, у першую чаргу, у газеце. На сучасным этапе развіцця беларускай лінгвістыкі існуе неабходнасць у комплексных сістэмных даследаваннях анамастыкі публіцыстычнага тэксту. Пэўныя аспекты гэтай праблематыкі знайшлі сваё адлюстраванне ў навуковых працах айчынных мовазнаўцаў [1; 2]. Спецыяльнага вывучэння патрабуе і такая анамастычная адзінка, як газетны загалолак – адзін з асноўных элементаў кампазіцыйнай і сэнсавай арганізацыі тэксту. Менавіта назва адыгрывае важную ролю ва ўспрыманні газетнай публікацыі. Таму застаецца актуальным аналіз спецыфікі функцыянавання газетных загалоўкаў, іх структурна-сэмантычныя і стылістычныя механізмы прагматычнага ўздзеяння, роля ў фарміраванні інфармацыйнага адзінства тэксту. Асноўная ўвага лінгвістаў часцей скіроўваецца на даследаванне загалоўкаў мастацкіх твораў [3; 4]. Калі ж аб'ектам вывучэння становіцца менавіта газетны загалолак, то аналіз звычайна праводзіцца на матэрыяле сучаснай газетнай публіцыстыкі [5–7], пры гэтым па-за ўвагай мовазнаўцаў застаецца вельмі значны перыяд у гісторыі фарміравання публіцыстычнага стылю беларускай мовы, у прыватнасці, яго газетнай разнавіднасці.

У сувязі з гэтым уяўляецца актуальным зварот да пачатковага, але надзвычай важнага этапу ў развіцці беларускай газетнай публіцыстыкі – перыяду дзейнасці газеты «Наша Ніва». На пачатку XX ст. яна стала тым сродкам масавай інфармацыі, які здолеў на сваіх старонках узняць актуальныя на той час грамадска-палітычныя, сацыяльныя і культурныя праблемы і даць ім ацэнку з дэмакратычных пазіцый. Вось як вызначаліся мэты і задачы «Нашай Нівы» рэдакцыяй самой газеты: «... будзіць у беларусоў пачуццё чалавека і грамадзяніна, голасна гаварыць аб яго патрэбах і правах ... усе новыя думскія законы, каторыя датыкаюць Беларусі, разбіраць і ацэніваць жывымі прыкладамі з жыцця Беларускага краю; тлумачыць сваім чытацелём усё, што робіцца на цэлым свеце і ў Расеі» [8].

Аб'ектам нашага даследавання паслужылі загалоўкі публіцыстычных тэкстаў газеты «Наша Ніва». Асноўная мэта даследавання заключаецца ў тым, каб паказаць гэтыя анамастычныя адзінкі як неад'емны кампанент адзінай інфармацыйнай і тэкстаўтваральнай сістэмы: вызначыць іх функцыянальныя асаблівасці ў публіцыстычным тэксце нашаніўскага перыяду, выявіць і прааналізаваць структурныя тыпы загалоўкаў. Пад газетна-публіцыстычнымі тэкстамі разумеецца сукупнасць тэкстаў на палітычныя, эканамічныя, сацыяльныя, культурныя і іншыя тэмы, абмежаваныя рамкамі газеты «Наша Ніва». Такім чынам, газетны матэрыял і тэматычна, і жанрава дастаткова разнастайны і разнародны. Гэта інфармацыйныя нататкі, палітычныя каментарыі, аналітычныя артыкулы і агляды, у якіх закранаюцца найбольш важныя грамадска-палітычныя, грамадска-эканамічныя, сацыяльныя і культурна-асветніцкія праблемы. Матэрыялам даследа-

вання, атрыманым метадам суцэльнай выбаркі, паслужыў корпус загаловаў інфармацыйных і аналітычных газетна-публіцыстычных тэкстаў за 1906–1915 гг. Колькасць прааналізаваных прыкладаў – 1000 адзінак.

Эфектыўнасць любога газетна-публіцыстычнага тэксту ў першую чаргу вызначаецца яго магчымасцю выклікаць цікавасць чытача да змешчанай інфармацыі. Газетны заглавак у дасягненні такой мэты займае ключавую пазіцыю. Так, даследаванні псіхолагаў паказваюць, што прыблізна 80% чытачоў наогул звяртаюць увагу толькі на заглавак [9]. З пункту гледжання лінгвістыкі, заглавак з’яўляецца часткай тэксту, яго структурным элементам [10]. Аднак многія даследчыкі прызнаюць дваістую прыроду загаловак, а менавіта: разглядаючы заглавак як элемент тэксту, яны адначасова адзначаюць і самастойнасць гэтай адзінкі [11–14]. Такім чынам, заглавак, з аднаго боку, з’яўляецца структурным і сэнсавым складнікам тэксту і непарыўна звязаны з яго галоўнай думкай. Пры гэтым ён з’яўляецца і адзінкай, з якой пачынаецца акт камунікацыі з чытачом, і элементам, з якога пачынаецца працэс успрымання тэксту адрасатам. З другога боку, неабходна прызнаць і той факт, што заглавак характарызуецца дастатковай самастойнасцю (на што ўказвае яго прасторавая пазіцыя – пэўная дыстанцыйнасць), канкрэтнымі граматычнымі і семантычнымі характарыстыкамі, не адрываючыся пры гэтым ад тэксту. Такім чынам, газетны заглавак вызначаецца намі як камунікатыўная адзінка ў пазіцыі перад тэкстам, якая з’яўляецца яго назвай, мае пэўнае сінтаксічнае афармленне, прама ці ўскосна ўказвае на змест тэксту і адмяжоўвае адно маўленчае выказванне ад другога. Ролю газетнага загаловак, на наш погляд, карэктна разглядаць у аспекце ўспрымання яго адрасатам, а таксама з улікам змешчанага сувязі загаловак непасрэдна з тэкстам. У сучаснай навуковай літаратуры вызначаюцца наступныя функцыі газетнага загаловак:

- *намінацыйная*: заглавак называе, абазначае тэкст;
- *інфарматыўная*: паведамляючы што-н., заглавак актывізуе мысленне чытача праз абуджэнне цікавасці да інфармацыі;
- *сэнсаўтваральная*: заглавак дапамагае зразумець змест публікацыі;
- *экспрэсіўна-ацэначная*: заглавак удзельнічае ў фарміраванні эмацыянальнага ўздзеяння на чытача;
- *функцыя адлюстравання аўтарскіх адносін да прадмета маўлення і да тэксту*: заглавак дапамагае чытачу зразумець аўтарскую пазіцыю;
- *стылістычная*: заглавак уключаецца ў стварэнне стылістычных тэкставых эфектаў;
- *рэкламная*: заглавак спецыяльна прыцягвае ўвагу чытача да тэксту;
- *графічна-выдзяляльная*: заглавак міжвольна прыцягвае ўвагу чытача з дапамогай разнастайных графічных сродкаў;
- *мнеманічная*: заглавак у цэлым дапамагае чытанню і запамінанню газетных публікацый [15; 16].

Ступень праяўлення кожнай з вышэйназваных функцый вызначаецца пры іх узаемадзеянні ў кожным канкрэтным газетным загаловак. Як паказалі даследаванні, у мове «Нашай Нівы» большасць загаловак публіцыстычных артыкулаў скіравана на выкананне намінацыйнай, інфарматыўнай, сэнсаўтваральнай і ацэначна-экспрэсіўнай функцый. Так, газетны заглавак – гэта назва, абазначэнне тэксту, якая дапамагае чытачу зарыентавацца ў газетнай прасторы і выбраць цікавую для сябе інфармацыю. Інфарматыўная і сэнсаўтваральная функцыі загаловак ў «Нашай Ніве» праяўляюцца ў яго здольнасці ў сціслай форме выразіць змест твора, дапамагчы чытачу лепш усвядоміць сэнс паведамлення і зразумець аўтарскую канцэпцыю. Своеасаблівымі «сігналамі семантычнай напоўненасці» адпаведнага тэксту выступаюць такія нашаніўскія загаловкі, як «*Аб мужыцкіх павіннасцях*», «*Бюджэт народнага вучыцеля*», «*Выбары*», «*Палажэнне у Еўропе*», «*Вайна*», «*Дума і народ*», «*На Балканах*», «*Да нашых беларускіх інтэлігентоў*», «*З вясковага жыцця*», «*Як жыве амэрыканскі рабочы*», «*Нехват школ*», «*Як у Бэльгіі ваююць з даражыней*», «*Якуцкі нацыянальны рух*», «*Аб народным вучыцелю*», «*Значэнне народнай прасветы*», «*Партыі у Думе*», «*Новы закон аб рэкрутчыне*», «*Асцярога эмігрантам*» і інш. Інфарматыўнасць, яснасць і дакладнасць, дэмакратычнасць у выбары лексічных сродкаў і лаканічнасць – асноўныя характарыстыкі загаловак нашаніўскай публіцыстыкі, прызначанай у першую чаргу для «... беларускай беднаты працоўнай; для тых васьмі мільяноў мужыкоў беларусоў, чыю мову так

доуга гнали и высьмейвали» [17]. Лаканічнась дасягаецца эканомным выкарыстаннем моўных сродкаў, адборам неабходнай і дастатковай інфармацыі, выключэннем залішніх падрабязнасцей. Кожнае слова ў загалоўку нясе сэнсавую нагрузку. Асноўны сэнс гэтых загалоўных канструкцый найчасцей пераходзіць у агульны сэнс тэксту газетнай публікацыі: у сціслай форме заглавак выражае яе асноўную тэму (ці яе тэзіс), ідэю, часам прадвызначае змест твора. Прычым у семантыцы газетнага заглаўка прама ці ўскосна знаходзіць адбітак як сувязь газетнай інфармацыі з сацыяльнай рэчаіснасцю, так і характар падачы гэтай інфармацыі ў тэксце. Такія заглаўкі характарызуюцца апісальнасцю, пэўнай стандартнасцю, нейтральнасцю і ўласцівая ў першую чаргу такім газетным жанрам, як інфармацыйная нататка, палітычны каментарый, аглядны артыкул.

Супрацьлегласцю стандарта з’яўляецца прыём экспрэсіі, які таксама выкарыстоўваецца ў газетных заглаўках «Нашай Нівы». Экспрэсіўнасць уключае ў сябе некалькі базавых канататыўных аспектаў – ацэначнасць, эмацыянальнасць, вобразнасць, інтэнсіўнасць і інш., што дае магчымасць адрасанту ўплываць на свядомасць і эмоцыі адрасата. Таму заглавак павінен быць цікавым, арыгінальным, у меру інтрыгуючым: «*Не жаласьці, а праўды!*», «*Голас прауды*», «*Месца нима!..*», «*“Тожэ” беларусы*», «*“Прыяцелі”*», «*Глыбы і слаі*», «*“Зрэбныя” і “паркалёвыя”*», «*Праудзівы шлях*», «*Апекуны і дарослае дзіця*» і інш. Выконваючы экспрэсіўна-ацэначную функцыю, такія заглавак удзельнічае ў фарміраванні эмацыянальнага ўздзеяння газетнага твора на адрасата. У адрозненне ад апісальных заглаўкаў, якія адлюстроўваюць тэму тэксту, некаторыя экспрэсіўныя заглаўкі можна аднесці да алюзійных, паколькі іх сувязь непасрэдна з тэмай тэксту з’яўляецца адноснай і вобразнай, напрыклад: «*Скора прыдзе весна..*», «*Запахло порахам*», «*Скінулі скуру!*», «*Край с пяццю ніцямі*», «*Хто к лесу, а хто к бесу*» і інш. Пасля прачытання такой метафарычнай назвы ў чытача можа з’явіцца індывідуальны варыянт разумення сэнсу яшчэ непрачытанага тэксту. Экспрэсіўна-ацэначная функцыя такога роду заглаўкаў праяўляецца і ў адлюстраванні аўтарскай ацэнкі і адносінаў да прадмета маўлення і да тэксту і вызначаецца тым, што заглавак павінен пераканаць чытача ў тых палажэннях, якія абараняе аўтар. Пра гэта сведчаць такія назвы артыкулаў, як «*Горэй ня будзе*», «*Хто з намі, хто проці нас*», «*Не дамось*», «*Свайго не чурайцесь, чужому навучайцесь*», «*Жыла, жыве і будзе жыць!..*» і інш.

Акрамя таго, заглавак у «Нашай Ніве» адыгрывае графічна-выдзяляльную ролю, аддзяляючы тэкст ад іншых тэкстаў, вызначае яго межы. У гэтым сэнсе назва служыць своеасаблівым знакам, які сігналізуе пра існаванне тэксту на пэўным месцы ў газетнай прасторы. Часам чытач запамінае публікацыю, калі яна звярнула на сябе ўвагу зместам або выразнай кампазіцыйнай пабудовай, у якую ўваходзіць і заглавак. Менавіта назва, якая кампрэсіўна выражае змест тэксту, можа захавацца ў памяці чытача. У гэтым выражаецца мнеманічная функцыя заглаўка.

Што датычыць стылістычнай і асабліва рэкламнай функцый (у сучасным іх разуменні), то ў газетных заглаўках «Нашай Нівы» яны, безумоўна, прысутнічаюць, але адыходзяць на другі план. Магчыма, гэта можна растлумачыць адсутнасцю багатага журналісцкага вопыту ў нашаніўскіх аўтараў, якія, даючы назву тэксту, хутчэй за ўсё зыходзілі з характару самога паведамлення, яго жанравай прыналежнасці, а таксама ўлічвалі запатрабаванні і кампетэнтнасць чытачоў і не імкнуліся да стварэння спецыяльных стылістычных «эфектаў», якімі характарызуюцца заглаўкі ў сучасных СМІ. Вывучэнне стылістычнай функцыі патрабуе больш глыбокага аналізу семантыкі газетнага заглаўка, сувязі кампанентаў заглаўка і іх непасрэднай рэалізацыі ў тэксце.

На выкананне асноўных функцый газетнага заглаўка арыентавана таксама і яго сінтаксічная форма з яе семантычным зместам і лексічным нападзеннем. Выбар аўтарам пэўнай сінтаксічнай канструкцыі як спосабу выражэння яго інтэнцыі павінен быць абумоўлены характарам развіцця зместу артыкула, адпавядаць патрабаванню прадказальнасці, якое вызначае працэс чытання, інтэрпрэтацыі і разумення тэксту чытачом.

Паколькі газетныя заглаўкі ў тэкстах «Нашай Нівы» ў асноўным будуцца па пэўных мадэлях, абумоўленых агульнымі заканамернасцямі сінтаксісу, сінтаксічны статус заглаўных канструкцый, іх структурныя асаблівасці можна вызначыць шляхам іх суаднясення са структурнымі схемамі словазлучэння і сказа.

Да назваў, якія маюць спецыфічныя рысы, уласцівыя толькі заглаўкам, адносяцца аднакампанентныя заглаўкі, пабудаваныя без удзелу прэдыкатыўнай формы дзеяслова. Так, у «На-

шай Ніве» 5,2% (табл. 1) складаюць назвы, выражаныя назоўнікам у *Н. скл.*: «*Выбары*», «*Прамова*», «*Японія*», «*Вайна*», «*“Нацыяналізацыя”*», «*Зода*», «*Праца*», «*Воля*», «*Коопэрацыя*», «*Самоупраўленне*», «*Забабоны*» і інш. Гэтыя загалоўкі абазначаюць тэму паведамлення і выконваюць намінацыйную і інфарматыўную функцыі.

Табліца 1. Колькасная характарыстыка структурных тыпаў загалоўкаў газеты «Наша Ніва»

Структурныя тыпы загалоўкаў	Колькасць, %
Аднакампанентныя назвы	5,2
Назоўнік у <i>Н. скл.</i> + <i>i</i> + назоўнік у <i>Н. скл.</i>	9,7
Прыназоўніковыя канструкцыі	20,6
Загалоўкі тыпу « <i>Вільня, ...</i> »	27
Словазлучэнні	18,2
Аднасастаўныя сказы	10
Двухсастаўныя сказы	8,6
Складаныя сказы	0,7

Сінанімічнымі па выконваемых функцыях да гэтага тыпу загалоўкаў з’яўляюцца прыназоўніковыя канструкцыі, пабудаваныя па схеме *прыназоўнік+назоўнік (з залежнымі словамі) ва ўскосным склоне*. Такіх загалоўкаў 20,6% (табл. 1). Найбольш пашыраныя загалоўчаныя канструкцыі з прыназоўнікамі аб: «*Аб пераселенню*», «*Аб “бюджэце”*», «*Аб гарадох*», «*Аб свабодах*», «*Аб нацыяналізацыі школы*», «*Аб мужыцкіх павіннасцях*», «*Аб народным вучыцелю*», «*Аб арэндзі зямлі у Беларусі*», «*Аб універсітэці у Вільні*», «*Аб беларускім нацыянальным адрадзэнні*», «*Аб беларускай народнай песні*», «*Аб грамадзкай працы*», «*Аб дарогах у Беларусі*», «*Аб навучанні веры*», «*Аб вясковай інтэлігенцыі*». Такія загалоўкі складаюць 67,8% ад агульнай колькасці канструкцый, суадносных са схемай *прыназоўнік+назоўнік (з залежнымі словамі) ва ўскосным склоне*. Варыянтам да такіх загалоўкаў з’яўляюцца больш разгорнутыя канструкцыі, якія пачынаюцца з выразаў «*Колькі слоў аб...*» і «*Ешчэ аб...*», «*Думкі аб...*», «*Справа аб...*», «*Закон аб...*», «*Праект закона аб...*». Гэтыя канструкцыі ў «Нашай Ніве» набываюць характар устойлівых: «*Колькі слоў аб нацыянальным адрадзэнню забытага народу*», «*Колькі слоў аб даўнай веры беларусоў*», «*Колькі слоў з дарогі па Беларусі*», «*Колькі слоў аб “беларускім” дэпутаті*», «*Колькі слоў аб славянскім народзе чэхах*», «*Ешчэ аб сплыванню доўгу*», «*Ешчэ аб зямельнай справе у нас*», «*Думкі аб школьнай справе*», «*Новы закон аб рэкрутчыне*», «*Законы аб арэндаторах-мужыках у Індыі*», «*Справа аб беларускай школе у Думе*» і інш. Адзначаны таксама канструкцыі з прыназоўнікамі з (*с*), *у*, *без*, *на*, *каля*, *да*, *проці*: «*З Сыбіры*», «*З гісторыі Фінляндыі*», «*З жыцця Англіі*», «*С Фінляндыі*», «*З Гішпаніі*», «*С чужыны*», «*С Канады*», «*У Бэсаравіі*», «*У Пэрсіі*», «*Без гарэлкі*», «*На Балканах*», «*Каля вайны*», «*Да супольнай працы*», «*Да убогіх духам*», «*Да вяскоўцаў селян*», «*Проці украінцаў*» і інш. Як і аднакампанентныя загалоўкі, выражаныя назоўнікам у назоўным склоне, разнастайныя субстантыўныя прыназоўніковыя канструкцыі ў ролі загалоўкаў вызначаюць тэму артыкула і звычайна выконваюць намінацыйную і інфарматыўную функцыі.

Дастаткова распаўсюджанымі ў «Нашай Ніве» з’яўляюцца газетныя загалоўкі, утвораныя па схеме *назоўнік у Н. скл. + i + назоўнік у Н. скл.* (9,7%): «*Дума і народ*», «*Даражыня і банкруцтва*», «*Нацыя і рэлігія*», «*Сэрбія і Аўстрыя*», «*Земля і самоупраўленне*», «*Расея і Кітай*», «*“Інородцы” і іноверцы*», «*Грамадства і заробкі*», «*Апекун і дарослае дзіця*», «*Педагогіка і палітыка*», «*“Зрэбныя” і “паркалёвыя”*», «*Слова і дзела*» і інш. Выконваючы ў першую чаргу намінацыйную, сэнсаўтваральную і інфарматыўную функцыі, такія загалоўкі ўяўляюць сабой апорныя кропкі, якія дапамагаюць выбудаваць тэматычную структуру наступнага тэксту. Сваёй лаканічнасцю і выразнасцю яны адразу засяроджваюць увагу чытача на двух асноўных, ключавых, тэматычных кірунках, дапамагаюць зразумець змест публікацыі.

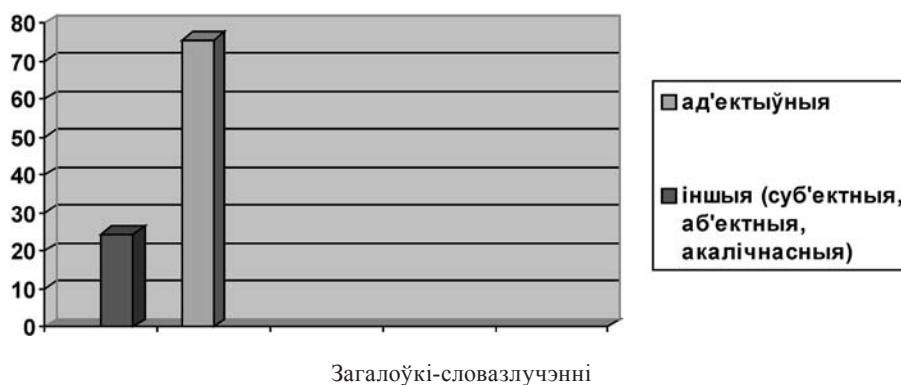
Аналіз фактычнага матэрыялу дае падставы сцвярджаць, што ў «Нашай Ніве» не існуе дакладнай адпаведнасці паміж пэўнай структурай загалоўка і жанрам твора. Інфармацыйная нататка, перадавае артыкул, нарыс, палітычны (эканамічны) агляд, каментарый, эсэ могуць мець

у якасці загалоўка розныя структурныя мадэлі. Аднак некаторыя загалоўкі з'яўляюцца выключэннямі, паколькі прасочваецца заканамернасць іх выкарыстання для тэкстаў з пэўнымі жанравымі характарыстыкамі. Так, на працягу 1906–1912 гг. у «Нашай Ніве» рэгулярна публікаваліся матэрыялы пад загалоўкамі тыпу «*Вільня, 16(29) снежня 1910 г.*»; «*Вільня, 20 (2) траўня (мая)*»; «*Вільня, 17(30) марца 1911 г.*», а таксама «*У Думе і каля Думы*». Яны ўяўлялі сабой аглядную інфармацыю пра работу Дзяржаўнай Думы, яе заканатворчую дзейнасць, а таксама пра розныя палітычныя і эканамічныя падзеі як унутры краіны, так і за яе межамі. З 1913 года ў «Нашай Ніве» рэгулярна з'яўляецца інфармацыя пад назвай «*Вайна*» (ваенныя падзеі на Балканах), а з 1914 – «*На вайне і каля вайны*» (хроніка падзей Першай сусветнай вайны). Тэксты пад такімі загалоўкамі па жанравай прыналежнасці можна аднесці да кароткага палітычнага агляду ці хронікі (у залежнасці ад зместу). А змешчаныя на першай старонцы газеты, яны набываюць статус «перадавіцы». Такім чынам, калі ў асноўным нашаніўскія загалоўкі не мелі пэўнай заканамернасці пры суаднясенні з жанрам тэксту, то ў дадзеным выпадку як лексічнае напаўненне, так і структура загалоўка заўсёды сведчылі пра канкрэтны характар і змест наступнага паведамлення. Назвы тыпу «*Вільня, ...*» у «Нашай Ніве» з'яўляюцца адметнымі і складаюць каля 27% ад агульнай колькасці ўсіх структурных тыпаў загалоўкаў (табл. 1).

Зыходзячы з характарыстыкі словазлучэння паводле яго фармальна-граматычнай будовы і агульнага граматычнага значэння, адзначым, што ў якасці загалоўкаў у «Нашай Ніве» ўжываюцца ўсе віды словазлучэнняў, у якіх выражаюцца розныя семантыка-сінтаксічныя значэнні: суб'ектныя, аб'ектныя, акалічнасныя і інш. Найбольш пашыраныя сярод іх – ад'ектыўныя – 75,6% (малюнак), у якіх вельмі часта залежнае слова (у большасці выпадкаў – прыметнік) выконвае не толькі азначальную, але і ацэначную функцыю: «*Карысная работа*», «*Нячыстая палітыка*», «*Першы крок*», «*Фальшывая дарога*», «*Сіла еднасці*», «*Фальшывы страх*», «*Цяжкая пара*», «*Шкодная палітыка*», «*Чужая мова*», «*Ваўкі у авечай скуру*», «*Пустыя словы*», «*Прыгонная праца*», «*Праудзівы шлях*», «*Пуцяводная ідэя*», «*Важная справа*», «*Народнае нешчас'це*», «*Хвароба часу*», «*Край с пяццю ніцямі*» і інш. У такіх загалоўках на першы план выступаюць эмацыянальна-экспрэсіўная і функцыя адлюстравання аўтарскіх адносін да прадмета маўлення і да тэксту.

У разгледжаным нам матэрыяле шырока прадстаўлены газетныя загалоўкі, выражаныя простым сказам. Гэта двухсастаўныя сказы (развітыя і неразвітыя) – 8,6% (табл. 1): «*Што казаў дэпутат Гасударственай Думы аб пераселенню у Сибір і Туркестан*», «*Скора прыдзе весна..*», «*Правінцыя будзіцца*», «*Жыццё вучыць*», «*Беларусь будзіцца*», «*Прыйшла пара*», «*У сваёй хаці – свая сіла*», «*Народ чуе*». Такія загалоўкі ўяўляюць сабой поўную рэалізацыю мінімальнага граматычнага ўзору (у сказе занятыя ўсе сінтаксічныя пазіцыі і прадстаўлены ўсе кампаненты яго структурнай схемы). Найбольшай інфарматыўнай ёмкасцю характарызуюцца загалоўкі, якія складаюцца з галоўных і дадanych членаў.

Асаблівай экспрэсіяй характарызуюцца газетныя загалоўкі, выражаныя клічнымі і пыталымі сказамі: «*Рэка пайшла!*», «*А ўсё-ж такі мы жывём!...*», «*Chrystos naradziŭsia!*»; «*Ці прауды мы ніколі ня будзем мець свайго Міцкевіча, Пушкіна, Сенкевіча, Толстого?*», «*Ці маем мы права вырэкацца роднай мовы?*», «*Чаму плачэ песня наша?*», «*Што думае народ аб школах?*»,



«Чым дзержыцца згода?» і інш. Праз асобую інтанацыю, уласцівую большасці такіх загалоўкаў, чытачу перадаецца эмацыянальны настрой аўтара, узнікае жаданне атрымаць адказ на вынесенае ў заглавак пытанне.

Асабліва сцю пыталых загалоўкаў у «Нашай Ніве» з’яўляецца тое, што не ўсе загалоўкі захоўваюць пыталую інтанацыю: некаторыя страчваюць значэнне пыталнасці, а набываюць сцвярдзальна-апавядальны характар: «Якім павінен быць беларус», «Што кажуць аб нас палякі», «Якой цэной купляюцца “Амерыканскія грошы” на Беларусі», «Чаму нас усе крыўдзяць», «Як жыве амерыканскі рабочы», «Што такое нацыяналізм» і інш.

Акрамя простых двухсастаўных, 10% ад агульнай колькасці ўсіх газетных загалоўкаў – гэта розныя віды аднасастаўных сказаў (табл. 1): пэўна-асабовыя, няпэўна-асабовыя, безасабовыя, інфінітыўныя.

Пэўна-асабовыя сказы ў пазіцыі газетнага загалоўка найбольш пашыраны ў «Нашай Ніве» – 34% (табл. 2). Яны з’яўляюцца надзвычай эфектыўнай формай не толькі для перадачы аўтарскіх адносін (катэгарычнасць, пажаданне, заклік, запрашэнне да сумеснага дзеяння і інш.), эмоцый і іх праекцыі на змест самога тэксту, але яшчэ маюць характар непасрэднага звароту да чытача: «Свайго не чурайцеся, чужому навучайцеся», «Будзьця цвёрды», «Будуйце, браты, будуйце!», «Выкупляйцеся», «Памажыця!», «Не дамоя», «Дайце нам нашэ!», «Беражыця прыроду роднага краю», «Сплачывайця доўг», «Схамініцеся» і інш. Адсутнасць у такіх загалоўках асабовых займеннікаў падкрэслівае тое, што суб’ектам (аўтару і чытачу) вядома, да каго звяртаюцца, і таму няма неабходнасці называць асобу.

Што датычыць няпэўна-асабовых сказаў (17%, (табл. 2)), то нявызначанасць у загалоўку асобы, якая ўтварае дзеянне, дазваляе зрабіць акцэнт на самім дзеянні: «Скінулі скуру!», «Не перэбіраюць у спосабах», «Чаму у Бельгіі не караюць сьмерцю?», «Чаму нам не даюць жыць» і інш. Акрамя таго, такія загалоўкі ўжываюцца, калі па розных прычынах нельга, не абавязкова або нават немагчыма назваць канкрэтнага выканаўцу дзеяння. Часцей за ўсё размова ідзе пра нейкую калектыўную дзейнасць. Хоць у адносінах да калектыўнай дзейнасці не толькі неэтазгодна, але нават і не заўсёды магчыма абазначыць у загалоўку дзеючых асоб, у выніку яны становяцца яснымі для чытача, паколькі інфармацыя пра іх абавязкова будзе змешчана непасрэдна ў тэксце.

Сярод аднасастаўных сказаў у якасці газетнага загалоўка ўжываюцца безасабовыя і інфінітыўныя сказы (24,3 і 22,3% адпаведна (табл. 2)), у якіх з пэўнай ступенню катэгарычнасці падкрэсліваецца значэнне самога дзеяння ці стану безадносна да якога-небудзь канкрэтнага дзеяча: «Чаго нам трэба дабівацца у Гас. Думе», «Пара ладзіцца да выбароў у земствы», «Думаць і гаварыць трэба па беларуску», «Горэй ня будзе», «Месца няма!..», «Ня гожа!», «Нашто дарма муціць», «Як нам учыцца», «Дык што-ж рабіць?» і інш.

Табліца 2. Газетныя загалоўкі ў адносінах да структурных схем простага сказа (колькасная характарыстыка)

Аднасастаўныя сказы, %				
пэўна-асабовыя	няпэўна-асабовыя	безасабовыя	інфінітыўныя	іншыя віды
34	17	24,3	22,3	2,4

Асобную групу ўтвараюць газетныя загалоўкі, суадносныя з простым сказам, у якіх асноўная лагічная частка сказа не вербалізавана (напрыклад, адсутнічае выказнік або дзейнік). Разам з тым патэнцыяльна чытач можа самастойна дапоўніць сказ, не скажаючы яго сэнс: «Па сваім шляху!», «Не жаласці, а праўды!», «Не адным хлебам...», «Жыла, жывець і будзе жыць!», «Дзе прада?».

Найбольш разгорнутымі і поўнымі ў плане інфарматыўнасці з’яўляюцца загалоўкі, суадносныя са структурнай схемай складанага сказа, часткі якога звязаны падпарадкавальнай сувяззю. Такія загалоўкі ў мове «Нашай Нівы» прадстаўлены адзінкавымі прыкладамі; асноўная думка, ідэя тэксту ў іх выражаецца максімальна дакладна і поўна: «Аб тым, як сесці на хутар мужыку», «Як паступаць, каб дзеці вырашылі шанавалі сваіх бацькоў і былі ім апорай на старасць».

Прыцягнуць увагу чытача, зацікавіць і выклікаць у яго жаданне прадоўжыць чытанне – звышзадача любога газетнага загаловка. Вырашэнне гэтай задачы датычыцца не толькі зместу газетнага загаловка, але і той сінтаксічнай формы, у якой ён прадстаўлены. Выбар аўтарам той ці іншай структурнай схемы загаловка, якая ператвараецца ў «сінгнал семантычнай напоўненасці», абумоўлены характарам самога твора (у асобных выпадках пэўная заканамернасць вызначаецца і ў сувязі з жанравай прыналежнасцю тэксту: «*У Думе і каля Думы*», «*Вільня...*», «*На вайне і каля вайны*», «*Вайна*»), імкненнем у пэўнай ступені спрагназаваць і ў лаканічнай форме выразіць змест адпаведнага тэксту, дапамагчы чытачу лепш усвядоміць сэнс паведамлення і зразумець аўтарскую пазіцыю. Агляд загаловкаў публіцыстычных тэкстаў газеты «Наша Ніва» паказвае, што яны паўнаўартасна выконваюць усе функцыі, характэрныя і для загаловкаў сучасных СМІ, што робіць іх неад'емным кампанентам адзінай інфармацыйнай і тэкстаўтваральнай сістэмы.

Літаратура

1. Р а т н и к о в а, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск: БГУ, 2003. – 214 с.
2. Р а т н и к о в а, И. Э. Топонимические единицы в образной номинации (на материале СМИ России и Беларуси за 1997–1999 гг.) // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Материалы VII Международ. науч. конф., Гродно, 14–15 апр., 2000 г. – Гродно: ГрГУ, 2000. – С. 365–369.
3. В а с і л е ў с к а я, А. С. Параўнальны аналіз загаловкаў гістарычных твораў (на матэрыяле творчасці У. Караткевіча, У. Арлова, В. Шатавай) / А. С. Васілеўская // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце: Матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 21–22 кастр., 2010 г. – Віцебск: УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2010. – С. 17–19.
4. К о ж и н а, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, типология / Н. А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1986.
5. Г а р м а з а, М. В. Типология газетных заголовков / М. В. Гармаза, Г. А. Молочко // Культура речи в условиях билингвизма: состояние, перспективы, технологии: Материалы междунар. науч. конф., Минск, 25–26 февр., 2004 г. – Минск: БГПУ, 2004. – С. 32–34.
6. Ш у б а д з ё р а в а, А. М. Эліпсіс і парцэляцыя як спосабы пабудовы газетных загаловкаў / А. М. Шубадзёрава // Куляшоўскія чытанні: Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Магілёў, 24 крас., 2009 г. – Магілёў: Выдавецкі цэнтр МДУ імя А. Куляшова, 2009. – С. 172–174.
7. К о ж а м б е р д и н а, Р. Д. Тематическая релевантность субстантивов газетных заголовков / Р. Д. Кожамбердина // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: Тез. докл. III респ. конф., Гродно, 5–6 окт., 1989 г. – Гродно, 1989. – Ч. I. – С. 103–104.
8. Наша Ніва. – 1910. – № 2. – С. 21.
9. З ы р я н о в а, И. П. Прагматический потенциал прецедентных феноменов в заголовках британской прессы / И. П. Зырянова // Известия Уральского государственного университета. – 2010. – № 1(71). – С. 73.
10. Г а л ь п е р и н, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 138 с.
11. К о ж и н а, Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры и типология / Н. А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1989. – С. 167–183.
12. Л а з а р е в а, Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты / Э. А. Лазарева. – Свердловск, 1993. – 165 с.
13. Л а з а р е в а, Э. А. Заголовок в газете / Э. А. Лазарева // Учеб. пособие. 2-е изд., доп., перераб. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 84 с.
14. С л а в к и н, В. В. Заголовок в современном газетном тексте / В. В. Славкин // Журналистика и культура русской речи. – 2002. – № 1. – С. 40–49.
15. Л а з а р е в а, Э. А. Заголовочный комплекс текста – средство организации и оптимизации восприятия / Э. А. Лазарева // Известия Уральского государственного университета. – 2006. – № 40. – С. 158–160.
16. Г а л ь п е р и н, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – С. 110.
17. Наша Ніва. – 1907. – № 33. – С. 4–5.

T. M. MARAKULINA

HEADLINES OF THE «NAŠA NIVA» NEWSPAPER TEXTS: FUNCTIONAL AND STRUCTURAL ASPECTS OF RESEARCHES

Summary

Subject of inquiry of this article is headlines of the «Naša Niva» newspaper texts (1906-1915). The author defines the functional peculiarities of headlines. Their structural types have been revealed and analyzed, too.

РЭЦЭНЗІІ

ТУРИСТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА БЕЛАРУСИ

Туризм во многих странах занимает значительное место среди наиболее приоритетных видов хозяйственной деятельности. Для ряда государств он является традиционным источником основных доходов. В рамках туризма происходит знакомство с культурными достижениями стран и народов, социальным устройством общества, особенностями национального быта, кухни и т. д.

Коллективная монография А. И. Локотко, О. Н. Княzewой, Е. В. Морозова, О. В. Изотовой «Туристическая мозаика Беларуси» (науч. ред. А. И. Локотко) (Минск: Беларус. навука, 2011) является результатом инновационного проекта «Разработать программы и методики использования историко-культурного наследия и определить локальные историко-культурные территории для развития туризма в Беларуси» (научный руководитель А. И. Локотко, член-корреспондент НАН Беларуси). В книге нашли решение актуальные задачи формирования и развития высокоэффективного и конкурентоспособного туристического комплекса в нашей стране, обеспечивающего широкие возможности для удовлетворения потребностей граждан в разнообразных туристических услугах. Исследование вносит вклад в развитие экономики страны, сохранение и реставрацию историко-культурного наследия, развитие на его основе патриотизма, гражданственности, обеспечение национальной безопасности в социально-гуманитарной сфере.

В современной культуре туризм имеет важную культурно-познавательную функцию, становится элементом диалога различных социальных и этнических групп. Феномен туризма выходит за пределы национальных, культурных и географических границ, формируется на основе изменений в пространстве и времени, обусловленных современными возможностями коммуникаций и процессами глобализации.

Географическое положение Беларуси, расположенной на пересечении трансъевропейских туристических коридоров Восток–Запад и Скандинавия–Балканы, создает предпосылки для развития здесь крупного туристического бизнеса государственного и международного уровня. Туристический потенциал республики базируется, главным образом, на многообразии и красоте природы, уникальности историко-культурного наследия и включает более чем 15 тысяч объектов, имеющих историческую, культурную, архитектурную значимость, памятных мест, связанных с именами выдающихся деятелей мировой истории и культуры. На территории Беларуси расположено значительное количество исторических городов – Полоцк, Новогрудок, Туров, Гродно, Несвиж и другие. В республике имеется 4 национальных парка (Беловежская пуца, Нарочанский, Припятский, Браславские озера), 97 заказников, в том числе 7 международного значения, более 10 тысяч озер, около 20 тысяч рек. Воссоздан уникальный объект водного туризма – Августовский канал. В список Всемирного наследия ЮНЕСКО включены замковый комплекс «Мир» в городском поселке Мир (Гродненская область), архитектурно-культурный комплекс Радзивиллов в городе Несвиж (Минская область), Национальный парк «Беловежская пуца», пункты Геодезической дуги Струве.

В книге впервые представлена разработанная оригинальная научная концепция выявления локальных районов комплексного историко-культурного наследия как основы для создания туристско-рекреационных зон на территории Беларуси. В совокупности результаты исследований данного цикла представляют собой научный прорыв в формировании государственной стратегии развития внутреннего и международного туризма. Впервые в отечественной науке разработана научная концепция развития туризма в Беларуси на основе локально-рекреационных территорий, транзитных, широтных и меридиональных маршрутов, многовекторной спирали для глубокого знакомства с туристическим потенциалом всех регионов республики.

В книге даны очерки по истории городов и городских поселков Беларуси от времени их возникновения до современности. Помимо исторических, социально-экономических, статистических материалов приводятся сведения о памятниках истории и культуры, архитектуры, национальных парках и заповедниках.

Для решения проблемы комплексного анализа природно-ценных территорий и историко-культурных ландшафтов Беларуси с целью определения локальных районов, важных для развития регионального туризма, системно раскрыты теоретические аспекты историко-культурного районирования Беларуси. В результате на основе анализа особенностей природно-ландшафтной среды, системы расселения, коммуникаций, застройки поселений, традиционной материальной и духовной культуры всех областей страны научно обоснованно выделены 52 локальных района комплексного историко-культурного наследия Беларуси. Даны карты локальных историко-культурных территорий с указанием центров материальной и духовной культуры, оригинальные иллюстрации.

В обозначенных локальных районах комплексного историко-культурного наследия на основе существующих природных компонентов, сохранившихся памятников археологии, истории, архитектуры, народного зодчества, этнографии, действующих музеев предлагаются наиболее перспективные туристские маршруты (сухопутные, водные, автомобильные, конные, пешие и т. д.). Даны предложения и рекомендации по сохранению и использованию объектов историко-культурного наследия малых городов и исторических сел Беларуси, сведения о фольклорно-этнографических коллективах, народных промыслах и ремеслах Беларуси.

Научные результаты и выводы создают прочную основу для государственной политики в области сохранения и развития историко-культурных регионов всех областей Беларуси, возможность более глубокого подхода к решению вопросов охраны историко-культурного наследия страны. Данное исследование имеет большое значение для развития инфраструктуры села и привлечения инвестиций в сельские населенные пункты и малые города. Результаты исследований могут войти в проекты стратегии градостроительного развития и другие разработки в качестве разделов по проблемам территориального развития туризма, для разработки новых перспективных туристических маршрутов в регионах, а также могут использоваться для подготовки специалистов в сфере туризма, в практической работе туроператоров и экскурсоводов.

Прикладная сторона результатов внедрена в проекте определения границ перспективных охраняемых градостроительных территорий (в разделе корректировки Генерального плана Минска, совместно с УП «Минскградо»), в предложениях по развитию туризма в регионах Припятского Полесья, районах, пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС, в Национальном парке «Нарочанский», в развитии сельского туризма, представленных для соответствующих Государственных программ Совета Министров Республики Беларусь, а также в двух международных проектах, финансируемых БРФФИ: «Белорусско-румынский туризм: перспективы развития в контексте трансевропейских туристических коридоров» и «Экологический фактор и этнокультурные параметры жизни населения в зоне Чернобыльской катастрофы (Гомельская, Брянская и Черниговская области)», в задании Филиала «Белорусского отделения Российско-Белорусского информационного центра по проблемам последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Республиканского научно-исследовательского унитарного предприятия «Институт радиологии».

Концептуальные идеи исследования положены в основу разработки разделов задания «Архитектура и историко-культурное наследие городов и сел Беларуси: традиции, инновации, развитие туризма» в рамках Государственной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «История, культура, общество, государство».

Опубликованные в представленном цикле работ результаты исследований внедрены в учебный процесс на кафедре истории Беларуси и музееведения Белорусского государственного университета культуры и искусств в 2006–2008 учебных годах (в курсах лекций: «Историко-культурные регионы Беларуси» и «Туризм в Беларуси»), используются сотрудниками туристской компании «Виаполь» при планировании туристских маршрутов и проведении экскурсий по территории Беларуси. Положительные оценки специалистов о монографии прозвучали на страницах газет «Культура», «Веды», озвучены в программах Белорусского телевидения и радио, на сайтах интернета.

В. Ф. Медведев

РЕФЕРАТЫ

УДК 165.12:004.81

Демиров В. В. **Проблема сознания сквозь призму построения моделей искусственного интеллекта** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 4–10.

Статья посвящена рассмотрению проблемы объективности смысла и онтологической референции сквозь призму тех междисциплинарных наработок, которые были сделаны в области изучения сознания и языка в рамках реализации задачи построения моделей ИИ.

Показывается, что решение этой задачи напрямую зависит от рассмотрения следующих фундаментальных вопросов, которые задавала себе философская мысль на протяжении столетий: каким образом приобретаются, хранятся, передаются и используются знания? Что такое сознание и откуда происходят осознанные мысли? Какова природа восприятия и памяти? Что есть мысль? Идентична ли субъективная репрезентация мира его физическим свойствам? Сегодня ставить эти вопросы уже невозможно без привлечения специально-научного знания по этой проблеме. Исходя из философской методологии и категориального аппарата, осуществляется оригинальный синтез указанного специально-научного знания.

Делается вывод, что в основе сущностных факторов, посредством которых сознание способно работать не только на локально-процедурном, формально-синтаксическом уровне, но и на уровне представления и обработки смыслового содержания информации, лежат специфические механизмы темпорального синтеза и интуитивно-эйдетические формы «восприятия общего», «схватывания смысла».

Библиогр. – 12 назв.

УДК 316.334.55-057.32(476)

Смирнова Р. А. **Управленческие кадры АПК как лидеры развития аграрной сферы Беларуси** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 11–15.

Статья посвящена анализу инновационного потенциала аграрного истеблишмента – директоров и специалистов СПК. Показывается специфика их экономического поведения и сознания, обусловленная переходом аграрной сферы от редистрибутивной к рыночной экономике.

Библиогр. – 5 назв.

УДК 331.524:316.43

Кузьменко Т. В. **Основные направления повышения эффективности использования трудовых ресурсов в сельской местности** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 16–23.

Статья посвящена проблеме поиска возможностей эффективного использования человеческих ресурсов в сельской местности. В качестве основных направлений решения данной проблемы рассматриваются снижение уровня безработицы, оптимизация кадровой структуры сельхозпредприятий и повышение квалификации руководителей и специалистов, а также диверсификация сфер приложения труда и способов получения доходов граждан на селе, их вовлечение в альтернативные формы занятости, не связанные с сельхозпредприятием.

Табл. 1. Библиогр. – 7 назв.

УДК 342.72/.73;364(476)

Сивец С. М. **Обеспечение прав граждан как основной вектор реализации социальной политики Республики Беларусь** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 24–28.

Проводится анализ системы гарантий социальных прав граждан, рассматриваемой в правовой науке в качестве одного из основных направлений развития социальной политики Республики Беларусь. Дается авторская классификация системы политических, экономических, социальных и духовных гарантий социальных прав граждан, закрепленных на конституционном уровне.

Вносятся предложения по совершенствованию системы гарантий социальных прав граждан с целью придания им реального характера.

Библиогр. – 17 назв.

УДК 342.92

Ладутько В. К. **Объективные признаки административных правонарушений в сфере налогообложения** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 29–38.

Проведено исследование объективных признаков административных правонарушений против порядка налогообложения. Автором проанализирована общетеоретическая и отраслевая литература по рассматриваемому вопросу, законодательство Республики Беларусь об административных правонарушениях и разработаны предложения по его совершенствованию.

Библиогр. – 52 назв.

УДК 34.03:004.056.5

А б л а м е й к о М. С., М а р у ш к о Д. А. **Правовое обеспечение информационной безопасности при формировании информационного общества в Республике Беларусь** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 39–45.

Проанализированы правовые основы формирования информационного общества, обеспечения информационной безопасности в Республике Беларусь. Подготовлены предложения по развитию национального законодательства в данной сфере.

Библиогр. – 22 назв.

УДК 336.7+338

К о р о п В. В. **Монетарный индикатор состояния белорусской экономики** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 46–50.

Эффективность экономической политики в стране зависит от своевременной и объективной оценки состояния и динамики экономических процессов. На основе анализа экономического роста Беларуси и показателей платежного оборота, опосредующего движение ресурсов и факторов в экономике, автором предложен монетарный индикатор для оперативного мониторинга экономической ситуации.

Табл. 1. Ил. 4. Библиогр. – 4 назв.

УДК 336.1/.5+339

С а б д е н О р а з а л ы, А р м е н с к и й А. Е. **Обеспеченность национальных валют и переход к равноправной торговле** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 51–56.

Процесс реформирования мировой финансовой системы достаточно сложен и многогранен. Он требует тщательной подготовки, внимательных расчетов и поэтапной реализации.

Основные требования к валюте должны заключаться в ее привязанности не к одному определенному товару. Необходимо, чтобы эта валюта содержала по своей сути силу, мощь. Кроме того, в качестве такой валюты не должна быть принята валюта какой-либо страны, чтобы отойти от соблазна возникновения главенствующего, господствующего в мировой экономике государства, по желанию которого могут случаться кризисы или войны.

Табл. 7. Ил. 1. Библиогр. – 1 назв.

УДК 94(476)(36)–912.43:93/99 “9/13”

В и т я з ь С. П., К у л а к о в В. И. **«Каменные» городища раннего средневековья** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 57–68.

Обобщены данные о городищах с каменной облицовкой внешнего склона вала («каменные» городища) восточно-европейской лесной полосы периода раннего средневековья. Всего выделены 29 памятников на территории России (12 ед.), Польши (9 ед.), Беларуси (5 ед.), Литвы (3 ед.). Городища располагаются в исторических областях распространения племен пруссов (14 ед.), ятвягов (9 ед.) и в пограничных балто-славянских областях (6 ед.). Отмечается центр формирования и бытования таких памятников – п-в Самбия (Калининградская обл. России), что прямо указывает на этническую принадлежность носителей данного конструктивного приема – древних пруссов.

Ил. 1. Библиогр. – 51 назв.

УДК 936.91:940.1 «03/05»

Г р и г о р ь е в В. В. **Влияние гуннов на эволюцию этнических общностей в позднеантичной и раннесредневековой Европе** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 69–73.

Исследуется трансформация этнического пространства европейского континента в связи с влиянием гуннов. Показаны этнические процессы, проходившие до активного изменения гуннами такого пространства. Подчеркивается место стратегической системы влияния гуннов и их этнического проникновения в общности континента. Данное исследование актуально, поскольку доказывает, что изменение этнической и политической сферы Европы гуннским воздействием с IV по VI в. н. э. создало новые политические, геополитические звенья и этнические общности.

Библиогр. – 19 назв.

УДК 94(476) «1914/1918»:930(476)

Д м и т р и е в а О. П. **Этнические меньшинства Беларуси в годы Первой мировой войны в отечественной историографии 90-х гг. XX – начала XXI в.** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 74–82.

Анализируются исследования белорусских историков 90-х гг. XX – начала XXI в., посвященные различным аспектам положения этнических меньшинств, проживавших в Беларуси в годы Первой мировой войны. Отмечается недостаточная степень изученности вопросов, связанных с национально-культурным, социально-экономическим и политическим развитием этнических меньшинств, которое происходило в условиях немецкого оккупационного режима и под влиянием правительства Российской империи.

Библиогр. – 39 назв.

С а в и ц к а я А. А. **Современная проблематика в репертуаре детского театра (практика Белорусского театра юного зрителя)** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 83–89.

Рассматривается одна из ключевых задач функционирования детского театра – создание современного репертуара для подростков. Автор отмечает характерные особенности подросткового возраста, раскрывает их роль и значение в сценической интерпретации актуальных проблем. Анализируются социокультурные и художественные аспекты воплощения современной темы на разных этапах деятельности Белорусского театра юного зрителя. Отмечается, что в 1930-е гг. действуют социальные механизмы включения детей в мир прекрасного, а потому доминируют спектакли, в которых затрагивается стандартная для того времени тема классового воспитания подрастающего поколения. Во второй половине 1950-х гг. современная тема получает сценически выразительное морально-этическое толкование, наполняется духовным, общечеловеческим содержанием. В последующие десятилетия наблюдается резкое ухудшение ситуации с современным репертуаром для 11 – 14-летних зрителей. Автор указывает как на количественное, так и на качественное сужение данной репертуарной линии. С конца 1990-х гг. современность вовсе уходит с подмостков ТЮЗа. Выявленная тенденция оценивается как крайне неблагоприятная, которая негативно отражается как на профессиональном, так и на творческом состоянии единственного в республике национального театра для детей.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 72.012(476)

М у р и н а Н. В. **Аутентичность художественного образа современной архитектуры Беларуси** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 90–94.

Проведены анализ и оценка степени влияния традиций на современное архитектурное формообразование и аутентичность художественного образа. Раскрыты некоторые подходы, способствующие развитию и сохранению национальных и региональных особенностей в архитектуре. Выявляется роль инноваций и авторского влияния на формообразование и художественный образ в современной архитектуре. Затрагиваются проблемы поиска национальной и индивидуальной аутентичности в контексте современного формообразования в архитектуре. Рассматриваются различные принципы и их особенности, лежащие в основе современного формотворчества.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 791.43.03+821.161.3.09(092)

Р е м и ш е в с к и й К. И. **Максим Богданович и эволюция мемориальной парадигмы в экранной культуре Беларуси** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 95–105.

Анализируется широкий массив аудиовизуальной продукции (неигровые кино-, видео- и телефильмы), созданной в Республике Беларусь за последние четыре десятилетия на темы жизни и творчества великого белорусского поэта Максима Богдановича (1891–1917).

На примере сложных и противоречивых процессов формирования культурной памяти о М. Богдановиче исследуется становление и развитие мемориальной парадигмы в белорусской экранной культуре; выявляются механизмы взаимовлияния литературоведения на экранную культуру; обосновываются закономерности эволюции содержательных и жанрово-стилевых подходов авторов аудиовизуальной продукции о М. Богдановиче в зависимости от доминирующей на конкретном историческом этапе аксиологической оценки наследия поэта, а также смен приоритетов развития национального неигрового кинопроизводства.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 882.6.09-3

Т к а ч е в а П. П. **Маска в сатирико-юмористической литературе: трансформации образа автора в художественном произведении** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 106–116.

Образ автора – это представление читателя о том, кто написал художественное произведение. Безусловно, образ автора во многом похож на самого автора, так как его мысли и чувства заложены в произведении. Однако есть примеры в художественной литературе, когда образ автора подчиняется полностью законам создания художественного образа. В таком случае мы имеем дело с инновационной трансформацией образа автора.

Рассматриваются вопросы, связанные с проблемой так называемой «авторской маски», которая позволяет автору перевоплотиться в литературный персонаж, выбрать своеобразный стиль и т. д. Таким образом, исследование инновационной трансформации образа автора (его маски) весьма существенно при анализе стиля писателя, его творческой лаборатории, особенно когда это касается творчества сатирика, юмориста.

Библиогр. – 30 назв.

УДК 070(476) НАША НІВА

М а р а к у л и н а Т. Н. **Заголовки публицистических текстов газеты «Наша Ніва»: функциональный и структурный аспекты исследования** // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 2011. № 4. С. 117–123.

Объектом исследования послужили заголовки публицистических текстов газеты «Наша Ніва» (1906–1915 гг.). Определяются функциональные особенности газетных заголовков, выявляются и анализируются их структурные типы.

Ил. 1. Табл. 2. Библиогр. – 17 назв.